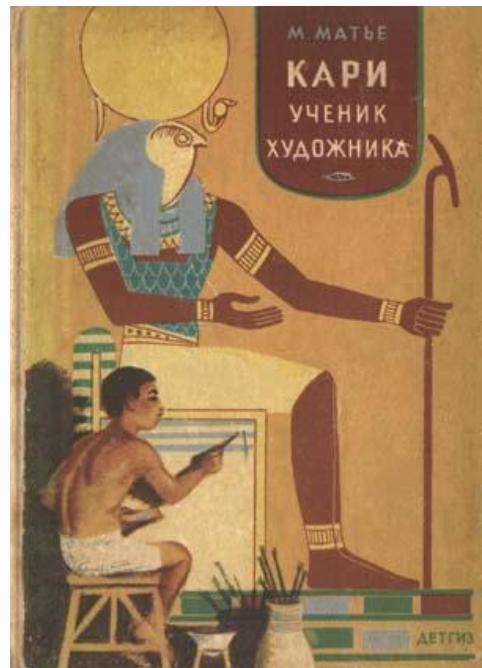

Милица Эдвиновна Матье

«Кари, ученик художника»

Милица Эдвиновна Матье

Кари, ученик художника

Сильнее Уасет всех городов...

Не сражаются вблизи нее, велика ее сила.

Она – их владычица, более могучая, чем они.

Так воспевали древнеегипетские поэты самый большой и самый замечательный из городов Египта, его столицу Уасет, или Фивы, как называли его греки.

Вначале Фивы были небольшим городом, позже они сделались столицей. Особенно разросся город в XV–XIII вв. до н. э. Египетские фараоны в это время вели большие войны на севере, в Передней Азии, и на юге, в Нубии. Каждая война приносила огромную добычу и целые отряды пленных рабов. Цари тратили громадные средства на украшение своей столицы, и на правом берегу Нила раскинулся великолепный город.

Пышные дворцы и храмы, богатые дома знати превратили Фивы в самый большой и богатый из египетских городов. Слава о египетской столице распространилась далеко за пределы Египта, и даже в поэмах Гомера говорится о красоте и величии Фив.

На окраине Фив были маленькие домики и лачуги, где жили ремесленники. На западном берегу Нила, среди скалистых гор, раскинулся целый «город мертвых» – гробницы фиванцев, вырубленные в скалах. Рядом, в узкой долине, ученые называют ее «Долиной царей», были расположены гробницы фараонов, неподалеку от них находились гробницы их жен и детей.

А в котловине среди скал находилось селение, где жили люди, которые строили этот «город мертвых». Это были каменотесы и строители, скульпторы и живописцы, искусные мастера, которые вырубали гробницы, расписывали их стены замечательными росписями, создавали прекрасные статуи. Из камня, дерева, металла они изготавливали великолепные сосуды, мебель, украшения, наполнявшие гробницы фараонов, знатных и богатых египтян.

Здесь среди этих мастеров и жил герой нашей повести, ученик художника Хеви, мальчик Кари. События, о которых рассказывается в повести, происходили около трех тысяч лет назад, во время правления фараона Рамсеса III.

1. ВСТРЕЧА В ГОРАХ

Кто это? Смотри, кто это?

– Этот? Не знаю, никогда его не видал... Он, наверное, оттуда, с берега, а может быть, даже из Города!^[1]

И вопрос и ответ произнесены шепотом. Две черноволосые, коротко остриженные головы чуть выглядывают из-за уступа скалы. Настороженно смотрят черные глаза, сильные тонкие пальцы уцепились за камень.

Напротив, из расщелины между большими утесами, с трудом вылезает мальчик лет десяти-одиннадцати. Он спрыгивает на плоский камень и растерянно оглядывается. На его круглом лице разочарование, почти отчаяние.

– Опять тоже самое – ни следа тропинки! – говорит он упавшим голосом.

Минуты две мальчик продолжает внимательно всматриваться в окружающие его со всех сторон горы, потом подходит к тени, падающей от одного из утесов, и молча садится, очень усталый и озабоченный.

Вокруг раскаленные зноем скалы – желтоватые, серые, коричневые, с острыми, круглыми или плоскими вершинами, с резкими, иссиня-

черными пятнами теней, придающими им подчас фантастические очертания.

Воздух горяч и неподвижен. На небе ни облачка, и солнце беспощадно жжет прямыми лучами. Тишина такая, что порой звенит в ушах. Только изредка прошуршит ящерица да в вышине крикнет коршун.

Нигде ни кустика, ни травинки.

Душно и томительно. Особенно томительно потому, что мальчик заблудился и не может выйти из этих бесконечных и точно заколдованных скал.

Пересохли губы, дрожат ноги; кажется, нет больше сил, чтобы встать и двинуться дальше. И он сидит, вернее, уже лежит, закрыв глаза.

Тогда две головы исчезают за уступом скалы; потом из-за него появляются два мальчика. Прячась за камнями, они начинают ловко и бесшумно приближаться к лежащему.

Мальчики почти голые, только их бедра обтянуты куском полотна. Худые, загорелые, коричневые тела сливаются со скалами, огрубелые подошвы легко ступают по раскаленным камням, глаза настороженно и с явным любопытством следят за незнакомцем.

Ближе, ближе... Вот уже они перед ним...

Внезапно лежащий мальчик приоткрывает глаза. С криком вскочив на ноги, он прижимается спиной к скале и впивается глазами в неизвестно откуда появившихся сверстников.

Напряженное молчание. Враги или помошь? Что будет – драка или дружба?

Первым решается заговорить пришелец:

– Кто вы такие? Откуда?

– А ты сам кто такой и откуда? – следует ответ.

Заблудившийся молчит, еще немного мнется и наконец решается сказать всю правду:

– Я живу в Святынище.^[2] Меня зовут Тути. Мой отец садовник. Я давно хотел побывать в Долине царских гробниц, но мне никогда не разрешали этого сделать. А сегодня мне наконец удалось незаметно убежать... Сначала я шел по тропинке, а потом вдруг услышал пение и плач... спрятался в камнях, вижу – идет погребальное шествие, длинное, много людей: видно, кого-то важного хоронили... Я побоялся, что меня заметят, и отполз подальше, а потом уж и не смог снова выйти на тропинку – забыл, как от нее отшел! Лазал, лазал по горам и вот – добрался сюда...

– Это, должно быть, он все верно рассказал, – говорит один из мальчиков, следивших за пришельцем, обращаясь к своему товарищу. – Это он наткнулся на похороны писца царской сокровищницы Небамона. Ну что ж, надо его выручать! Как ты считаешь, Пайри?

– Конечно, – отвечает Пайри.

– Вот спасибо! – облегченно вздыхая, сразу улыбается Тути. – А вы сами-то откуда?

– Мы из поселка «слушающих зов».^[3] Меня зовут Кари, а его – Пайри. Наши отцы – братья. Мой отец столяр, а его отец каменотес, – отвечает первый мальчик.

Тути слушает, широко открыв и без того большие черные глаза. Так вот кто его новые знакомые! Они из того самого таинственного поселка, где живут «слушающие зов» – люди, которые делают гробницы для

фараонов, цариц и царских детей, те каменотесы, живописцы, скульпторы, ремесленники, которые вырубают ряды комнат в скалах, расписывают там стены прекрасными росписями, делают великолепные статуи. Мальчики из этого поселка! Так ведь они, конечно, всё знают здесь в горах, все кладбища – царей, цариц, знати, простых людей! Тути забывает и про усталость и про голод.

– Вот это здорово! – восклицает он. – Значит, вы мне здесь всё покажете?!

– Что это значит – все? – спрашивает Кари.

– Ну, царские гробницы, конечно! – нетерпеливо поясняет Тути.

Вместо ответа Паири тихо, но явно насмешливо свистит, а Кари откровенно хохочет:

– Ого, какой прыткий! Ты что же, думаешь, что туда так вот просто можно пройти. Да ведь там везде стража, а входы в гробницы крепко замурованы!

– Это я знаю, но вы-то, наверное, везде можете пробраться, вы ведь здесь свои?

– Ох, и ничего-то ты не соображаешь! Туда и близко никому нельзя сунуться, да и вообще, неизвестно, где и входы-то в гробницы царей! – пытается убедить мальчика Кари.

– Не может быть! – разочарованно говорит Тути. – Кто-нибудь должен знать, туда же ходят проверять, целы ли гробницы!

– Именно, может быть! И только так и есть! – упрямо отвечает Кари.

– И никто не знает? И вы не знаете, так-таки ничего и не знаете? – с отчаянием в голосе спрашивает Тути.

Паири и Кари переглядываются и молчат. Кари начинает рассматривать трещину в скале, Паири отковыривает ногой небольшие

куски камня, которые с легким стуком падают вниз. Тути жадно, с остатками надежды смотрит на своих новых знакомцев.

вернуться

1

Городом египтяне называли столицу страны – Фивы.

вернуться

2

Святилищем на западном берегу Нила в Фивах сокращенно называли заупокойный храм фараона Рамсеса III, так как этот храм был самым грандиозным из построенных царями XX династии.

вернуться

3

«Слышащий зов» – слуга. Так, в частности, назывались работники царских кладбищ.

Наконец Кари поднимает голову.

– Ну конечно, кое-кто кое-что знает, – медленно говорит он, все еще смотря себе под ноги. – Жрецы, стража… ну, немножко и мы знаем… Только все это – страшная тайна! Если что-нибудь об этом рассказать – запрячут в тюрьму и казнят! Поэтому давай пока – ни слова… потом посмотрим, а теперь – ты ведь, наверное, хочешь пить да и поесть чего-нибудь? Идем к нам, тут недалеко!

Своим вопросом Кари ловко отвлекает внимание мальчика от неприятного разговора. Тути сразу чувствует опять, как он голоден, и охотно соглашается с предложением Кари.

Сначала мальчики некоторое время снова идут без какого-либо намека на дорогу, просто между камнями, причем Тути даже не понимает, каким

образом его новые друзья знают, куда надо идти. То они перелезают через высокий уступ, то, наоборот, спускаются вниз, хотя нигде не видно ни следа тропинки и вообще все кругом кажется какими-то непроходимыми стенами.

Но маленькие обитатели поселка «слушающих зов» так уверенно переходят с утеса на утес, так спокойно пробираются через расщелины, что, несомненно, им здесь хорошо знаком каждый камень. И точно в подтверждение этого Кари, идущий впереди, спрыгивает вниз с очередного уступа скалы и, оборачиваясь, говорит:

– Ну, теперь идти будет легче, вышли на тропинку!

Действительно, они на тропинке. Только здесь она гораздо уже и меньше заметна, чем та, по которой Тути начинал утром свой поход в горы. Здесь надо внимательно следить, куда ведет тропинка, – горы здесь круче, часто приходится то залезать на большие камни, то перепрыгивать с уступа на уступ, и легко сбиться с пути.

Неожиданно на повороте Кари останавливается и предостерегающим жестом поднимает руку. Он делает два-три шага в сторону и опускается на колени. То же повторяет и Паири. Тути с удивлением смотрит на своих спутников.

Паири оборачивается и манит его к себе. Мальчик подходит. Паири рукой показывает, чтобы он тоже стал на колени.

– Зачем? – спрашивает Тути.

– Тсс... тише ты! – шепчет Паири и боязливо оглядывается.

Нет, ничего, все спокойно. Тогда он показывает вперед и снова шепчет:

– Поклонись Владычице Западной Вершины и попроси у нее удачи!

Мальчик покорно опускается на колени и тут только замечает впереди странное сооружение – что-то вроде сложенной из десятка небольших камней низенькой ограды с навесом. Посередине ограды поставлена

маленькая каменная плита, на которой изображена змея кобра. Под изображением несколько строк иероглифов. Тути успевает прочесть:

О госпожа! Ты сделала, что я и днем вижу теперь только мрак! Я совершил грех против тебя, и ты покарала меня. Смилуйся же надо мной! Я всем, расскажу о твоей силе. Пусть слышат все уши – осторегайтесь Вершины Запада! Поставил каменотес Паах.

На земле перед этой плитой лежат завядшие цветы, куски засохшей лепешки, несколько фиников, горсть изюма, стоит пустая глиняная чашечка.

– О добрая госпожа, дай нам здоровье и удачу во всем! – тихо говорит Кари, кланяясь изображению кобры.

Паири повторяет его слова и поклон, Тути тоже. Затем Кари встает и осторожно пятится от молельни, все время почтительно наклоняя голову; двое мальчиков делают то же самое, и, только очутившись опять на тропинке, Тути спрашивает:

– А что это такое там было?

– Молельня Владычицы Вершины Запада, ее поставил здесь каменотес Паах, когда он ослеп. У нас в этих местах часто ставят такие маленькие молельни Вершине, – отвечает Кари.

– А почему он ослеп?

– Кто это знает? Он сам думает, что его наказала Владычица Западной Вершины.

– А почему он решил, что это именно она ослепила его? – спрашивает Тути.

– Потому что она здесь главная богиня! Под ее властью все горы, все кладбища и все люди, которые здесь живут. Она все знает и всех наказывает за дурные дела. У нас не один Паах ослеп, есть и другие, – рассказывает Кари.

– И все они сделали что-нибудь очень скверное?

– Вероятно. Иначе зачем бы богиня стала их наказывать?

– А вот Неферабу говорит, что он ничего плохого не делал, – вмешивается Паири. – И никто про него ничего худого не знает!

– Ну, мало ли что... Может, все-таки что-нибудь сделал! «Она»-то ведь знает! – убежденно отвечает Кари.

– А как же живет сейчас Паах? Ведь он больше не может работать каменотесом? – спрашивает Тути.

– Плетет корзинки, большие, из грубого тростника, для грузов. Такие можно научиться плести и ощупью, – отвечает Кари.

Кари, как и Паири, говорит все время тихо. Вообще они оба как-то присмирили, идут осторожно, иногда оглядываются по сторонам. Тути это замечает и хотя не понимает, в чем дело, но на всякий случай некоторое время тоже молчит. Однако потом, засмотревшись по сторонам, он забывает обо всем и неожиданно начинает что-то напевать. Паири и Кари сразу же оборачиваются, и на их лицах написан такой явный страх, что Тути не только перестает петь, но просто застывает на месте.

– Ты с ума сошел, что ли? Разве можно тут петь?! – почти шипит Паири.

– А почему нельзя? – невольно тоже переходит на шепот Тути.

– Так ведь мы недалеко от «ее» горы, вон она! – Паири показывает на самую высокую гору, которая давно была видна, но к которой теперь мальчики действительно подошли довольно близко.

Теперь Тути понимает, в чем дело. Как это он сразу не сообразил! Ведь с самого раннего детства он слышал рассказы об этой горе – самой высокой из всех гор, окружающих с запада столицу Египта – город Фивы. Вдоль всего берега Нила тянутся здесь эти хребты, и над всеми ними господствует одна – Вершина Запада. А там, на этой горе, живет могучая богиня – Владычица Западной Вершины, грозная кобра, хозяйка всех скал и пещер. Да, здесь, поблизости от нее, надо вести себя тихо!

Паири видит по лицу Тути, что тот все понял, и поэтому ограничивается только одним вопросом:

– Ты, верно, забыл, как ее зовут? Ведь недаром ее имя Мерит-сегер!

Да, богиню зовут Мерит-сегер, а это значит «любящая молчание». А он-то еще собирался петь в ее владениях, вот уж наделал бы беды! И Тути опускает голову.

– Ну, то-то, – удовлетворенно шепчет Паири и продолжает путь.

Постепенно они удаляются от страшной горы, но все же один, то другой нет-нет да и оглядывается на нее. А она все время видна, куда бы они ни завернули! Ну, все-таки, может быть, богиня не слыхала, как напевал свою песню Тути? Так думает мальчик, так думают и его товарищи.

2. ПОСЕЛОК «СЛУШАЮЩИХ ЗОВ»

Тропинка по-прежнему вьется между скалами. Кажется, что ей не будет конца и что впереди так ничего и нет.

Тути опять начинает чувствовать голод и усталость, боль в ногах, сухость губ, но все же старается не отставать от Кари и Паири.

Все дальше, все выше. И совсем неожиданно, обогнув очередной острый угол высокой скалы, Тути видит перед собой необычную картину.

Перед ним среди гор – узкая, довольно глубокая долина, а на дне лежит окруженный стеной поселок. Сверху хорошо видны плоские кровли домов, тесно пристроенных один к другому, большая главная улица идет вдоль всего поселка и делит его на две части, от нее кое-где отходят узенькие переулки.

В поселке нет садов, вокруг не расстилаются поля. Со всех сторон к нему подступают высокие скалы, точно охватившие непреодолимой грозной оградой это одинокое, отрезанное от всего живого странное селение.

Мальчики стоят молча, переводя дыхание после быстрой ходьбы. Как здесь тихо – никого не видно, не слышно голосов людей, криков животных. Все пусто, словно и здесь все выжжено солнцем.

– Ну, вот и пришли. Это и есть наш поселок, – говорит наконец Кари. – Идем туда, ты у нас поешь и отдохнешь, хорошо? А потом я провожу тебя в Святилище.

Тути с удовольствием соглашается, и мальчики начинают спускаться вниз.

Недалеко от входа в поселок расположен сторожевой пост. Тут же врыт в землю огромный глиняный сосуд, полный водой.

Дежурный стражник не обращает никакого внимания на мальчиков. Они проходят мимо поста и входят в ворота поселка. Отсюда сразу же начинается та главная улица, которую Тути заметил еще сверху. Вдоль нее направо и налево тянутся фасады домов, плотно пристроенных друг к другу. На их побеленных стенах резко выделяются расписанные яркими красками притолоки и косяки дверей. Изредка, в особом углублении, устроенном около того или другого дома, поставлен большой двуручный сосуд с водой, нижняя часть которого врыта в землю, вернее, врублена в камень долины, в которой лежит поселок.

Тути заглядывает в один из таких сосудов и видит, что он еще полон водой.

– Сюда наливают воду, ее каждый день по нескольку раз привозят на ослах, – объясняет Пайри. – У нас здесь нет колодцев, и воду развозят по домам, а потом наполняют и эти сосуды и тот, который ты видел у сторожевого поста. Из того берут воду стражники, а из этих – все, у кого дома кончается ее запас.

– Все продукты и одежду нам тоже привозят, – добавляет Кари. – Наши отцы и братья получают за работу паек из управления везира.^[4]

– Да, только не всегда вовремя, – вздыхает Пайри.

Они идут дальше. Около маленького переулочка Кари останавливается и, показывая на дом, построенный на углу этого переулочка, говорит:

– Вот мы и пришли, это наш дом, входите!

– Нет, спасибо, – говорит Пайри, – я пойду к себе, меня, наверное, уже ждут. Прощай, Тути, приходи к нам еще! – И Пайри убегает, прежде чем Тути успевает, в свою очередь, пригласить его к себе.

Кари толкает дверь. Им приходится спуститься по трем ступенькам вниз, и они оказываются в первой комнате дома.

Она очень невелика, и в ней почти нет никакой мебели. Левую стену целиком занимает большой высокий кирпичный жертвенник, расписанный фигурами богов и цветочными гирляндами. В другой стене устроены ниши, в которых поставлены статуэтки богов или большие глиняные бюсты предков. Перед такими нишами на полу стоят маленькие глиняные жертвенники, в них лежат скромные дары – хлебцы, плоды. В комнате никого нет, но откуда-то слышатся голоса.

– Идем дальше, – говорит Кари, и они входят в следующую комнату.

Она больше и выше первой, посередине стоит тонкая деревянная колонна, поддерживающая потолок. У противоположной стены устроено место для гостей – невысокая приступка из кирпича, покрытая циновками. У других стен стоят низенькие столики и табуреты. В комнате очень чисто, везде постелены циновки.

– Кто там? – слышится женский голос, и из боковой двери выходит среднего роста женщина с приятным добрым лицом.

– Это моя мама, ее зовут Неши. – Кари подбегает к матери и тащит за собой Тути. – Мама, это Тути из Святилища. Он заблудился в горах, и я привел его к нам.

Тути вежливо кланяется, а мать Кари ласково кладет ему руку на голову.

– Здравствуй, Тути, – говорит она. – Кари хорошо сделал, что привел тебя. Подите умойтесь, мальчики, а я приготовлю вам поесть. Ведь вы, наверное, совсем голодные?

– Ох, мама, правда совсем! Я как раз собирался просить тебя, чтобы ты нас покормила, – говорит Кари. – Идем, Тути!

Кари ведет своего гостя в следующую комнату. Это небольшое помещение, где стоит кровать, а в углу Тути видит аккуратно сложенные красивые плетеные корзинки.

Дальше они попадают в крохотный дворик, который одновременно служит и кухней – здесь устроена печь для лепешек, стоят жаровни и каменная зернотерка, а в углу – большой сосуд с водой. Тут мальчики и умываются, поливая друг другу.

И вот они оба, освеженные мытьем, сидят и с удовольствием уплетают скромное угощение, которое подала им Неши, – ячменные лепешки, лук, растительное масло, козий сыр, финики, легкое кисловатое вино.

Сама Неши не ест, а стоит рядом и угощает мальчиков, убеждая Тути не стесняться и хорошенько поесть. Собственно говоря, Тути не очень нуждается в таких уговорах: он чувствует себя как-то легко и свободно в доме Кари.

Ему очень хочется узнать, где отец Кари, есть ли у Кари еще братья и сестры, но так как в присутствии взрослых младшим не полагается начинать разговор, то он дожидается, пока мать Кари уходит зачем-то из комнаты, и тогда уже начинает спрашивать своего нового друга обо всем, что его интересует.

– Отец работает в общей мастерской с другими столярами, – рассказывает Кари. – Сейчас они делают разные вещи для храма фараона Аменхотепа-Джесеркара. Отец готовит красивый резной футляр для статуи бога Амона. Братьев у меня нет, есть только одна сестренка. Ее зовут Таиси, она сейчас, как всегда, со своими подружками недалеко от поселка – в тени, среди скал. Когда пойдем обратно, мы зайдем туда, это нам как раз по дороге.

Тути кивает головой, так как рот его полон фиников. Некоторое время мальчики молча доедают плоды, потом Кари говорит:

– А удачно получилось, что ты заблудился именно сегодня, когда я не занят и мог побродить по горам, а то мы бы и не встретились.

– Да, очень удачно, – соглашается Тути. – А чем же ты бываешь обычно занят?

– Как – чем? Работой!

– Разве ты уже работаешь?

– Я ученик художника Хеви, – с гордостью говорит Кари, – и работаю с ним! Правда, это бывает не каждый день, но все-таки довольно часто. А

сегодня мой учитель с самого утра отправился на ту сторону реки, в Город.^[5] Он вернется только к вечеру, и я почти весь день свободен, вот только надо выполнить одно его поручение. Кстати, не поможешь ли ты мне? Это нетрудно, и займет у тебя не много времени, хорошо?

– Конечно, я тебе помогу, мне это будет очень интересно! Я ведь никогда не видал, как работают художники. Пойдем сейчас, хочешь? Я уже совсем отдохнул.

– Вот и чудесно, идем!

Кари вскакивает и подбегает к двери, которая ведет внутрь дома.

– Мама, – кричит он, – спасибо! Все было очень вкусно, и мы совсем сыты!

– Ну вот и хорошо, – говорит Неши, появляясь на пороге комнаты.

Тути тоже благодарит ее.

– На здоровье, на здоровье, – улыбается Неши. – Ну, а теперь что вы собираетесь делать?

– Я пойду немного поработаю, а Тути мне поможет. А потом я покажу ему дорогу домой, – отвечает Кари. – Да, пожалуйста, положи мне на блюдце или в горшочек угольков из жаровни, чтобы я мог зажечь светильник.

– Хорошо, идите, только будьте осторожны: сегодня Панеб опять гневался, прибил старика Раму и вдову Нехти, да еще у нее и гуся отнял. А потом рассердился на водовозов, когда те уходили за водой: ему показалось, что они идут слишком медленно, и он стал бросать в них камнями...

– Ну и что же, ранил он кого-нибудь? – встревоженно спрашивает Кари.

– К несчастью, сильно расшиб плечо Чанеферу.

– И как же Чанефер, пошел все-таки за водой?

– Пошел. Кое-как перевязали его, и пошел... А что же делать? Ну, идите, только будьте осторожны, – повторяет Неши.

Тути прощается, еще раз благодарит за гостеприимство, и мальчики выбегают на улицу.

– Куда же мы пойдем, где ты работаешь? – спрашивает Тути. Хотя ему очень хотелось бы узнать, кто такой этот Панеб, который беспрепятственно творит такие безобразия в поселке, но он запомнил предупреждение Неши и боится спрашивать об этом на улице. Время для этого еще найдется.

– Мы пойдем вон туда, видишь? – Кари показывает на горы, окружающие поселок с запада.

По этому склону снизу от долины и все выше стоят постройки с пирамидками на кровлях. Издали эти постройки кажутся точно прилепленными к уступам скал, и их белые террасы отчетливо выделяются на серовато-желтом фоне камней.

вернуться

4

Везир – главный сановник государства.

вернуться

5

Фивы расположены на обоих берегах Нила; на восточном берегу находился сам город, на западном – заупокойные храмы царей и кладбища.

Мальчики подходят ближе. Теперь уже здания видны хорошо. Тути давно догадался, что это гробницы. Мальчик с самого раннего детства часто бывал с родителями в гробницах своих умерших родных. Его научили верить, что в теле каждого человека есть душа, которая продолжает существовать и после смерти, что участь душ людей зависит от бога мертвых, научили молиться этому богу и просить у него всяких благ для умерших. Тути знает, что всякий египтянин мечтает построить себе прочную гробницу с молельней и подземельем, чтобы там, внизу, после его смерти лежало бы в безопасности его набальзамированное тело, а в молельню могли бы приходить его родные и приносить еду и питье для его души. Чтобы лучше сохранить гробницу от повреждения, все, кто имеет средства, заказывают каменотесам вырубить ее в горах, а перед гробницей обычно устраивают двор с воротами, иногда даже сажают деревья и цветы.

Такие дворы, только маленькие, сделаны и здесь, на кладбище жителей поселка «слушающих зов», и в один из них неожиданно сворачивает Кари и манит за собой Тути.

Двор целиком вырублен в скале. Справа и слева вдоль утесов пристроены кирпичные стены ограды двора, такие же, как стена с воротами, а в глубине видны два навеса, тоже сложенные из кирпича. Каждый навес поддерживают две деревянные колонны, невысокие и тонкие. Двери ведут уже прямо внутрь горы. Тути понимает, что в этом дворе выстроены две гробницы.

Кари ведет его к более высокой. Они входят в дверь и попадают в комнату, целиком вырубленную в скале. В глубине комнаты, в противоположной входу стене, видна закрытая дверь.

После ослепительного солнечного света в комнате сначала кажется темно, но мальчики быстро осваиваются. Через вход льется поток света, который в какой-то мере позволяет видеть все помещение.

Оно сравнительно невелико. Две стены уже покрыты росписями, две еще белеют, не тронутые кистью художника. Кари проходит в левый угол комнаты, роется в сложенных там вещах, вынимает светильник и зажигает его, раздув принесенные угольки. Потом он манит Тути и показывает ему на стену.

Тути всматривается в роспись и видит: в два ряда сидят фараоны, каждый на особом нарядном троне. Все они очень важные, очень неподвижные, очень холодные. А сбоку на скамеечке сидит человек; в противоположность царям он нарисован в свободной, естественной позе: он поджал под себя одну ногу, слегка наклонил голову, в руках он держит кисть и прибор с красками. Рядом надпись: «Глава художников Хеви». Так вот что хотел показать ему Кари – портрет своего учителя.

– Чья это гробница? Кто делал портрет Хеви? – спрашивает Тути.

– Гробницу делают для зодчего Инхерхаа и его сына. Видел, что во дворе две двери? – отвечает Кари. – Портрет Хеви делал он сам. Он здесь вообще большую часть росписей делает. Правда, хороший портрет? А вот еще одна его работа – арфист!

Кари идет к другой стене, Тути за ним. Вот и арфист. Он сидит на земле, на тонкой циновке, перед самим Инхерхаа и его женой, играет на большой арфе и поет. Да, это действительно стоило посмотреть! Мальчик не раз видел изображения арфистов в гробницах своих родных, но такого – никогда! Вот смотришь на него, и, кажется, что слышишь его голос – так правдиво изобразил его Хеви! Пожилой слепой человек весь отдался музыке. Его тонкие гибкие пальцы точно бегают по струнам, рот открыт. Он поет, аккомпанируя себе на арфе, явно забыв обо всем, кроме своей песни.

– Это певец Неферхотеп, он живет у нас в поселке и славится своим пением и игрой на арфе. Его часто приглашают петь и играть. Хеви его замечательно нарисовал – он точно такой и есть, лысый, старый и совсем так же поет, – говорит Кари.

– А кто сделал эту гробницу? Кто вырубил ее в горе, устроил двор, навесы, поставил на навесах маленькие пирамидки? – интересуется Тути.

– Жители нашего поселка, как и повсюду, стараются сделать свои гробницы еще при жизни, – говорит Кари. – Наши мужчины сами рубят и украшают друг другу гробницы, но работать здесь они могут редко – только по праздникам, а все другое время они должны готовить гробницы для царя, его семьи, для жрецов и вельмож. А если каждый день уходить туда и приходить обратно в поселок – много времени потратишь на дорогу. Вот всем и приказано уходить из поселка на работу на целые девять дней. Потом приходят и отдыхают один день дома, потом опять девять дней работают, и так все время, кроме особых праздников. Значит, гробницы для жителей поселка можно готовить только в свободное от царской работы время, то есть вместо отдыха.

Кари умолкает, думает, словно вспоминает о чем-то, и снова начинает рассказывать:

– Вырубить гробницу в скале могут многие из наших мужчин: у нас большинство – каменотесы. А вот расписать стены сумеет не каждый. Живописцев, да еще хороших, не так-то много. И скульпторов мало. К тому же сначала надо подготовить гробницы для обоих начальников отрядов, для главного зодчего, для писца царского кладбища... И все эти люди хотят, конечно, чтобы для них работали самые лучшие мастера, самые талантливые живописцы! А уж другим приходится ждать или иметь гробницы с росписями менее умелых художников. Вот и главный зодчий потребовал, чтобы его гробницу расписывал непременно сам Хеви!

– Ну, а ты что делаешь – и здесь, и вообще? Только помогаешь взрослым живописцам или уже сам умеешь писать красками?

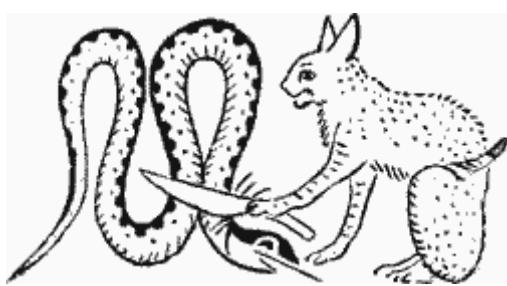
– А вот посмотри!

Кари ведет Тути к одной из расписанных стен и высоко поднимает светильник.

3. СОЛНЕЧНЫЙ КОТ

Когда Тути входил в комнату, ему казалось, что вся эта стена уже готова, расписана, но теперь, взглянувши, он убеждается, что ошибся.

На стене должно быть три ряда изображений, закончены же два с половиной, а дальше сделаны только контуры фигур и покрыт желтой краской фон. Кари как раз и показывает на середину нижнего ряда. Что же тут такое?

Ярко-рыжий пушистый кот держит в лапке нож и этим ножом отрезает голову большого змея с черной спиной и белым брюхом. Вся картина сделана очень хорошо. Кот явно разгневан, так и кажется, что он сердито фыркает и громко мяучит. Да это и неудивительно – борьба была, несомненно, очень упорной и опасной: змей огромный, длинный, он все еще извивается, хотя его голова наполовину отрезана и из раны льется кровь.

– А это что такое? Почему кот убил змея? – спрашивает Тути.

– Это не простой кот, это же Солнечный кот! – Кари удивлен. – Разве ты не знаешь сказания о борьбе бога Ра и змея?

– Знаю, но только про кота там ничего нет!

– Нет, есть одно сказание и про кота! А ты, наверное, знаешь только про то, как бог Ра борется со змеем Апопом? Про то, как Апоп пробует мешать солнцу спокойно плыть на утренней ладье по небу с востока на запад и на вечерней, под землей, с запада на восток? Знаешь, что каждую ночь под землей происходит сраженье солнца с этим змеем и что, победив его, Ра утром восходит на восточном краю неба, выплывая из подземного мира? А раньше, давно-давно, так давно, что никто даже не помнит, когда это было, у Ра были и другие враги-змеи, и ему приходилось бороться с ними то тут, то там, причем солнце принимало разный вид – то оно летело на змея огромным соколом с радужными крыльями, то появлялось в виде могучего воина с головой сокола. А один раз Ра превратился в страшного, свирепого огненно-рыжего кота, вот такого, как я его здесь нарисовал. На этот раз бой шел за древний город Ону, который змей хотел захватить себе. Но Солнечный кот и на этот раз оказался сильнее и, победив змея под священным деревом – большой сикоморой, отрубил ему голову! Говорят, эту сикомору и до сих пор показывают в Ону! Вот бы посмотреть ее, а?

– Да, это было бы интересно! – соглашается Тути. – Откуда ты все это знаешь?

– А нам надо хорошо знать все сказания о богах, иначе как же мы сможем рисовать их?

– Да, это правильно. Кари, неужели этого кота ты нарисовал сам?

– Сам, все сам – и кота, и змея, и сикомору. Я старался сделать шерсть кота яркой и золотистой, чтобы она напоминала солнечные лучи, а для листьев дерева долго искал такой оттенок зеленого цвета, какой действительно бывает у сикоморы. Конечно, я не выдумал всю эту картину, – у меня был образец, вот, смотри!

Кари берет со стола деревянную дощечку. Она разлинована в клетку, и на ней нарисован штрихом кот.

– Дело в том, что когда пишут росписи в гробнице или в храме, то ничего почти нельзя придумывать самому, – говорит Кари и слегка вздыхает. – Ведь здесь все взято из священных рукописей, не только молитвы, но и картинки тоже. Мы должны рисовать именно то, что полагается изобразить около записи такой-то молитвы или слов похоронного обряда... Вот видишь, здесь нарисован жрец, который несет ногу теленка, а рядом написаны те слова, которые говорят, когда приносят дары умершим. Вот Инхерхаа поклоняется богам подземного мира... И для всех этих картинок есть образцы, по которым их надо делать.

– А кто нарисовал образцы и откуда вы их взяли? – спрашивает Тути. Он присел на карточки около столика и рассматривает другие дощечки, которые ему дает по очереди Кари.

– Мой учитель давно еще срисовал их, когда учился в Доме жизни,^[6] – отвечает Кари. – Ты знаешь, что это такое – Дом жизни?

– Знаю, конечно. Там хранятся древние рукописи, там их переписывают: там юноши, которые хотят стать учеными писцами, учатся после школы, – отвечает Тути.

– Не только учеными писцами, некоторые учатся рисовать и становятся мастерами-художниками, – добавляет Кари. – Вот и мой учитель Хеви не

простой живописец, а ученый художник. Вот потому он хорошо знает, что, где и как надо рисовать. Хеви у нас в поселке лучший художник. Без такого главного художника не начнут расписывать ни одной гробницы. Вот позовут, например, Хеви, он и выбирает, какие взять надписи и рисунки, показывает, где их расположить на стенах. Ведь гробницы бывают разных размеров, стены могут быть и больше и меньше, значит, можно сделать больше или меньше рисунков. Иногда, в маленькой гробнице, приходится выбирать только самые главные молитвы и самые нужные рисунки.

– Но рисует твой учитель, наверное, не все сам?

– Нет, не все. Ему всего и не успеть! Гробниц, которые расписаны им самим с начала до конца, здесь у нас в поселке очень мало. Вот и теперь ему иногда помогает живописец Амонмес да еще я. А обычно Хеви либо рисует контуры главных фигур, либо, как я уже сказал, составляет общий план росписи гробницы. Ему ведь приходится работать в разных местах – и в царских гробницах, и в храмах. Его даже посылают по приказу фараона в другие города.

– Значит, его знает сам фараон? – В голосе Тути слышится явное уважение к такой славе художника.

– Да, знает и даже наградил его золотым ожерельем.

– И он всегда носит это ожерелье?

– Нет, только в самые большие праздники, когда ему приходится бывать в Городе. А так Хеви не любит роскоши и живет очень просто.

– А кто же выполняет росписи в тех гробницах, где Хеви только намечает, что надо изобразить?

– Другие живописцы, – отвечает Кари. – Но Хеви талантливее всех. Он самый замечательный, самый интересный художник!

«Кари, видимо, очень любит своего учителя», – думает Тути.

– А как работают живописцы по указаниям Хеви? – спрашивает Тути.

– Обычно пользуются образцами, которые дает главный художник. Вот я тебе показывал дощечку с рисунком кота и змея – таких дощечек с рисунками у главных художников очень много. Вот, смотри!

Кари берет стоящую рядом с ним на полу корзинку с крышкой и открывает ее. Там, бережно переложенные кусками чистых тряпок, лежат дощечки. Кари осторожно вынимает несколько штук и начинает их показывать.

– Вот цапля с хохолком, ее надо раскрашивать голубой и белой красками. А вот сокол. Видишь, какой у него крупный клюв? А вот бог Осирис на троне, совсем как фараон.

Некоторые рисунки раскрашены, у других только нарисованы контуры, но на всех дощечках непременно налинованы клетки. И Тути спрашивает:

– Зачем везде клетки?

– А это, чтобы наши рисунки получились совсем похожими на образцы, – отвечает Кари и, видя по лицу Тути, что тот не понял, объясняет: – Ведь на стене все рисунки должны быть гораздо крупнее, чем на образцах! Так вот, чтобы не ошибиться при увеличении и сделать совершенно точную копию, мы делаем так: сначала всю стену делим на клетки, только большие...

– Как – всю стену? – перебивает Тути. – Ведь это же страшно долго и, наверное, скучно?

Кари улыбается:

– Нет, совсем уж не так долго. Видишь, вон там в углу лежит веревка, вся выпачканная красной краской?

– Ну, вижу. Только при чем тут эта веревка? Я же спрашиваю, долго ли вы делаете клетки?

– А при том, что мы этой самой веревкой и делаем клетки на стенах! Сначала рассчитываем, где пройдут поперечные и продольные линии, и ставим на краях стен в этих местах точки. Потом обмакиваем длинную веревку в красную краску и, натянув как можно туже, щелкаем веревкой по стене. На ней и получается красная линия. И так по всей стене, все линии – вдоль и поперек. А потом, когда художник начинает рисовать, то он смотрит на образец и считает, сколько там клеток приходится на всю человеческую фигуру, сколько на ногу, на голову, и на таком же количестве клеток намечает контур фигуры на стене. Понял?

– Понял, конечно, чего же тут не понять! – отвечает Тути.

– Ну, а если понял, то вот и помоги мне сделать такие клетки на этих двух стенах! Ты ведь обещал помочь выполнить задание Хеви, а учитель велел мне сделать это!

Тути никак не ожидал этого и немного растерялся.

– А я справлюсь? – спрашивает он.

– Ну конечно, справишься! – весело говорит Кари. – Это совсем не трудно, тем более что я вчера все уже рассчитал и поставил точки, так что нам с тобой надо только провести линии.

Кари быстро устанавливает по краям стены небольшие приставные лесенки и вытаскивает на середину комнаты глиняный горшок с красной краской. Вот веревка уже опущена в краску, вот Кари вынимает ее, дает один конец Тути.

– Держи крепко и осторожно поднимайся по лестнице! Смотри, чтобы веревка пока не коснулась стены!

Тути старается сделать все так, как говорит Кари. Вот он, как и Кари, забирается уже на верхнюю ступеньку своей лесенки.

– Ну, видишь там, наверху, точку? Прижми к ней конец веревки и держи крепко-крепко, а я буду натягивать веревку и потом щелкну ею по стене! Ну, держишь?

– Держу!

– И я держу! Раз!..

Кари ловко отводит пальцем натянутую веревку и быстро отпускает палец, так что веревка щелкает по стене.

На белом фоне теперь отчетливо видна тонкая красная полоска.

– Хорошо! – говорит Кари. – А теперь то же самое сделаем ниже... Нашел следующую точку? Прижал конец веревки? Опять держи крепче, я натягиша!

Тути уже перестает смущаться и ловко помогает Кари. Еще полоска, еще... Изредка Кари слезает вниз, снова намачивает веревку, и мальчики дружно продолжают работу.

Вскоре стена уже вся покрывается горизонтальными полосами.

– Теперь надо делать поперечные полосы, – говорит Кари. – Я думаю, тебе лучше полезть наверх, а я буду внизу натягивать веревку.

Тути снова поднимается на самый верх своей лесенки. Теперь веревка натягивается уже не вдоль стены, а от потолка до пола, и на стене появляются четкие ряды клеток. Кари хорошо расставил точки – клетки все одинаковые, квадратные, ровные.

Тути с удовольствием помогает товарищу, и мальчики вскоре заканчивают и вторую стену. Пока Кари складывает в углу лесенки,

веревку и горшок с краской. Тути стоит посередине комнаты и любуется клетками.

– Послушай, Кари, – говорит он, – а ведь срисовывать с образцов по клеткам, наверное, не так уж трудно, а?

вернуться

6

Дом жизни – высшее училище писцов, художников, жрецов.

– Ну, как тебе сказать, – улыбается Кари. – Надо рисовать очень точно, линия должна быть ровная, четкая. Приходится очень долго упражняться, пока этого добьешься. Вот, смотри!

Кари берет другую корзинку. В ней лежат черепки битой глиняной посуды и небольшие, но все почему-то плоские куски известняка. Оказывается, и на этих камнях, и на гладкой стороне черепков – везде рисунки. Кари вынимает один черепок и протягивает его мальчику.

На черепке – профиль мужской головы в царской короне. Одной четкой линией сделан низкий лоб, большой орлиный нос, крепко сжатые губы, крутой подбородок. Так же четко сделаны глаза, бровь, головной убор. Весь рисунок выполнен черным цветом. Но кое-где видны красные штрихи, и Кари именно на них показывает концом кисточки.

– Эту голову фараона нарисовал я, а красные линии – поправки учителя. Лоб надо было сделать немного прямее, бровь круче и дальше проложить ее к виску, ровнее сделать вот этот бок короны...

– Значит, Хеви поправляет твои рисунки так, как в школе учителя поправляют наши рукописи? – говорит Тути.

– Да, совсем так же, – соглашается Кари.

– А тебе не скучно учиться? Тебе действительно хочется стать художником? – спрашивает Тути.

Кари перестает перебирать черепки и оборачивается.

– Очень хочется, очень! – горячо говорит он. – Я всегда мечтал об этом и так рад, что Хеви заметил, как я рисовал для отца разные образцы, и взял меня к себе в ученики. – Кари думает минуту и продолжает: – А насчет того, скучно ли учиться, – нет, наоборот, учиться очень интересно, особенно у такого человека, как Хеви. Он так все хорошо показывает, объясняет... А вот другое действительно скучно – скучно рисовать все одно и то же, да к тому же с образцов, а не то, что хочется рисовать самому!

– А что тебе хотелось бы нарисовать? – с любопытством спрашивает Тути.

– Новое, такое, чего еще никто не рисовал, такое, чего нет в образцах, что я сам замечаю! Нарисовать то, что я вижу интересное, красивое, необыкновенное, вот что! А здесь, в гробницах, это можно сделать очень редко. Вот, смотри!

Кари схватывает Тути за руку и тянет его к той стене, которую они рассматривали раньше. Здесь он останавливается около левого края стены и говорит:

– Видишь, как будто самая обыкновенная картина, обязательная для каждой гробницы, – люди приносят подарки умершим родителям. Ты, наверное, видел много раз такие изображения в гробницах, правда? А посмотри внимательно. Видишь – около Инхерхаа и его жены – их внуки? Скажи, ты когда-нибудь видел, чтобы в гробницах так живо были нарисованы дети?

– Нет, никогда не видел, – говорит Тути, – а ведь это очень хорошо сделано! Особенно мне нравятся маленькие ребята – совсем как живые! Они точно разговаривают с дедом! А почему же здесь так необычно изобразили детей? Это что, Хеви так придумал?

– Да. Инхерхаа очень любит своих внуков, и, когда Хеви предложил ему сделать вот такую живую группу и показал черновой набросок,

Инхерхаа сразу же согласился. Он ведь сам зодчий и умеет оценить художественное произведение...

– Ах, Кари, а я ведь сразу и не разглядел, как хороша эта птичка в руках у девочки! – неожиданно перебивает Тути, внимательно рассматривавший роспись.

Кари улыбается.

– Тебе нравится? А ведь это я ее написал! – говорит Кари, довольный похвалой.

Тути никак не ожидал такого ответа.

– Какой же ты молодец, Кари! – говорит он. – Как же это ты сумел так нарисовать птичку?

– Как? А я и сам не знаю. Я просто всегда стараюсь запомнить, как ходят или играют животные, запомнить движения людей или необычные фигуры, а потом рисую их для себя. Вот в этой корзинке у меня сложены именно такие рисунки – для себя самого. Вот, смотри!

Кари достает еще одну корзинку и, порывшись в ней, протягивает глиняный черепок. На нем – великолепный рисунок лошади, роющей землю копытом.

– Здорово! – восхищается Тути.

– А это? – Кари дает еще черепок, на нем опять лошадь, совсем как живая – она точно остановилась на миг на всем скаку и, стоя на трех ногах, задней ногой чешет морду. Все полно движения, все сделано с

настоящим мастерством – и летящий по воздуху хвост лошади, и красивый изгиб ее спины, и поворот головы, и тонкие ноги.

– А вот теленок. Видишь, как он повернул голову назад? Это он смотрит, где его мать... А вот кошка ест рыбу... Вот котенок!

Один рисунок лучше другого, и Тути продолжает восхищаться талантом Кари.

– Котенок-то как живой, смотрит вверх и лапку кому-то протягивает! А кошка так и впилась зубами в рыбу! Ты замечательно рисуешь, Кари, ты просто настоящий художник, тебе и учиться больше не надо!

– Ну, до настоящего художника мне еще очень далеко, – отрицательно качает головой Кари. – Наоборот, мне как раз еще надо много учиться. Я еще часто делаю ошибки, вообще еще мало знаю... Вот видел бы ты замечательные росписи в гробнице скульптора Ипи! Он жил больше ста лет тому назад, но эти росписи и сегодня выглядят так, точно их только что сделали. Эта гробница большая, там можно было изобразить разные сцены и из жизни Ипи. Вот где много интересного и необычного! Например, как показаны работы в мастерской, когда под руководством Ипи изготавлялась обстановка для одного храма: несколько столяров делают большой резной балдахин; все работают, а один лентяй взял да и улегся спать. Надсмотрщик бранится, другой столяр пробует растолкать лентяя, а тот все спит. Ты бы видел, до чего это здорово сделано, просто замечательно!

– А ты покажешь мне сегодня эти росписи? – спрашивает Тути.

Но Кари отрицательно качает головой:

– Сегодня нельзя, мы не успеем, ведь тебе надо еще засветло вернуться домой, а ты лучше приходи к нам еще, хорошо? Тогда я покажу тебе все свои другие рисунки и росписи в гробнице Ипи, и еще много интересного, – обещает Кари.

Тути очень не хочется уходить, не посмотрев всего, о чем рассказывает его товарищ, но он понимает, что Кари прав – пора домой.

Мальчики направляются к выходу. На дворе их сразу охватывает зной, глаза невольно жмурятся от яркого света, тяжелее становится дышать. По-прежнему ни ветерка, ни облачка. Вот они снова на тропинке. Начинается обратная дорога.

4. УЧЕНИЦЫ СТАРОГО АРФИСТА. В СВЯТИЛИЩЕ

К удивлению Тути, Кари, выйдя из двора, поворачивает не направо, откуда они пришли сюда, а налево.

– Куда же ты? – спрашивает Тути. – Ведь нам надо обратно, сюда!

– Нет, так короче, – отвечает Кари и, показывая вниз на поселок, добавляет: – Видишь, мы ведь находимся почти у южного конца поселка? Пока мы шли до гробницы Инхерхаа, мы прошли чуть не вдоль всего поселения. Значит, теперь нам ближе обойти его здесь, чем идти обратно опять вдоль поселка и огибать его с севера. Да и отсюда тебе до твоего дома будет ближе. Ты, пока плутал утром, зашел очень далеко в сторону, а отсюда можно пройти гораздо короче.

Тути смотрит вниз на поселок, потом кругом на горы, на солнце, мысленно прослеживает направление к дому и соглашается – Кари прав.

Мальчики некоторое время идут молча, потом Тути, взглянув еще раз вниз на поселок и перебирая в памяти все события этого необыкновенного дня, вспоминает о Панебе и о том, что он еще не спросил о нем Кари. Вот сейчас, кажется, самое удобное время узнать что-нибудь об этом человеке, которого следует почему-то опасаться, – кругом нет никого, одни скалы.

– Скажи, Кари, а кто такой Панеб, о котором тебе говорила твоя мать? Почему он у вас всех обижает?

– Панеб – начальник одного из отрядов работников нашего поселка, – отвечает Кари. – У нас все работники царского кладбища разделены на два отряда. Начальник другого отряда – зодчий Инхерхаа, человек как человек, тоже не очень-то добрый, но все-таки с ним жить можно. Ну, а Панеб – такого зверя никогда еще у нас не было! Он и начальником-то

стал незаконно... Ну, да об этом я тебе когда-нибудь потом расскажу, — неожиданно сам себя перебивает Кари.

Тути понимает, что Кари сейчас не хочет больше говорить про Панеба, и решает не спрашивать его.

Мальчики огибают поселок, вот они уже идут вдоль его противоположной стороны.

Здесь легче дышать — скалы местами защищают от солнечных лучей. Тропинка идет немного ниже, еще ниже. Внезапно до слуха мальчиков доносятся звуки музыки и пение. Тути вопросительно смотрит на Кари, но тот продолжает путь, ничему не удивляясь, и Тути не задает вопросов.

Музыка и пение слышатся все отчетливее, можно уже различить высокий, тонкий голосок и низкий мужской голос. Еще ближе. Кари останавливается и, перегибаясь через плоский большой камень, смотрит вниз. Тути тоже с любопытством заглядывает туда же.

Под ними — небольшая ровная площадка, которую почти совсем окружили скалы.

С правой стороны виден вход в пещеру. На площадке танцуют две девочки лет десяти-одиннадцати. Одна держит бубен, другая две костяные палочки, которыми она ловко щелкает в такт пляски.

Перед входом в пещеру на разостланной пестрой циновке сидят еще одна девочка и старик. Этой девочке лет восемь или девять. Она поет и при этом бьет в ладоши. Старик играет на арфе и тоже поет.

Около танцующих девочек смешно подпрыгивает и машет ручонками совсем маленькая девчушка. Ей не больше пяти лет. На ее чисто выбритой головке кое-где торчат нарочно оставленные пучки черных волос – обычная прическа маленьких детей. Волосенки забавно встряхиваются при движении.

У старших девочек волосы заплетены в длинные тонкие косички. У каждой много таких косичек, и во время пляски они то извиваются, как змейки, то, при быстрых поворотах, разлетаются во все стороны и даже закрывают лицо.

Движения девочек настолько грациозны и свободны и в то же время так отработаны и точны, так соответствуют музыке, что, посмотрев пляску даже несколько минут, можно убедиться, что исполнительницы – умелые, хорошо подготовленные танцовщицы.

Музыка и пение не уступают пляске; песня льется свободно, и слушать ее – большое удовольствие.

О чем они поют?

Маленькая сикомора,
Как она прелестна!
Ее листва прекрасна,
Зеленая, как папирус.
Она полна плодами,
Краснее красной яшмы,
Ее листья – как малахит,
И в зной она дает прохладу...

Последние слова песни повторяются на слегка измененный напев, певцы умолкают, в музыке слышны заключительные аккорды, танцовщицы замирают в сложном повороте, подняв руки вверху. Еще мгновение звенит бубен, два раза щелкают костяные палочки... Все!

Маленькие плясуньи со смехом бегут к подруге и садятся на циновку. К ним торопится и малышка.

– Кто они? – тихо спрашивает Тути.

– Это девочки из нашего поселка, – отвечает Кари, – с бубном плясала сестра Паири, Райя, с палочками – ее подружка Мерит, самая маленькая – младшая сестра Паири, Тади, а пела моя сестренка Тайси. Ну, а старого арфиста ты не узнал?

Тути сначала удивленно смотрит на Кари, потом вглядывается в старика и вскрикивает:

– Неферхотеп?! Тот, которого изобразил Хеви?!

Кари кивает головой:

– Тот самый. Что, похож?

Тути не успевает ответить, внизу поднимается шум, и все головы оборачиваются наверх, к ним. Чуткий слух слепого арфиста уловил звуки голосов мальчиков, и он что-то спрашивает у девочек, показывая рукой наверх. Девочки вскакивают и, перебивая друг друга, кричат:

– Это Кари!

– И с ним чужой мальчишка!

– Эй, вы! Что вы там делаете? Спускатесь к нам! – зовет Райя.

– Пойдем! Мне хочется увидеть Неферхотепа! – просит Тути. – И может быть, они еще что-нибудь споют и станцуют, мне очень понравилось!

– Хорошо, — соглашается Кари, — только ненадолго. Тебе надо торопиться.

Мальчики спускаются вниз. Девочки с любопытством смотрят на Тути. Кари вкратце объясняет, почему он оказался здесь, и подводит его к арфисту. Тути почтительно склоняется перед арфистом, а тот кладет руки на голову мальчика, проводит гибкими проворными пальцами по его лицу, потом тихо гладит голову и плечи.

Кари садится на циновку рядом с арфистом и манит к себе Тути.

— Иди сюда, посмотри, какие красивые вещи умеет делать Таиси!

Вокруг девочки лежат связки окрашенной в разные цвета соломы, крепкие стебли каких-то растений, пучки тростника. На коленях у Таиси небольшая, почти готовая корзиночка, которую она, видимо, плела в промежутках между песнями. Девочка явно смущена словами Кари, она смотрит вниз и молчит. Тогда старик ощупью берет ее за руку и ласково говорит:

— Покажи гостю свою работу! Не бойся, Таиси!

Девочка все так же молча поворачивается и достает из-за спины несколько готовых корзинок. Все это она ставит перед собой и только потом решается взглянуть на мальчика — как, нравится ему?

Тути осторожно берет корзинки и внимательно их рассматривает. Ему, конечно, не раз приходилось видеть корзинки и другие изделия, сплетенные из цветной соломы или тростника. И дома у них есть такие вещи, есть даже еще и столики, и скамеечки, и маленькие шкафчики. Но, пожалуй, такого красивого плетения он еще не видел. Корзиночки, которые достала Таиси, все разные и по форме и по узорам.

Одна довольно большая, круглая, с крышкой. Она сплетена из зеленой и красной соломы простым узором – шашечками. Другая, маленькая, из очень тонкой соломки, сделана так, что снизу почти до половины идет мелкое плетенье одного желтого цвета, зато по верхней части точно наложена гирлянда из голубых и белых лотосов. У этой корзиночки тоже есть крышка, вся синяя, с пестрой веселой шишечкой посередке. На остальных корзинках – то разноцветные спирали и розетки, то ромбики с кругами внутри, то гроздья винограда и бутоны лотосов.

– Это действительно очень красиво! – с восхищением говорит Тути. – Откуда ты берешь такие замечательные узоры?

– Отовсюду, где увижу, – отвечает Таиси. – Вот этот узор я переняла с росписи потолка. А гирлянды цветов я увидела на больших кувшинах у нашего гончара. Только мне у него не понравилась расцветка – я сделала цветы ярче, а листья другого оттенка. А многие узоры я составляю сама, часто смотрю, как отец расписывает стулья или ларцы, которые он делает. Выбираю, что мне понравится, и переделываю так, как мне каждый раз нужно, чтобы подходило к форме корзинки.

Таиси уже не боится чужого мальчика. Она довольна его похвалой и охотно рассказывает о своей работе.

– А почему ты делаешь все это здесь, а не дома? – спрашивает Тути.

– Дома в комнатах тесно и душно, на дворе тоже, – отвечает Таиси, – а на крыше можно сидеть только вечером – днем все время солнце. А здесь так хорошо, прохладно. Утром отец или мама меня сюда приносят,

и я тут целый день и сижу. Еду мне тоже приносят, а все нужное для работы у меня там. – Девочка показывает на пещеру.

Тути хочет спросить у Таиси, почему она сказала, что ее «приносят», но в разговор вмешиваются другие девочки. Перебивая друг друга, они рассказывают, что и они тоже любят здесь бывать, тут тихо, их никто не слышит, не мешает им петь и плясать. Сюда приходит их учить и арфист Неферхотеп и главная танцовщица поселка. У них в поселке многие женщины – певицы, или танцовщицы, или музыкантши. Они участвуют по праздникам в торжественных процессиях, пляшут, поют в местных святилищах, их приглашают петь на похоронах. И девочек тоже иногда уже берут вместе со взрослыми.

– Пожалуйста, спойте и спляшите еще что-нибудь! – просит Тути.

Девочки смеются, слегка отказываются, но потом соглашаются. Мальчики усаживаются около Неферхотепа, танцовщицы выходят на середину площадки. Мелодию начинает арфа, затем вступают голоса, вот резкий удар бубна, и начинается пляска. Но в это время неожиданно сверху раздается громкий голос:

– Вот молодцы! А ну, быстрее, быстрее!

Однако действие от этого пожелания получается обратное: всё останавливается – и танец и музыка. Все смотрят наверх – туда, где раньше находились мальчики, а теперь стоит рослый молодой мужчина, вооруженный дубинкой и луком.

Девочки с криком прячутся за Неферхотепа и что-то оживленно шепчут ему.

Пришелец ловко спрыгивает вниз. Он одет в короткую одежду, через плечо на перевязи у него висит колчан со стрелами, за пояс заткнут кинжал.

– Чего вы испугались, разве я хочу вас съесть? – весело шутит воин. – Или, может быть, вы собираетесь грабить царские гробницы и потому боитесь меня?

– Действительно, чего вы так испугались-то? – тихо говорит девочкам Кари. – Это же Монту, один из новых маджаев^[7] царского кладбища. Его не надо бояться; говорят, он добрый, не то что другие маджай, помните, я вам про него рассказывал и даже показал как-то? Вы, наверное, не узнали его?

Кари приветствует маджая наклоном головы, его примеру следуют другие дети. Маджай, в свою очередь, здоровается с Неферхотепом и детьми и просит продолжать пляску. Неферхотеп кивает головой и хлопает в ладоши. Девочки покорно выходят и повторяют все, что уже видели и слышали мальчики – быстрый танец и песенку про сикомору. Маджай шумно выражает свое одобрение и присаживается около старого арфиста.

– Откуда ты идешь и куда? – спрашивает тот.

– Да вот, ловим неизвестно кого, – смеется Монту.

– То есть как это – неизвестно кого? – спрашивает Кари.

– А очень просто, так и не знаем, кого надо ловить! Рассказать, так не поверите! – говорит маджай. – Такая идет кутерьма, и ничего понять нельзя! Началось с того, что крепко поссорились два больших начальника, правитель Восточной части Города Пасер и правитель Западной части Пауро. Пасер пожаловался везиру, что Пауро плохо смотрит за порядком на царском кладбище и что там разграблено много гробниц. Везир и спрашивает у Пауро, так ли это, а тот отпирается, уверяет, что Пасер все это написал просто по злобе на него... И вот сегодня Пауро послал и стражу, и писцов, кого куда: одних к царским гробницам, причем и сам пошел туда же, других к вам в поселок, а третьих осматривать горы. Вот я с другим маджаем и бродил сегодня по горам... Сейчас он остался на сторожевом посту, а я пошел вокруг поселка. А чего осматривать, кого ловить? Ловите, говорит, всех, кто там шатается без дела, и тащите ко мне! Вот тебе и приказ, думаем, кого же понесет сюда без дела?

Тути встревоженно смотрит на Кари, тот подмигивает – ничего, не робей, все будет хорошо!

– Ну и что же, так вы никого и не видели? – спрашивает Неферхотеп.

– Нет, никого, – отвечает Монту. – Вот отдохнем да и пойдем опять бродить до самого заката, а потом придется идти к начальнику с докладом. Все зря ноги топчем, – начальники ссорятся, а мы ищем вчерашний день! О, а что это тут у тебя такое? – Маджай замечает красивые корзинки Таиси. – Это твоя работа, крошка? Ты что, продаешь их?

Девочка молча кивает головой.

– Продай мне вот эту корзинку, ладно? – Монту берет самую маленькую корзиночку с пестрой шишечкой на крышке.

– Хорошо, – тихо отвечает Таиси.

– А что у тебя еще есть красивого? – спрашивает маджай.

– Есть еще корзиночки, есть ларчик, – говорит девочка.

– А ну, покажи!

– Принеси, пожалуйста, Райа, оттуда, ты знаешь! – просит Таиси, показывая в сторону пещеры.

Райа бегом бросается выполнять ее просьбу.

– Вот какая ты ленивая, посылаешь подругу, а сама не идешь! – смеется Монту.

Кругом наступает неожиданная тишина. Таиси становится очень серьезной, ее губы вздрагивают. Она смотрит прямо в глаза маджаю.

– Я не ленивая, – говорит она, – у меня просто не ходят ноги.

– Как – не ходят ноги? – Маджай поражен.

– Не ходят, болят. Я не могу даже встать, – спокойно объясняет Таиси.

«Так вот почему она сказала, что ее приносят», – думает Тути.

– Ох, прости, девочка, я ведь не знал, – говорит маджай. – Я здесь недавно и мало знаю людей и из вашего поселка, и живущих на берегу. Как тебя зовут и кто твой отец?

– Меня зовут Таиси, это мой брат Кари, а наш отец – столяр Онахту…

– Как, твой отец столяр Онахту?! – перебивает маджай. – Твоего отца я как раз успел узнать очень хорошо, да и не только узнать, ведь он мне жизнь спас! Разве он ничего об этом вам не рассказывал?

– Нет, ничего! – в один голос отвечают Таиси и Кари.

Теперь все детские глаза так и впиваются в маджая. Его неожиданные слова мгновенно пробудили острое желание узнать все, что можно, о таком интересном событии. Как бы это сделать – ведь прямо спросить нельзя, детям не полагается спрашивать старших, тем более чужих. И тут выручает старик Неферхотеп. Он внимательно слушал весь разговор девочки с маджаем и теперь обращается к нему:

– Расскажи, воин, как это случилось.

– Охотно, – отвечает Монту. – Это было вскоре после того, как меня назначили сюда. Я обходил горы и только что встретил двух мужчин, которые шли по направлению к вашему поселку, как меня неожиданно ужалила в ногу ядовитая змея. Нога сразу начала опухать, я не мог двинуться, потом упал и начал звать на помощь. Тогда один из прохожих вернулся и, узнав, в чем дело, немедленно опустился на колени и высосал яд из раны… Понимаете, он рисковал жизнью ради незнакомого ему человека!..

Таиси крепко сжимает руки, у Кари сверкают глаза. «Ах, отец, отец! И ни слова никому не рассказал! Вот он всегда такой!»

– Потом он оторвал кусок своей одежды, – продолжает Монту, – перевязал мне рану и вместе со своим спутником довел меня до

ближайшего сторожевого поста. Ну, а там уже сбегали за лекарем... Но, конечно, главное дело сделал ваш отец. И ведь он отказался назвать себя! Это уже потом стражники сказали мне, кто мой спаситель и где он живет. А когда я, поправившись, пришел к нему и хотел чем-нибудь отплатить за его поступок, так он и слушать не захотел, и меня же еще угостил ужином!.. Так, значит, твой отец, девочка, это столяр Онахту... – Маджай внимательно вглядывается в Таиси и спрашивает: – И давно ты болеешь?

Таиси, в свою очередь, смотрит в глаза Монту. Да, этого человека, кажется, действительно тронула ее беда, это не простое любопытство, которое ее всегда так раздражает при встречах с незнакомыми людьми. Этому сильному, здоровому воину, видимо, по-настоящему жаль ее, да и неловко ему за свою шутку, оказавшуюся такой неуместной. Лицо у него доброе, глаза ласковые. Ему можно рассказать, как все это случилось.

– Это со мною уже давно. Как-то отец пошел в долину, там ему хотели что-то заказать. Он взял меня с собой, а я была еще совсем маленькая, меньше, чем Тади. Пока отец договаривался о заказе, мне стало скучно, и я убежала. Сначала я играла на берегу канала, мне так понравилась вода! А потом я свалилась в воду. Там было очень мелко, я не утонула, но и вылезти сама не смогла. Меня искали всю ночь и нашли уже под утро. Я была вся холодная, холодная! Долго болела, потом поправилась, а вот ноги так и не ходят. А иногда очень-очень болят!

– А тебя лечили? – спрашивает Монту.

– Лечили, но ничего не помогает, – отвечает Таиси. – Это, наверное, уже навсегда.

– В главном храме Амона-Ра недавно появился новый молодой врач, его зовут Бекенмут, – задумчиво говорит Монту. – Он таких больных вылечивает, от которых все другие отказывались. Вот бы тебя ему показать.

– Ну, что ты. – Таиси только машет маленькой смуглой ручкой. – Это невозможно! Туда я не могу попасть, а сюда он не придет. Да и потом, у

нас все равно нечем ему заплатить. Раз он такой замечательный врач, значит, ему надо много платить.

– Нет, он не такой жадный, – говорит маджай. – Я что-нибудь придумаю.

– Таиси, вот твой ларчик и еще другие корзиночки, – шепчет Райя, которая во время рассказа Таиси успела сбежать в пещеру и принести работы своей маленькой подружки.

Корзиночки почти такие же, как та, которую уже выбрал маджай, поэтому он берет ларчик – небольшой, весь сплетенный из бледно-зеленой соломки с широкой пестрой гирляндой из цветов и плодов на крышке.

вернуться

7

Маджай – полицейский, стражник.

– Я беру ларчик, он очень хорош, – говорит Монту. Он снимает с руки нитку великолепных красных сердоликовых бус, которая была намотана на запястье вместо браслета, и протягивает ее девочке. – Вот тебе за корзинку и ларчик, согласна?

– Это слишком много, – отказывается Таиси.

– Бери, бери, носи на счастье! – И Монту бросает ей бусы на колени.

Девочка надевает их и радостно улыбается. Подруги с любопытством разглядывают и хвалят обновку.

– Ну, прощайте, мне пора, – говорит Монту. – А врач Бекенмут все-таки будет лечить тебя, Таиси, вот увидишь! – Монту забирает корзиночку и ларчик и, помахав всем рукой, начинает взбираться наверх.

– А теперь идем и мы, Тути, – говорит Кари. – Тебе лучше как можно скорее добраться домой, понял?

– Понял, – отвечает Тути.

Новые друзья прощаются, и мальчики уходят вниз, в долину.

На этот раз дорога кажется Тути менее трудной и утомительной. Он хорошо отдохнул, а уверенность в том, что теперь он не заблудится, придает ему силы. Тути быстро идет следом за Кари по тропинке и легко перебирается через камни. Страшная Вершина Запада осталась далеко за поселком, и мальчики разговаривают и смеются, не боясь разгневать Мерит-сегер, «любящую молчание», грозную богиню кобру.

Солнце уже давно не в зените, и хотя все еще жарко и душно, но тени, отбрасываемые скалами, становятся все длиннее, и мальчикам все чаще удается ускользнуть от знойных лучей.

Кругом такое же безмолвие, такие же голые скалы.

Но вот тропинка выводит мальчиков на перекресток. Здесь сходятся еще три тропинки, а дальше вниз начинается уже довольно широкая дорога. Тути останавливается.

– Постой, Кари, – просит он, – скажи, куда ведут все эти пути?

– Вот эта дорога ведет к Святилищу, мы по ней и пойдем, – показывает Кари, – а эта тропинка – в Долину гробниц цариц и царских детей... – Кари зажимает рот рукой, но уже поздно: он проговорился!

– Ага, значит, ты все-таки все знаешь! – Тути весело хлопает в ладоши. – Ну, уж говори дальше, раз начал! Ну хочешь, я поклянусь тебе, что никому не скажу?

Кари искоса взглядывает на Тути и молчит, потом машет рукой и говорит:

– Ладно, чего уж там... И так не будешь болтать, сам понимаешь, чем может кончиться! Так вот, если идти в ту сторону, то действительно придешь в долину, где находятся гробницы жен фараонов, их сыновей и дочерей. А вот та тропинка идет по направлению к гробницам самих фараонов – только не прямо, и вообще это очень далеко. Смотри же

помни, ради всех богов, – обо всем, что я сказал, – никому ни слова! А теперь идем.

Дорога постепенно становится все шире и удобнее. Видно, что здесь много ходят. Вниз, вниз, еще два поворота, потом Кари останавливается и, протягивая вперед руку, говорит:

– Ну, вот и пришли. Отсюда дальше ты уж иди один, а я пойду обратно!

Тути подбегает к нему. Действительно, пришли! Хотя справа и слева еще высятся горы, но впереди их уже нет; дорога спускается среди небольших скал, а потом идет уже просто по каменистой равнине. А дальше внизу, направо и налево, точно звенья длинной цепи, стоят каменные здания – то гигантские святилища, то маленькие молельни. Это поминальные храмы фараонов, построенные здесь в течение пяти столетий. Их фасады обращены на восток, туда, где расстилаются поля, где видны пересекающие эти поля оросительные каналы, пальмовые рощи, хижины. А еще дальше катит свои бесконечные волны великий Хапи^[81] – широкая река, на противоположном берегу которой виден огромный город.

Все залито розовеющим светом вечернего солнца, спускающегося за те горы, откуда вышли мальчики. То оранжевыми, то красными начинают казаться колонны храмов на восточном берегу, и золотые верхушки их обелисков точно горят пламенем. Ответным пламенем сверкают обелиски храмов западного берега. Постепенно краснеют обычно желтые воды Нила, появляются огненные блики на каналах, на прудах около храмов.

Проносится легкий ветерок. Снизу слышен лай собак, мычанье коров. Вот по дороге вдоль храма промчались две колесницы, клубится поднятая ими пыль.

– Ну, как, доберешься? – спрашивает Кари.

– Ну конечно, – весело отвечает Тути, – ведь теперь уже совсем близко, смотри! – И он показывает на большую группу зданий,

расположенных немного правее того места, где стоят мальчики. – Это и есть Святилище – дом Рамсеса Мериамона.

Весь большой участок, на котором размещены здания, окружен двойными массивными стенами с широкими зубцами наверху. В стенах есть двое ворот – на западной и восточной сторонах. По бокам каждого ворот, точно в крепости, стоят высокие зубчатые башни. Внутри стен – множество разных построек.

– Где ты там живешь? – спрашивает Кари. – И кто еще там живет?

– Сейчас расскажу. Видишь, посередине большой-большой храм? – показывает Тути. – Это поминальный храм фараона Рамсеса Мериамона. Я там никогда внутри не был. А вон справа – сад храма, большой пруд, дворец, вон там и там – кладовые. Ох, сколько в них всего – и зерна, и вина, и тканей, и золота! Всего, всего! Сюда все время привозят всякое добро. Я это постоянно вижу. А вон, налево, вдоль стены, – много-много домиков, видишь? Это жилища всех, кто работает в храмовых мастерских, в самом храме, в его хозяйстве. Тут живут ремесленники, садовники, стражи, пастухи, пчеловоды... Здесь-то мы и живем. А дальше, ближе к Восточным воротам, – там дома большие и красивые. Там живут жрецы и всякое начальство – писец войск Кашути, начальник Западной части Города Пауро, потом писец сокровищницы, главный садовник, начальник привратников... всех не пересчитать! Теперь найдешь меня?

– Найду, конечно, – отвечает Кари.

– Знаешь, что? Приходи к нам на Праздник Долины! – неожиданно предлагает Тути. – В этот день с того берега привезут статуи богов! Отсюда навстречу поплывет много лодок. Я попрошу отца взять и тебя в нашу лодку, хочешь?

– Еще бы! Спасибо, Тути! Если меня отпустит мой отец, я непременно приду! – обрадованно отвечает Кари.

Тути благодарит своего нового друга, и мальчики расстаются. Кари быстро убегает вверх по дороге, изредка он оглядывается и машет рукой

смотряющему ему вслед товарищу. Вот он скрывается за поворотом...
Все! Надо идти домой.

«Интересно, ищут меня?» – с тревогой думает Тути.

Эта мысль впервые сегодня приходит ему в голову. Правда, вечер еще не кончился... Ну что же, он скажет, что бродил в горах, немного заблудился, ничего особенного! И мальчик бодро шагает к Святилищу.

Пройдя между гигантскими башнями Западных ворот, он бежит вдоль огромных длинных зданий кирпичных кладовых, перед которыми стоят стражники, потом проходит по узким улочкам между двумя рядами домов. Вот и его дом. Мальчик останавливается, переводит дух и осторожно заглядывает во двор. Что это? Никого нет? Куда же все ушли? Он вбегает в дом и в дверях почти сталкивается с выходящей ему навстречу старушкой; Тути едва успевает ухватиться руками за створку двери, иначе он налетел бы на старушку, и они оба, наверное, упали бы на пол.

– Ох, прости, бабушка, – извиняется Тути, переводя дыхание.

Бабушка испугана и рассержена.

– Вот, всегда ты несешься, как дикий осел! Что это такое? Чуть с ног не сбил!

Тути еще раз извиняется и хочет пройти в дом, но бабушка успевает цепко схватить его за руку:

– Постой, постой! Где ты был целый день, а? Отец искал, искал, а тебя все нет?!

– А где отец, бабушка? – Тути пробует вопросом заменить ответ, и это ему вполне удается.

– Отец в садах, – отвечает бабушка, – сегодня много работы, главный садовник осматривал сады и вызвал всех. Кроме того, привезли новых пленных, надо было их посмотреть, узнать, что они умеют делать, и поставить их на работы.

– А где мама?

– Она пошла помочь по хозяйству твоей тете, та заболела, так надо за всем домом присмотреть.

вернуться

8

Хапи – древнеегипетское название реки Нила.

– А где Таха?

– Печет лепешки.

– Я пойду к ней, бабушка, я есть хочу! – Тути делает робкую попытку освободить руку; прямо сопротивляться бабушке нечего и думать, она старше всех в доме и, как обычно в Египте, пользуется всеобщим уважением. Ее слушаются все, начиная с отца и матери.

– А умыться? – строго спрашивает бабушка. – Ты же весь в пыли. Смотри, какой грязный! Сейчас же ступай мыться и надень чистую одежду. Совсем разбаловался! Хоть бы отец пристроил тебя к делу, а так и до беды добегаешься, чует мое сердце.

Бабушка отпускает Тути, и он покорно идет мыться, переодеваться и есть. Когда он выходит снова, уже совсем темно.

В доме зажигают светильники, и их неровный свет падает колеблющимися лучами через высоко расположенные окна комнат на отдельные участки двора. Тути садится на сложенную из кирпичей завалинку у ворот. Наконец-то он дома, чистый, сытый! Ноги все еще гудят, в голове мелькают скалы, тропинки, поселок, новые знакомые...

– Ты что это, сынок, заснул? – жесткая рука трясет его за плечо.

Тути вскакивает.

– Не-ет, я просто немного задумался... – бормочет он.

Перед ним стоит отец и смеется.

Садовник Паседи среднего роста, худощавый человек. Он всю жизнь работает в садах. Еще с детства Паседи учился у своего отца и даже деда, опытных садовников, искусству выращивать цветы, подбирать и связывать красивые букеты, гирлянды, венки. И сейчас, пожалуй, в Фивах найдется мало садовников, которые могли бы в этом с ним сравниться. Недаром так ценит его и главный садовник, и верховный жрец Святилища, и даже сам начальник Западной части Фив – суровый хитрый Пауро. Об искусстве Паседи хорошо знают и на другом берегу Города: его приглашают в дома знатных людей то украшать комнаты для пирамид, то учить молодых садовников красиво планировать сад или выращивать редкие цветы или кустарники. Иногда его даже посылают в главный храм бога Амона-Ра, когда там готовятся к какому-нибудь празднику.

Паседи давно начал учить своему делу и сына. Тути в свободное от школы время с удовольствием ходит с отцом по садам, запоминает сорта растений, приемы ухода за ними, иногда помогает делать букеты. Вот и сегодня ему, конечно, следовало бы с утра быть в садах, а он убежал в горы.

– Где же ты был сегодня, Тути? – как раз и спрашивает Паседи.

Тути смотрит отцу в лицо, потом опускает глаза:

– Я был в горах, отец, и немножко заблудился.

– В горах? – Лицо отца становится строгим. – А зачем это ты туда пошел?

К счастью для Тути, в это самое время в воротах появляется высокий негр. Тути его хорошо знает – это Нехси, раб верховного жреца Святилища. Нехси подходит к Паседи, кланяется и говорит, что жрец приказал садовнику прийти через час и рассказать, как размещены новые пленные. Паседи обещает прийти и торопится в дом. Теперь ему уже не до сына – надо успеть помыться, поужинать, одеться так, как полагается, когда идешь к верховному жрецу. И Тути, облегченно вздохнув, опять садится на свою скамеечку.

5. ДОЛИНА ЦАРЕЙ

Попрощавшись с Тути, Кари постепенно все замедляет и замедляет шаги. Торопиться ему некуда, он хорошо знает дорогу и вовремя придет домой. А пока ему хочется еще раз вспомнить все события этого необычного дня и разобраться в них.

Кари так задумался, что не слышит оклика. Только при втором зове мальчик оборачивается и радостно вскрикивает:

– Учитель!

Обрадованный неожиданной встречей, Кари подбегает к высокому человеку с крупными чертами красивого волевого лица. Это учитель Кари, известный живописец Хеви. Он возвращается из Города в поселок.

– О чём ты так задумался, Кари, что даже не слышишь, что тебя зовут? – спрашивает Хеви, касаясь рукой плеча мальчика.

– Думал обо всем, что сегодня случилось в поселке, господин, – отвечает Кари.

– А что же такое случилось? – спрашивает Хеви. – Расскажи мне.

И Кари начинает рассказывать.

Он давно уже привык делиться с учителем своими радостями и горестями. Хеви всегда внимательно выслушивает мальчика, умеет вовремя дать нужный совет, никогда не оттолкнет его. И Кари не только глубоко уважает своего учителя за его выдающийся талант художника, но и просто очень любит, как близкого и дорогого ему человека. Вот и сейчас, пока они доходят до поселка, Кари успевает откровенно рассказать о всех событиях дня.

Хеви выслушивает все, изредка задавая вопросы, чтобы уточнить то, о чём Кари, торопясь, говорит недостаточно ясно. Известие о безобразной выходке начальника ремесленников Панеба Хеви воспринимает с тяжелым огорчением. Его лицо мрачнеет, взгляд становится жестким, губы крепко сжимаются. Однако он ничего не говорит мальчику. Выслушав же то, что маджай говорил о ссоре Пасера и Пауро, Хеви снова хмурится и коротко отвечает:

– Да, я тоже кое-что об этом слышал.

Незаметно подходят они к поселку. Хеви направляется к своему дому и, прощаясь с Кари, говорит:

– Мне придется отложить просмотр того, что ты сделал без меня в гробнице Инхерхаа, Кари! Теперь уже поздно идти туда, да и оба мы

устали, а завтра на заре мы с тобой идем в Долину царей. Иди домой и утром не опаздывай!

– Хорошо, господин, – отвечает Кари, кланяется и идет домой.

Он не ожидал такого поворота дел, думал, что еще некоторое время будет работать здесь, около поселка, и сможет каждый день бывать дома. Теперь же придется расставаться с семьей на несколько дней. Да и не любит Кари эту долину, не любит далекую трудную дорогу туда, тяжелую работу глубоко под землей, в жаркой духоте вырубленных в скале помещений будущей царской гробницы. Но делать нечего, он привык беспрекословно слушать учителя и завтра пойдет с ним, раз это надо.

Ранним утром, еще до восхода солнца, Кари уже стоит у дома Хеви, держа в руках узелок с едой, красками и кистями.

Хеви вскоре выходит, и они отправляются в путь. Учитель, видимо, чем-то озабочен и не склонен разговаривать. Молча доходят они все по той же тропинке до перекрестка, у которого Кари проболтался Тути. Здесь Хеви и Кари сворачивают на север. Также молча долго идут они среди высоких, каких-то особенно мрачных скал и наконец добираются до отдаленной лощины, в утесах которой и вырубают подземные гробницы фараонов.

Хотя Кари не раз бывал здесь с Хеви, но он так и не может привыкнуть к этому далекому глухому ущелью. Ему почему-то кажется, что долина, в которой расположен его родной поселок, гораздо живее и веселее, хотя на самом деле и там только одни голые скалы. Может быть, ему так кажется потому, что там он знает каждый камушек, а может быть, и потому, что в поселке звучат то голоса людей, то песня, то плач ребенка. Да и скалы там ниже, не то что эти гигантские отвесные утесы.

Кари передергивает плечами – неприятное место, жуткое какое-то с его мертвой тишиной и черными пятнами теней... Настоящее царство смерти! Скорей бы уж дойти до будущей гробницы фараона! А вот Тути, наверное, был бы совершенно счастлив, если бы ему удалось попасть

сюда. Как ему этого хочется! Эта мысль развлекает Кари и помогает ему скротать остаток пути.

Вот наконец и вход в новую, еще не готовую гробницу. Это большое прямоугольное отверстие, вырубленное в скале, за которым сразу же начинаются ступени, ведущие в глубь горы.

У входа стоит стражи – дежурный отряд маджаев царского кладбища. Все они хорошо знают Хеви и свободно пропускают его и Кари внутрь гробницы. Один из маджаев берет светильник, зажигает его и дает Кари.

На первой лестнице светильник еще не нужен – здесь дневной свет озаряет и ровные ступени и великолепные росписи на стенах. Спускаясь вниз, Кари бегло осматривает знакомые ему фигуры фараонов и богов, длинные столбцы четких красивых иероглифов. Все это он уже не раз видел и хорошо запомнил. Вот фараон стоит перед богом, у которого тело человека, а голова шакала; это бог мертвых Анубис. А вот другой бог, с головой ибиса, – бог мудрости Тот; жрецы учат, что он ведет души умерших людей в загробное царство бога Осириса.

Кончается первая лестница – небольшая площадка и снова ступени, вниз, вниз... Сюда дневной свет уже не достает, и только слабое пламя светильников озаряет лестницу и стены.

После второй лестницы – ровный коридор и третья лестница. И всюду на стенах росписи, росписи... Красиво? Да, очень, все так говорят. Вот и Хеви рассказывает, что осматривавшие гробницу придворные хвалили ее. Но Кари, спускаясь вниз по лестницам этого подземного дворца, каждый раз думает об одном и том же: как несколько лет тому назад, когда еще только вырубали третью лестницу, случилась беда – обвалились огромные куски камня... Четверо каменотесов было задавлено насмерть, двое остались навсегда калеками, нескольких ранило. Хотя Кари был тогда маленьким, однако он на всю жизнь запомнил страшный день, когда в поселок принесли трупы каменотесов, принесли еле живых тяжелораненых, запомнил отчаянные вопли женщин, особенно вдовы одного из убитых, которая помешалась от горя и, не переставая, дико кричала весь день, а к ночи умерла.

Все это снова встает перед глазами мальчика, как только он входит в царскую гробницу, и он уже не может думать ни о поразительной точности линий помещений, ни о красоте росписей.

И работать Кари здесь тоже не любит – очень жарко и душно. И чем глубже, тем хуже. Насколько легче дышится в небольших склепах в гробницах его родного поселка!

Внезапно в глубине сквозь мрак начинает проникать слабый желтоватый свет. Вот он становится сильнее, и уже видно, что это отблески многих светильников, горящих в большом помещении в самом конце последнего спуска.

В то же время откуда-то сбоку доносится стук молотков. Он все слышнее – это вырубают какую-то комнату справа от того коридора, по которому идут Хеви и Кари. Мальчик вспоминает, что недавно в царскую гробницу неожиданно потребовали отряд каменотесов, хотя считалось, что все черновые работы были уже закончены. Оказалось, что фараон, осматривая свое посмертное жилище, нашел, что в нем устроено мало

кладовых, и приказал вырубить еще комнаты по сторонам последнего коридора, перед входом в тот зал, где должен стоять гроб. Вот поэтому из поселка и отправили группу каменотесов, в числе которых был и дядя Нахтмин, отец Пайри, опытный мастер, хорошо знавший сложную работу в подземных гробницах.

«Это, значит, они и стучат, – думает Кари, – надо будет зайти туда потом».

А вот наконец и зал, в котором после смерти фараона будет поставлен огромный каменный гроб с его телом. Вернее, несколько гробов, вставленных один в другой для большей сохранности мумии умершего владыки Египта. Кари слышал, что обычно мумию фараона укладывают в гроб из чистого золота, украшенный самоцветами, затем этот гроб вставляют последовательно в два деревянных, обитых листовым золотом и тоже украшенных вставками из самоцветов и ярких стеклянных паст, а потом опускают в каменный гроб с тяжелой, массивной крышкой. Кругом расставляют драгоценные светильники, статуи божеств, а кладовые наполняют красивыми ларцами с тонкими одеждами, ценным оружием, ожерельями, браслетами, перстнями. Даже игры положат сюда, даже едой и питьем снабдят царя, для того чтобы обеспечить ему счастливую жизнь в загробном мире. Огромные богатства, прекрасные вещи будут навеки замурованы в этом зале, вырубленном тяжелым трудом каменотесов, украшенном руками талантливых скульпторов и живописцев.

Отделка погребального зала еще не закончена. Готов только потолок и одна стена.

Потолок должен изображать ночное небо – он поэтому окрашен в синий цвет, на котором хорошо выделяются большие золотые звезды. На стене большая фигура сидящего на троне царя загробного мира, бога Осириса, перед которым стоит фараон.

В зале довольно светло – горит несколько светильников. У двух стен работают люди. Кари их всех хорошо знает – это живописцы из их поселка. Услышав шаги Хеви и Кари, они обернулись ко входу в зал и,

увидев главного художника, приветствуют его. Хеви отвечает им, Кари, в свою очередь, склоняется в общем поклоне.

Два художника подходят к Хеви – это его главные помощники, опытные мастера, которые уже давно работают и пользуются известностью.

Хеви начинает вместе с ними осмотр всего, что было сделано во время его отсутствия. Кари не отстает и внимательно слушает, что говорят лучшие художники поселка.

В зале трудятся несколько младших живописцев, выполняющих менее важную часть работы, а также подмастерья, которые готовят краски, следят за светильниками, переносят приставные лестницы.

Наконец осмотр закончен. Все возвращаются на свои места и принимаются за работу. Хеви отходит в сторону с одним из главных художников – Амонмесом – и некоторое время о чем-то с ним говорит, потом идет к еще не тронутой росписью стене и знаком подзывает к себе Кари. Они стоят теперь в самом дальнем конце зала. На стене только фон и нанесены контуры фигур, но к росписи их еще здесь не приступали.

– Давай сядем, Кари, и побеседуем, – говорит Хеви, садясь на легкий плетеный стул и указывая мальчику на такую же низкую скамеечку рядом с собой.

Кари садится. Он очень любит беседы учителя. Наверное, и сейчас, как всегда в таких случаях, Хеви скажет ему что-нибудь нужное и интересное. И мальчик не ошибается.

– Слушай внимательно, Кари, все, что я тебе скажу, – начинает Хеви. – Я доволен тем, как ты работаешь...

Кари вспыхивает от радости и хочет что-то сказать, но Хеви останавливает его движением руки.

– Ты хорошо усвоил все приемы и правила стенной росписи, – продолжает художник. – Я убедился, что у тебя верный глаз и твердая

рука. Твои зарисовки, которые ты делал на черепках сосудов и обломках камней, показали мне, что ты не только наблюдателен, тебе всегда хочется нарисовать то, что показалось интересным. Я говорю все это не для того, чтобы просто похвалить тебя, я уверен, мои слова не принесут тебе вреда – ты сам хорошо знаешь, что тебе надо еще многому и многому учиться. Я сказал все это потому, что настало время испробовать твои силы на более сложной работе, и я хочу, чтобы ты, поняв, насколько я тебе доверяю, приложил все свои знания, все умение, чтобы как можно лучше выполнить задание.

Кари слушает учителя затаив дыхание. Значит, Хеви действительно доволен им.

Но неожиданно для мальчика вместе с радостью он чувствует и страх – справится ли он, действительно ли он готов для такой работы? По-видимому, волнение Кари так ясно отражается на его лице, в крепко сжатых пальцах рук, в неровном дыхании, что Хеви прекрасно понимает чувство мальчика и говорит:

– Я вижу, что ты и рад и волнуешься – это так и должно быть. Плохо, когда человек настолько самоуверен, что спокойно берется за новое дело, считая, что он все знает и со всем прекрасно справится. Но и лишние колебания тоже не нужны. Думай о работе, а не о себе, и все будет хорошо. А теперь вставай, я покажу тебе, что надо делать.

Хеви встает и оборачивается к стене, около которой они сидели. Кари вскакивает, подходит к учителю иглядывается в фигуры и иероглифы. Вот ладья, посередине сидит на троне бог солнца Ра.

– Вот, Кари, ты распишешь эту часть, – говорит Хеви, указывая на стену. – Начинай, и пусть тебе поможет сам Ра! А теперь выслушай еще вот что: я сейчас ухожу, меня посылают в Инти для осмотра работ в храме богини Хатор. Ты останешься здесь и со всем, что тебе будет нужно, обращайся к Амонмесу. Он будет заменять меня и обещал помогать тебе. Краски и кисти возьмешь тоже у него.

Кари очень огорчен отъездом учителя.

– А когда ты вернешься, господин? – спрашивает он, и голос выдает его чувства.

– Я не могу сейчас этого сказать, Кари, – отвечает Хеви, кладя руку на плечо мальчика. – Я и сам этого не знаю. Думаю, что дней через пять-шесть. Но ты не должен беспокоиться. Амонмес тебе поможет.

Хеви слегка сжимает плечо Кари и уходит. Вот он останавливается еще у Амонмеса, они разговаривают и прощаются, вот Хеви подходит к одному из молодых живописцев и затем направляется к двери... Всё – учитель ушел, надо начинать работу. И Кари идет к Амонмесу за красками и кистями.

Вот он снова на прежнем месте. Все получено, все готово, кисть в руках, образец изучен до конца, а Кари все еще стоит перед стеной, не решаясь приступить к росписи. Наконец он собирается с духом и осторожно начинает раскрашивать ладью. Это не такая важная часть росписи, как фигура бога Ра, и мальчик выбрал для начала именно ее.

Ох, как страшно!.. Рука точно чужая, пальцы не гнутся, в глазах рябит. Но Кари берет себя в руки и, слегка закусив губу, продолжает роспись. Минуты проходят за минутами, и постепенно он увлекается работой и забывает, где он. Исчезает скованность руки, возвращаются привычные движения, и вот уже Кари с увлечением погружен в любимое занятие.

Он не видит, что Амонмес изредка поглядывает на него и один раз даже довольно близко проходит мимо и, по-видимому успокоенный, продолжает свое дело.

Кари не замечает, как бежит время, не чувствует усталости. Вот ладья готова! Она коричневая, а верх кормы, изображающий цветок лотоса, окрашен зеленым и голубым. Тонкими черными линиями отмечены борта, разноцветный рисунок украшает весла. Теперь можно немного передохнуть.

Но Кари не успевает еще вытереть кисть, как до его слуха доносится какой-то шум, крики, брань... Что это? Кажется, кого-то бьют?!

Все живописцы, работавшие в погребальном зале, бросают работу и спешат к двери. Кари тоже бежит туда. Ему кажется, что среди крика, и шума он узнает голос дяди Нахтмина, и Кари стремится узнать, так ли это, и вообще – что же там случилось?

Ему не сразу удается пробиться вперед, и, когда он выскакивает в коридор, из боковых комнат стражники уже выталкивают двух человек со связанными за спиной руками. Одежды их разорваны, по лицам течет кровь. Маджай тащат их вперед, осыпая ударами дубинок.

– Я не грабитель! Вы не смеете меня уводить, не смеете бить!

Сердце Кари замирает – это голос дяди Нахтмина! Великие боги, что же это такое?!

Рядом с Нахтмином так же отчаянно отбивается молодой, очень сильный, рослый каменотес. Кари узнает его – это Харуди, единственный сын вдовы Тамит, добрый и хороший человек. Ох, как его ударил по голове маджай! Кари сжимает кулаки и уже готов броситься вперед, но чьи-то руки хватают его за плечи.

– Стой смирно, куда ты? – шепчет над его ухом Амонмес. – Сейчас же уходи обратно, слышишь?

Амонмес крепко держит Кари, а в это время остальные живописцы, теснясь вперед, заслоняют от них все, что происходит в коридоре. Кари дрожит от ярости и волнения и пробует вырваться, но не может – Амонмес не выпускает его из своих сильных рук. А между тем шум борьбы и крики доносятся все глуше – значит, маджай уводят каменотесов. Куда? В тюрьму?

– За что они их забрали, за что бьют? – шепчет Кари, все еще вздрагивая.

– Этого пока ни ты, ни я не знаем, – услышав шепот мальчика, отвечает Амонмес. – Бежать тебе за ними незачем – ты им ничем не поможешь… Ведь и я не иду, хотя Харуди сын сестры моей умершей матери, мой двоюродный брат… Даже если мы все бросились туда – сейчас ничего не вышло бы – нас просто перебили бы стражники… Мы и сами бы погибли, и никого бы не освободили… Надо иначе!..

Кари поднимает глаза и видит, как взволнован художник.

– Идем обратно, Кари! – шепчет он. – Я потом постараюсь узнать, что случилось, и подумаю, как и что можно сделать… А пока иди и берись за работу!

Легко сказать «берись за работу», когда он не может ни о чем думать! Кари садится на скамеечку у своей стены, берет в руку кисть, придвигает краски – и ничего не может делать. В его глазах стоят связанные люди, в ушах чудится их крик. «Я не грабитель!» – кричали и Нахтмин и Харуди. Значит, их обвинили в ограблении царских гробниц?! Но ведь это чудовищно – все же знают, что они честнейшие люди! Как же могло возникнуть это страшное обвинение? Кто мог их оклеветать?!

Ох, а что же будет с Паири и его семьей? Как будет жить мать Харуди? Она стара и так слаба, что уже не может работать. Даже подумать страшно обо всем этом!

«Берись за работу»… И все-таки Амонмес прав – Кари обязан работать, как бы он ни был расстроен и огорчен. Подумав, мальчик

решает расписывать иероглифы, это проще и легче, можно в это время думать о своем.

Кари потом никогда не мог вспомнить, как закончился этот день. Как все живописцы, мальчик обедал, немного отдыхал, снова расписывал иероглифы. Потом, когда после окончания рабочего дня они все поднялись наверх, Амонмес привел его в свою хижину, в которой ночевал, когда работал в Долине царей, и показал небольшую лежанку, на которой Кари должен был спать.

Кари послушно лег, но долго не мог заснуть.

Только под утро мальчик смог немного забыться, но вскоре его разбудил Амонмес.

Снова началась работа в великолепном зале, вырубленном глубоко-глубоко в недрах горы.

Однако на этот раз сразу же после полудня в зал неожиданно вошел Хати, помощник начальника отряда ремесленников Панеба. Он встал посередине помещения и три раза громко хлопнул в ладоши.

Живописцы, поклонившиеся Хати еще при его появлении, с удивлением смотрели на него, ожидая, что он им скажет.

– Наш господин Пауро, начальник Западной части Города, приказал объявить всем вам радостную весть! – громко начал Хати. – Сегодня утром сам везир изволил обследовать гробницы великих фараонов, о которых Пасер, начальник Восточной части Города, лживо написал везиру, что их будто бы ограбили и что случилось это потому, что будто бы наш господин Пауро плохо следит за порядком на царском кладбище. Так вот, все это оказалось ложью – гробницы владык Египта целы! Наш господин Пауро велит вам по этому радостному случаю прекратить работу и идти домой, а завтра устроить торжественное шествие по всей Западной части Города, как это бывает в дни больших праздников! Кончайте работу и отправляйтесь в поселок.

Хати стоит, ожидая благодарности от живописцев за предстоящий отдых и празднество, но люди угрюмо молчат. Тогда Хати грубо кричит:

– Вы что же, не слышите меня, что ли?!

– Слышим, господин, – твердым голосом отвечает Амонмес, – слышим и сейчас уйдем.

Хати обводит глазами живописцев – везде его взгляд встречает нахмуренные враждебные лица. Тогда, поняв, что освобождение от работы не принесло никакой радости людям, огорченным судьбой их односельчан, Хати раздраженно пожимает плечами и затем уходит.

Через некоторое время со светильниками в руках, один за другим направляются к выходу мастера. Постепенно в зале становится все темнее, и наконец горят уже только два язычка пламени – в светильниках Амонмеса и Кари. Мальчик долго убирает кисти, укладывает краски. Наконец Амонмес подходит к нему:

– Ну, ты готов? Идем!

Кари послушно встает, и они начинают подниматься по многочисленным ступеням лестниц.

Кари явно хочет о чем-то спросить художника, но долго не решается первым вступить в разговор. Однако нетерпение берет верх, и он обращается к Амонмесу:

– Прости, господин, но я не могу понять, если, как сказал Хати, все царские гробницы целы, то почему же маджаи забрали наших каменотесов? А ведь раз Наутмин и Харуди кричали, что они невиновны, что они не грабители, значит, их обвинили как раз в грабежах?

– Не понимаю сам, – говорит Амонмес, – я тоже об этом думаю. Попробую узнать у маджаев наверху. Сейчас вступила новая смена, может быть, они что-нибудь слышали. Ты иди вперед и подожди меня недалеко от входа в Долину царей, я тебя скоро догоню.

– Хорошо, господин, спасибо, – говорит Кари.

Выйдя из столь нелюбимой им Долины царей, мальчик садится на камень и ждет художника. Все остальные живописцы и несколько каменотесов, которых не тронули маджай, давно уже ушли вперед.

Но вот и Амонмес. Кари встает и вопросительно смотрит на него.

– Ну, идем, – говорит художник, – я кое-что узнал. Дело обстоит совсем не так просто, как сказал Хати. Оказывается, было два осмотра царских гробниц – вчера и сегодня. Вчера везир послал проверить заявления Пасера, послал Пауро, писца везира и двух жрецов...

– Прости, господин, но я не понимаю, – неожиданно перебивает Кари, – как же это получается? Пасер обвиняет Пауро в том, что тот плохо следит за порядком на царском кладбище, а везир посыпает самого же Пауро проверять это обвинение?

– Да, это довольно странно, – соглашается Амонмес. – Слушай дальше. При этом осмотре все царские гробницы оказались целыми, кроме одной – фараона Себекемсафа, который жил давным-давно, лет шестьсот тому назад. Выходит, что Пасер написал неправду. В грабеже гробницы Себекемсафа обвинили трех человек – двух наших каменотесов и медника Пахара. Каменотесов отвели в тюрьму, а медника прямо в дом Пауро, зачем – неизвестно.

– А что было сегодня? – спрашивает Кари.

– А сегодня пошел уже сам везир и писец фараона. Повели и медника Пахара, о котором Пасер прямо писал, что он грабитель. Но он отпирался, уверял, что даже не знает, где находится Долина царей. Ему завязали глаза и вели так, а развязали уже в горах, но еще далеко от царского кладбища. Ему велели идти туда, где он бывал, и показать, что он здесь знает. И вот он пошел не в Долину царей, а совсем в другую сторону, и привел всех к пустой гробнице, которую когда-то готовили для старшего сына фараона, а потом она не понравилась, и для него стали делать другую, а эта так и осталась пустой. Везир рассердился, потому что всем ясно, что тут нечего было грабить. Везир решил, что медник

врет, и велел его бить, чтобы он сказал правду, но Пахар так ничего другого и не показал, поэтому решили, что он не виновен ни в чем.

– А зачем же он лазал в пустую гробницу? – недоверчиво спрашивает Кари.

– Его как раз об этом и спросил царский писец, – отвечает Амонмес. – А он сказал, что просто так, ходил в этих местах, увидел вход, прорубленный в скале, заинтересовался и пошел посмотреть, думал, что, может быть, что-нибудь найдет.

– Странно как-то все это, правда, господин? – задумчиво говорит Кари. – Как это везир да и другие поверили такому вздору?

– Люди часто верят тому, чему им хочется верить, – отвечает Амонмес, тоже, видимо, думая о странности поведения визира.

– Что же сделали с медником? Отпустили его? – спрашивает Кари.

– Нет, так просто отпустить нельзя, это можно сделать только по решению суда. Послезавтра будет заседать городской суд на том берегу, и там уже все решится. А пока медника опять отвели в дом Пауро.

– Опять к Пауро... – повторяет Кари и задумывается.

Амонмес больше ничего не отвечает, и они молча доходят до поселка.

6. ВРАЧ БЕКЕНМУТ

Появление Кари не удивляет его родных; они уже знают о случившемся от тех, кто вернулся из Долины царей, и поэтому ждут мальчика.

Однако, несмотря на возвращение сына, дом столяра Онахту полон горя, как полны им и многие дома поселка. Поэтому и нет того веселого шума, который обыкновенно наполняет селение при возвращении мужчин с работы. Не слышно песен и музыки, не заметно приготовлений к праздничному ужину. Даже предстоящее завтра шествие не веселит людей.

В семье Онахту особенно тяжело. Лица Неши и Таиси заплаканы, сам столяр молча шагает взад и вперед по комнате. Он глубоко переживает арест брата, и, когда Кари подробно обо всем рассказывает отцу, Онахту становится все мрачнее и мрачнее. Уже при встрече Кари заметил, что отец чем-то озабочен. Мальчику кажется, что отца тревожат еще какие-то дела, помимо беды с его братом и Харуди.

– Отец, можно я схожу к Паири, как-то там у них? – спрашивает Кари, окончив рассказ.

– Паири ушел в Святилище, он хочет попытаться узнать что-нибудь о своем отце и если это удастся, то передать ему еду. Так что ты не найдешь его, не стоит тебе ходить. Мать была уже и у них и у Харуди, помогла, чем можно... Мать Харуди слегла, у нее все время по очереди сидят женщины... – говорит Онахту. – Эх, если бы твой учитель был здесь! Вот кто мог бы еще, пожалуй, помочь, а то боюсь, что худо будет нашим друзьям...

Да, если бы учитель был здесь!.. А может быть, попробовать поискать его в Святилище или даже на том берегу?

– Да, вообще худые дела, мальчик мой, худые дела... – задумчиво продолжает Онахту.

– У тебя что-нибудь случилось, отец? – решается спросить Кари.

Онахту отрицательно качает головой, но мальчик не верит ему, – слишком озабоченно его лицо, он все время думает о чем-то своем, о чем-то очень тяжелом...

Вся семья тихо ложится спать...

Утро не приносит облегчения. Неши, сбегав проведать семьи Нахтмина и Харуди, торопливо готовит обед. Кари сначала помогает отцу починить печь во дворе, потом они оба садятся в комнате. Онахту погружается в свои думы, Кари начинает резать соломинки для Таиси. Девочку не унесли сегодня в горы, она сидит в спальне и тихо плетет свои корзиночки.

Но вот раздается стук в дверь. Кари идет, открывает и отступает от неожиданности; на пороге стоит маджай Монту, а за ним высокий молодой жрец в безукоризненно чистом белом одеянии, с наголо выбритой головой.

– Здравствуй, друг! – весело кричит Монту столяру. – Вот, принимай гостя – это врач Бекенмут из великого храма Амона-Ра! Он хочет посмотреть твою дочку. Вот увидишь, он непременно ее вылечит.

Онахту и Кари приветствуют врача поклоном.

– Входи, господин, – говорит столяр. – Пусть Амон благословит твой приход. Спасибо тебе, не каждый врач пришел бы к нам ради девочки. Спасибо и тебе, Монту!

– Благодарю за добрые слова, – отвечает Бекенмут. – А где девочка? Я могу ее видеть?

– Да, господин, конечно... Только... не гневайся, господин, но я хочу тебя предупредить, что дочь мою пробовали лечить уже три врача. Художник Хеви, учитель моего сына Кари, приводил к нам врачей, но никто не помог моей девочке, все сказали, что ее нельзя вылечить... Так что, если окажется, что ты напрасно трудился, не сердись на нас!

– Ну что ж, это не беда, а вот попробовать еще раз полечить девочку, если только есть хоть какая-нибудь надежда, надо обязательно. Идем, друг, и покажи девочку. – В лице Бекенмута есть и доброта и упорство одновременно.

Онахту еще раз кланяется и ведет гостя внутрь дома.

Кари и Монту садятся на циновки. Мальчик так взволнован, что не может молчать, и решается задать вопрос маджаю:

– Откуда ты знаешь этого врача?

– О, я его знаю давно! Мы встретились еще на Севере, в Саисе, я служил в охране храма богини Нейт, а там, как ты, может, знаешь, учатся молодые врачи. Там учился и Бекенмут. Про него и тогда уже говорили, что он будет очень хорошим врачом. Потом он кончил учиться и вернулся сюда, в храм Амона-Ра.

Снова наступает молчание. Наконец слышны голоса – Бекенмут и Онахту возвращаются. Кари с нетерпением всматривается в лицо врача, который это сразу же замечает.

– Ты, наверное, хочешь спросить меня, что я думаю о болезни твоей сестры, мальчик? – спрашивает Бекенмут.

– Да, господин, – отвечает Кари.

– Я надеюсь вылечить ее, – говорит Бекенмут и улыбается при виде радости, заливающей лицо Кари. – Мне пришлось уже излечить троих таких же больных, излечить новым способом, который я сам придумал... Но для этого мне надо увезти девочку с собой. Твоя мать тоже поедет. Пока Таиси не поправится, они обе будут жить у моей матери. Я хотел бы, чтобы ты пошел с нами, Кари: придется помочь в дороге. Твой отец согласен. Идешь?

– С радостью, господин! – отвечает Кари. Мальчик так доволен, что врач считает болезнь сестры излечимой, что даже забывает на минуту так огорчившие всех события с каменотесами. Однако он сразу же

вспоминает обо всем, потому что ему приходит в голову мысль, что, попав на тот берег, он еще успеет повидать Хеви до того, как он уедет в Инти.

– До Святилища и я могу вас проводить и понести девочку, – предлагает Монту, лицо которого так и сияет радостью.

– Очень хорошо, спасибо! – отвечает Бекенмут.

– Я должен только предупредить об этом начальника сторожевого поста. Мы там и встретимся! – говорит маджай и быстро уходит.

– Присядь, господин, – приглашает Онахту, показывая гостю на покрытый циновками приступок, – отдохни, я сейчас принесу еду. А ты, Кари, пойди, тебе надо собираться в дорогу.

Кари повинуется отцу и выходит. Бекенмут опускается на циновки и с удовольствием протягивает ноги. Онахту уходит и вскоре возвращается, неся большой поднос с угощением. За ним его жена Неши приносит посуду, придвигает к приступку два легких плетенных из соломы столика и ловко расставляет на них все, что они с мужем принесли для своего гостя.

– Ешь и пей, господин, – говорит она с легким поклоном. – Мы всегда рады гостю, а тем более такому, как ты.

Женщина явно взволнованна, на ее щеках горит румянец, веки слегка распухли, видно, что она недавно много плакала, но теперь на ее красивом худощавом лице появилась надежда.

Бекенмут благодарит за приглашение. Онахту придвигает для себя один из стоящих вдоль стен низеньких табуретов и садится рядом с врачом. Неши уходит продолжать сборы в дорогу.

Некоторое время гость и хозяин молча едят, запивая легким пивом вкусное гусиное мясо и свежие пшеничные лепешки. Потом Онахту говорит:

– Я не знаю тебя, господин, но мне кажется, что если ты пришел сюда, для того чтобы помочь дочери столяра, и ничего не хочешь взять от нас за это, то ты, верно, хороший человек. Может быть, я скажу лишнее, но у меня случилось большое горе, а может, впереди будет и еще не одно, и я хочу тебе обо всем рассказать.

– Я тебя слушаю, говори все, что думаешь, – отвечает Бекенмут.

Онахту рассказывает об аресте Нахтмина и Харуди, а потом прибавляет:

– Боюсь, что и мне грозит беда. Может, как раз хорошо, что жены и дочери здесь не будет. Видишь ли, господин, я сейчас делаю резной футляр для статуи бога Амона. Работаю в мастерской с другими столярами. У каждого из нас свое дело, кому что поручено – футляры, подставки, жертвенники. Я на своем футляре уже кончил резьбу, теперь надо его обивать листовым золотом. И вот третьего дня приходит ко мне вечером домой помощник начальника отряда Хати и предлагает такую сделку: заднюю стенку футляра просто окрасить в желтый цвет, а золото, которое пошло бы на обивку, поделить с ним.

Бекенмут слегка поднимает брови:

– Ну и что же?

– Ну, я, конечно, наотрез отказался! У нас в роду воров не бывало, как бы трудно ни жилось! Но этим дело не кончилось. Тогда-то он ушел, а вчера приходит опять, спрашивает, не передумал ли я? «Нет, говорю, не передумал и впредь не передумаю, а потому прошу ко мне больше не являться!» Рассердился он страшно и говорит: «Смотри не пожалей!» С этим и ушел.

– Так ты боишься, что он сделает тебе какие-нибудь неприятности?

– Да уж не без того, господин. Если бы только неприятности, а то ведь может и совсем погубить, вот что страшно. За себя-то я бы еще не так беспокоился, а ведь у меня семья.

– А если рассказать все начальнику отряда? – спрашивает Бекенмут.

– Да что ты, господин? – удивленно смотрит на него Онахту. – Это Панебу-то рассказать про его помощника?

– Ах, твой начальник – Панеб? Так ты считаешь, что он заодно с помощником, что ли? Думаешь, что он его покроет?

Онахту молчит и смотрит в пол, потом поднимает глаза на гостя и решительно говорит:

– Думаю, хуже. Думаю, что его и подослал ко мне Панеб.

– Вот как! А почему ты так решил?

– Потому что этот человек способен и на худшее, господин. Разве мы мало знаем о его страшных делах? Вот взяли теперь моего брата Нахтмина и Харуди. Они непричастны к ограблению царских гробниц, господин! Клянусь фараоном, они невиновны! А их взяли! И это не без Панеба – он давно на них точит зубы за то, что они его не боятся и ему не поддаются... А следовало бы взять не их, а самого Панеба. Он-то как раз лучше всех знает, кто на самом деле залезает в гробницы фараонов! Без него такие дела не делаются, только он всегда остается в стороне... Осудят либо мелких воришек, либо и вовсе невинных, вроде Нахтмина и Харуди. Ведь осудили же три года назад писца Хnumnahxa за кражу из гробницы фараона Сети-Мериептаха покрывала с колесницы, и руку писцу отрезали! А украл-то Панеб! И не раз так, а доказать нельзя, все боятся, да и он всегда так устроит, что и свидетелей не найдешь.

Онахту встает и взволнованно начинает ходить по комнате.

– Он не брезгает ничем, даже ворует из наших гробниц, тут, на кладбище поселка. Он, например, спустился в подземелье гробницы одного ремесленника и украл ложе, на котором стоял гроб с мумией! Подумай, господин, – украл вещи, которые были даны умершему человеку! А когда мы его спросили, как он посмел это сделать, так он сказал, что он это ложе купил, и выставил свидетелем того же помощника, который теперь вот пристает ко мне! Говорим ему, а куда же

делось ложе из гробницы? А он отвечает: «Почем я знаю, кто из вас его украл!» А сколько раз он избивал нас! Ведь его собственный сын убежал от него – пришел на сторожевой пост, плачет и твердит: «Я не могу больше жить с ним». Так и ушел к своему дяде в храм фараона Сети-Менмара. Чего же больше, господин, – родной сын! Панеб вообще ни перед чем не остановится, он – убийца, господин!

– Что ты этим хочешь сказать? – перебивает врач.

– А вот что. Ты знаешь, как он стал начальником нашего отряда ремесленников? Был у нас начальником Небнефера; после того как он умер, его должен был заменить его старший сын Неферхотеп, как это у нас обычно делается. А Панеб убил Неферхотепа.

– Как убил?

– Этого никто не знает, но всем известно, что это сделал Панеб. После Неферхотепа должен был бы стать начальником его младший брат Амоннахту, а назначили Панеба. И знаешь почему? Говорят, что Панеб отдал пять рабов везиру – тогда еще был визиром Праэмхэб, – и тот назначил начальником Панеба и замял дело об убийстве.

Бекенмут слушает все это молча, только крепко сжатые руки и нахмуренные брови показывают, что рассказ Онахту глубоко волнует врача.

– А пожаловаться на него некому, господин, – продолжает Онахту. – За него горой стоит сам Пауро. Так его защищает, что, видно, ему выгодно, чтобы Панеб сидел у нас в начальниках. А на Пауро кому жаловаться? Может, скажешь везиру? А вот, смотри, что получилось, когда даже такой важный человек, как правитель Города Пасер подал везиру жалобу на Пауро? Все обвинения оказались клеветой – Пауро ни в чем не виноват, все у него в порядке! Все царские гробницы целы, кроме одной – наверно, в ней не успели для видимости навести порядок и снова запечатать, а может быть, нельзя было уж совсем отпереться! А заодно и от неугодных людей избавились... А вот почему это везир в первый раз

послал во главе обследования именно Пауро? А? Разве так делают, господин?

Бекенмут молчит.

– А жаловаться некуда. Нет правды... нет помощи... Остается только на волю богов положиться. Хочу сегодня же пойти помолиться Владычице Западной Вершины, покровительнице нашего поселка, буду просить ее отвести от меня беду! Другой помощи мне не найти...

Бекенмут опускает голову и все так же молчит. Умолкает и Онахту. Бекенмут встает и решительно кладет руку на плечо Онахту.

– Вот что, друг, – говорит он, как всегда, спокойно, но с каким-то оттенком твердости в голосе, – ты говорил, что Панеб получил место начальника отряда, убив сына прежнего начальника, который получил это место по закону? Так? И еще ты, кажется, сказал, что у убитого остался брат, который, собственно, и должен был быть начальником отряда, раз эта должность переходит у вас по наследству?

– Да, господин, все это так, – отвечал Онахту. Он не понимал, что имеет в виду его гость, но слушал внимательно и с полным доверием.

– Так вот, пусть этот человек напишет все подробно, понимаешь? Все, как было дело, и что он вообще знает про Панеба. Ну, словом, все, что ты мне сейчас рассказывал. И пусть этот документ он отвезет сам на Север, где сейчас находится фараон, и передаст его, тоже лично, везиру Северной части страны. Только пусть все это он сделает сам, никому не поручая и никому не доверяя, понял?

– Понял, господин. – Онахту продолжает так же внимательно слушать.

– И еще. Если потом сюда приедут от того везира посланные им люди для проверки всего дела, вам надо действовать дружно, не бояться Панеба и говорить прямо и твердо все, что вы знаете. Запомни, Онахту, что сила в единении, одна пчела не прогонит гиену, а много пчел могут ее одолеть. Ну, пора идти. Посмотрим, готовы ли твои? Да, вот что. Если действительно с тобой что-нибудь случится, непременно дай мне знать.

Пусть Кари меня найдет. Если уж стряслася несчастье, помни, что твою семью я не оставлю! Молчи, ничего не надо говорить, иди торопи их, нам надо вовремя приехать на ту сторону.

Онахту все-таки успевает произнести несколько слов благодарности, хотя волнение мешает ему сказать все, что рвется из его сердца. Он машет рукой и уходит. Бекенмут опять садится на приступок и опускает голову на руки. Он сразу становится каким-то утомленным, точно постаревшим. И так, сжимая бритую голову своими сильными руками, он сидит, пока за дверью не раздаются веселые детские голоса. Тогда Бекенмут сразу поднимается, принимает свой обычный спокойный вид и так встречает входящих Онахту с Таиси на руках, Неши и Кари, несущего узелок.

– Ну, вот и хорошо, собрались? – бодро говорит Бекенмут. – Тогда идемте.

Все выходят. Онахту хочет проводить семью и сам несет дочку, остальные идут сзади. Пройдя несколько домов вдоль главной улицы, Онахту останавливается и говорит, обернувшись к Бекенмуту:

– Прости, господин, но девочка очень хочет проститься с арфистом Неферхотепом, это его дом, я зайду с ней на минуту и догоню вас, хорошо?

– Конечно, очень хорошо, что Таиси помнит своих друзей, – ласково говорит Бекенмут.

Онахту с девочкой входит в дом, а остальные не спеша идут дальше.

У ворот Онахту догоняет их. Маленькая группа подходит к сторожевому посту, у которого их уже поджидает Монту.

– Ну, мне, пожалуй, пора идти обратно, – говорит, останавливаясь, Онахту. – Нужно еще навестить семью брата...

– Давай мне дочку, я понесу ее, – говорит маджай и ловко берет Таиси от отца.

Все прощаются. Онахту смотрит на жену и детей с такой грустью, что Неши останавливается в нерешительности.

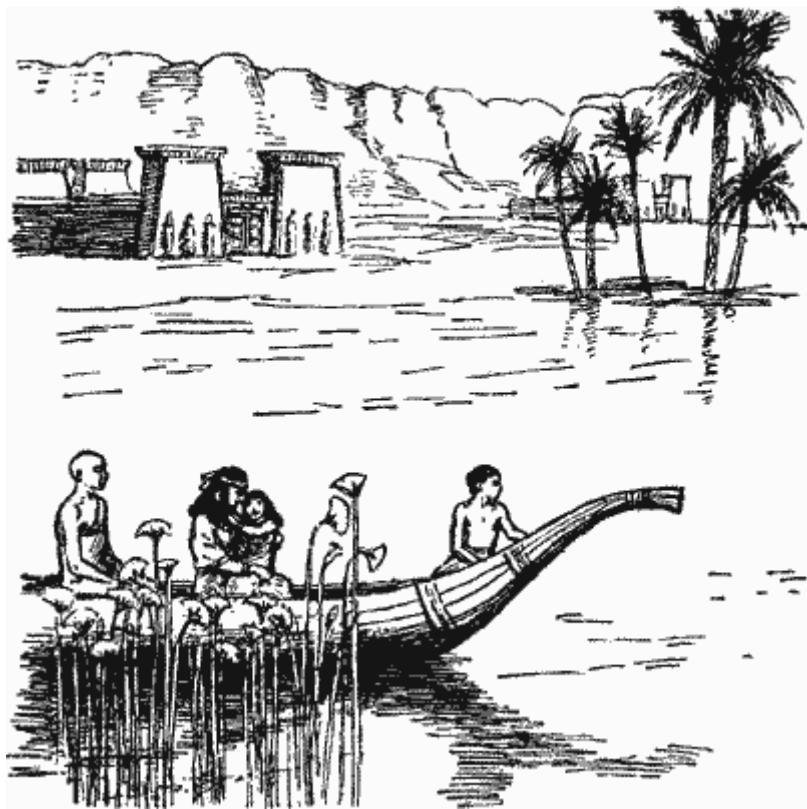
– Иди, иди, жена, – спохватывается столяр и старается придать лицу спокойное выражение. – Иди, все будет хорошо! Будь здорова, дочка! Спасибо тебе, господин, и тебе, Монту! Возвращайся скорее, Кари!

Онахту стоит и машет рукой вслед уходящим. Таиси смотрит на него и тоже машет ему ручкой.

7. НОВЫЙ ДРУГ

Лодка медленно пересекает реку. Гребец, сильный сириец, равномерно поднимает и опускает весла, а сидящий на корме стариk ловко правит длинным рулевым веслом, направляя лодку так, чтобы ее не сносило течением.

Посередине, на самом удобном и спокойном месте, сидит Неши, на коленях которой полулежит Таиси. Глаза девочки широко раскрыты, чувствуется, что она с напряженным вниманием смотрит вперед. Позади Неши, перед рулевым, расположился Бекенмут, а на самом носу сидит Кари.

Таиси все еще не вполне может прийти в себя от множества новых впечатлений. Она даже не очень отчетливо помнит, как они дошли до поразивших ее своей высотой башен западных ворот храма, как Бекенмут привел их в дом своего друга, врача Минхая, где они немного отдохнули. Там с ними простился маджай Монту и ушел обратно в горы, а Минхай послал с ними своих рабов – старика рулевого и вот этого сирийца, который нес Таиси до берега, а теперь гребет. Лодка тоже принадлежит Минхая, хорошая лодка, крепкая, на ней не страшно плыть даже по такой широкой и глубокой реке.

Таиси видит на берегу много зданий. Особенно привлекает ее внимание огромный храм, колонны которого отражаются в воде. Бекенмут уже сказал, что это Ипет-Рес, второе по величине святилище бога Амона-Ра, царя всех богов Египта. Но они едут не туда; им надо пристать севернее, вон к той пристани, от которой идет дорога к главному храму того же бога Амона-Ра, который называется Ипет-Сут. И Таиси затаив дыхание смотрит на ступени красивой каменной пристани, к которой они приближаются.

Вот она ближе, ближе, вот нос лодки уже слегка ударяется об нижнюю ступеньку. Кари выскакивает и держит лодку, пока все, кроме рулевого,

выходят. Сириец опять несет Таиси, и через его плечо девочка видит, как старый раб, уложив свое длинное весло на дно лодки и крикнув что-то на незнакомом языке сирийцу, берет его весла и начинает медленно грести, направляясь вдоль берега к северу, где виднеется множество рыбачьих лодок.

Бекенмут идет впереди, за ним – сириец с Таиси, сзади – Неши и Кари. Вот кончается лестница, и Таиси слегка вскрикивает от удивления и восторга: прямо перед ней – широкая аллея, по обеим сторонам которой стоят большие гранитные статуи баранов. Таиси знает, что баран – священное животное бога Амона-Ра, поэтому ей понятно, почему два ряда огромных каменных баранов точно охраняют подход к храму Амона. А вот в конце аллеи виден и фасад храма – две широкие башни с бронзовыми воротами между ними. К башням прикреплены высокие деревянные мачты с флагами. По сторонам ворот стоят гигантские скульптуры фараонов.

Слева от аллеи Таиси видит большую пальмовую рощу, зелень которой особенно привлекает девочку, выросшую среди выжженных солнцем скал.

Что это? Бекенмут как раз сворачивает туда. Как хорошо здесь в тени, хоть бы подольше ее несли под этими чудесными деревьями!

Но роща не так велика, как это показалось Таиси на первый взгляд. Уже видны расположенные за ней налево огороды, а правее – побеленные невысокие стены, в которых кое-где есть ворота. Поверх стен местами поднимают свои горделивые верхушки пальмы.

Около одних ворот, имеющих вид маленьких, красиво расписанных башенок, Бекенмут останавливается.

– Ну, вот мы и пришли. – говорит он иходит в ворота, прямо от которых идет дорожка к небольшой глинобитной стенке, за которой расположен довольно обширный сад.

К огорчению Таиси, Бекенмут идет не туда, а направо – к дому, в дверях которого стоит высокая пожилая женщина и радостно улыбается молодому врачу.

Бекенмут почтительно склоняется перед ней, а она нежно обнимает его голову. С минуту они смотрят друг другу в глаза, потом Бекенмут оборачивается и, показывая рукой на пришедших с ним, говорит:

– Я привел гостей, мать!

– Очень хорошо, сын мой, гости всегда желанны! – Женщина приветливо протягивает руку навстречу Неши и ласково обнимает ее.

– Входи, сестра, под нашим кровом ты найдешь отдых и покой! А это и есть Таиси? Иди ко мне, девочка!

Она осторожно берет Таиси ловкими сильными руками, привычными к уходу за больными, и уносит девочку в дом. Неши идет за ней. Сириец кланяется и уходит обратно, и только тогда Кари замечает, что в доме за дверью стоит мальчик почти одного с ним возраста, который не сводит глаз с Бекенмута.

– А, это ты, Рамес, – приветливо обращается к нему Бекенмут.

– Здравствуй, господин, – отвечает мальчик, кланяясь, и отступает, желая дать дорогу Бекенмуту.

Но тот продолжает стоять и, положив руку на плечо Кари, слегка подталкивает его вперед:

– Вот, Кари, познакомься, это Рамес, мой ученик. А это – Кари. Ты знаешь его учителя, Рамес, художника Хеви, ты ведь не раз встречал его у твоего деда. Вы с Кари должны подружиться. Ты покажешь ему все у нас здесь, а он тебе расскажет про свой поселок «слушающих зов».

Рамес кивает головой, и мальчики внимательно смотрят друг на друга. Рамес чуть повыше Кари, такой же худощавый и стройный. Его голова совершенно выбрита, как у жреца. Он одет в очень чистую белую одежду из тонкого полотна, на шее у него висит узенькая золотая цепочка с

подвеской – фигуркой сокола из полупрозрачного красного камня сердолика. Кари, запыленный после дороги, кажется очень неопрятным по сравнению с Рамесом. Бекенмут понимает состояние мальчика и говорит:

– Рамес, проводи Кари в сад, пусть он выкупается и переоденется, я тоже приду к вам освежиться.

– Хорошо, господин, – отвечает Рамес и, обращаясь к Кари, предлагает: – Пойдем. Чистая одежда у тебя с собой?

Получив утвердительный ответ, он ведет своего нового знакомого в сад.

Бекенмут тем временем входит в дом. Рассказав матери о своем путешествии в горы и попросив ее вымыть Таиси в теплой воде и распорядиться с ужином, врач берет чистые одежду и тоже идет в сад.

Кари уже выкупался и сидит рядом с Рамесом в тени под ветвями старой сикоморы. «Что-то есть в них общее, наверное, они подружатся», – думает Бекенмут, спускаясь по ступенькам к большому пруду, вырытому посередине сада.

А мальчики действительно нравятся друг другу. Рамес расспрашивает Кари о поселке, про который он много слышал, о том, как он учится у Хеви. Кари, в свою очередь, узнает, что родителей у Рамеса нет – они погибли во время большого пожара. Рамес живет у старого деда, важного человека – второго жреца Амона-Ра в Ипет-Сут. В доме у деда очень тихо, очень строго. Рамес тоже будет жрецом, он уже и сейчас

помогает во время обрядов в храме. Но он хочет быть врачом, как Бекенмут. Дед разрешает ему учиться у Бекенмута, которого считают очень способным врачом. А потом, может быть, ему удастся поехать на Север, в Саис, в то замечательное врачебное училище, самое лучшее в Египте, где учился Бекенмут.

– А сюда ты пришел, чтобы проводить Таиси? – спрашивает Рамес.

– Нет, чтобы узнать, не здесь ли еще мой учитель Хеви, – отвечает Кари.

– Могу тебе сказать, что он уехал совсем недавно. Видишь ли, моему деду поручено управлять всеми художественными мастерскими нашего храма да и работами в царских гробницах и храмах на вашем берегу. Дед тоже направляет зодчих, художников и скульпторов иногда в другие города. А меня он часто посыпает в мастерские с разными поручениями, так что я знаю все, что там делается, знаю также, кто куда уезжает по приказу деда. Твой учитель еще сегодня утром был у деда, а потом сразу и уехал. А зачем он тебе нужен?

Кари дает уклончивый ответ, и Рамес, поняв, что его новый товарищ не хочет об этом говорить, уже не повторяет вопроса и переводит разговор на другие темы. Бекенмут уходит в дом посмотреть, как там идут дела. Через некоторое время он возвращается в сад, неся на руках Таиси.

При виде цветов, деревьев, виноградных лоз с тяжелыми гроздьями синих ягод девочка вскрикивает от восхищения. Бекенмут ходит с ней по всем дорожкам, все показывает, объясняет, как называются те растения,

которых Таиси не знает. Он позволяет ей срывать то веточку с дерева или куста, то цветок с клумбы. Особенный восторг вызывает у Таиси пруд. Врач садится на ступеньки, ведущие к воде, и девочка не может налюбоваться на голубые и белые цветы лотосов и на плавающих в прозрачных струях рыбок.

– Как у тебя здесь хорошо, господин! – говорит Таиси, прижимая к груди собранный букет. – Как легко дышится, как славно пахнут цветы! А рыбки-то, рыбки!.. А вон на дереве, смотри, какая красивая птичка с ярким хохолком! А вот летит другая, с голубой головкой! Ох, как хорошо!.. Я даже не думала, что такое бывает!

Бекенмут улыбается. Рамес внимательно следит за маленькой гостьей своего учителя. Бедная девочка, совсем не может ходить. Хоть бы удалось ее вылечить! Чем бы ее развлечь, что бы ей подарить?

Семья Бекенмута и гости ужинают в беседке, выстроенной в самом тенистом углу сада. От свежего воздуха или от радостного возбуждения, но у Таиси сегодня хороший аппетит, она, вопреки обыкновению, ест с удовольствием.

После ужина Рамес уходит и обещает скоро вернуться. Таиси остается с братом в беседке. Мать Бекенмута укутывает ноги девочки и уходит с сыном и Неши в дом.

В саду наступает тишина. Слышно, как безостановочно звенят кузнечики, слегка шелестят листья пальм, чуть журчит вода в канале, соединяющем пруд с большими оросительными каналами, пересекающими огороды, которые Таиси видела по дороге сюда. Громко поет какая-то птица, сладко пахнут цветы. Таиси молча наслаждается всем, что ее окружает. Кари тоже молчит и думает свои невеселые думы.

Проходит час, и появляется Рамес. Он несет довольно большую корзинку, бережно держа свою ношу обеими руками.

– Вот и я, – говорит Рамес, входя в беседку и ставя корзинку рядом с Таиси.

В корзинке что-то шевелится, и оттуда раздается легкий писк. Таиси и Кари с удивлением смотрят то на Рамеса, то на корзинку. Рамес улыбается, потом встает и медленно отодвигает крышку. Из корзинки показывается смешная головка маленькой обезьянки, с любопытством, но без всякого страха смотрящей на детей черными блестящими глазками.

Таиси в восторге хлопает в ладоши, и Рамес, вынув обезьянку, отдает ее девочке.

– Вот, Таиси, бери ее! – говорит Рамес. – Она хорошая, добрая и веселая. Она ручная, ты не бойся – она не кусается, не царапается, она уже несколько месяцев живет с людьми. На ночь сегодня ты ее все-таки лучше привяжи, чтобы она не убежала, а завтра она уже к тебе привыкнет, особенно если ты сама будешь ее кормить.

Таиси робко берет обезьянку и тихо гладит ее мягкую коричневую шерстку. Зверек, в свою очередь, гладит ручку девочки и делает ей уморительные гримасы. Таиси смеется и уже не боится обезьянку. Ей только не верится, что этот чудесный зверек теперь принадлежит ей!

Незаметно подошедший к детям Бекенмут некоторое время с улыбкой смотрит на девочку, радующуюся живому подарку. Рамес первым замечает врача. Таиси оживленно показывает ему зверька и спрашивает:

– А мне можно оставить обезьянку у себя, господин?

– Конечно, девочка, можно, она никому здесь не помешает. Только теперь тебе надо ложиться спать, давай я тебя отнесу!

Бекенмут уносит Таиси, и мальчики остаются одни.

Рамес начинает расспрашивать Кари о его работе, о поселке. Он слушает так внимательно, так всем интересуется, что Кари постепенно рассказывает ему и о последних тяжелых событиях. Рамес сдвигает брови и молча выслушивает все до конца, подперев щеку кулаком.

– Да, это действительно худо, – говорит он наконец. – Твой отец прав, здесь может помочь, пожалуй, только твой учитель. Его очень ценят. Сам верховный жрец нашего храма знает, какой это художник. Недаром он руководит всеми работами в гробницах фараона, царицы и царских детей! Вот что, Кари, о приезде Хеви я сразу же узнаю, потому что он придет к деду, и тогда я ему все расскажу, вернее, попрошу рассказать Бекенмута, так будет лучше. И вообще, я буду узнавать все, что смогу, про это дело, ведь мой дед входит в состав городского суда.

– Вот спасибо тебе, Рамес! – Кари горячо сжимает руку мальчика.

– Ну что ты, не стоит, очень уж это гадкое дело, – отвечает Рамес.

Мальчики замолкают и оба задумываются. Потом Рамес встряхивает головой и встает:

– Когда ты уезжаешь?

– Завтра, а что?

– Я подумал, может быть, успею что-нибудь узнать от деда. Ты подожди меня завтра, хорошо? Я приду после обеда.

Но на следующий день Рамес приходит в дом врача гораздо раньше, чем обещал накануне. Однако хмурое выражение его лица не предвещает ничего хорошего.

– Ты узнал что-нибудь? – с тревогой и надеждой спрашивает Кари.

– Завтра будет заседать главный суд Города, – тихо говорит Рамес. – Будут разбирать жалобу Пасера на то, что Пауро плохо смотрит за царскими кладбищами, и обвинение медника Пахара в грабежах...

Кари схватывает Рамеса за руку.

– А других людей, обвиненных в том же, разве не будут завтра судить?

– О них никто ничего не говорит, а спрашивать я не могу, сам понимаешь, что меня тогда тоже сразу же спросят, откуда я про них

знаю, — отвечает Рамес и, помолчав, говорит: — Ну, я иду домой. Мне придется весь день и всю ночь быть в храме, помогать готовиться к Празднику Долины. Ты ведь знаешь, что через два дня праздник, и статуи богов из наших храмов торжественно отправятся на ваш берег? Все жрецы тоже поедут.

— И ты?

— И я, конечно. Поэтому у нас теперь все очень заняты. Но я все равно узнаю от деда, чем кончится суд. А вот как мне это потом передать тебе? Ты будешь на празднике?

— Я очень хочу быть! До самого праздника мы все свободны от работы. Я хочу уйти из поселка еще накануне праздника к одному моему приятелю. Его зовут Тути, его отец — садовник Паседи в Святилище. Они там и живут. Тути обещал, что он попросит своего отца взять меня на их лодку встречать знаменитые священные корабли вашего храма. Я ведь их еще никогда не видел, а Тути говорит, что они действительно замечательные!

— Да, это, конечно, стоит посмотреть. Так, значит, ты будешь во время праздника в Святилище? Я ведь тоже приеду туда с нашими жрецами... Вот бы нам с тобой там и встретиться! Как бы это сделать?

— Как?.. Постой... Может быть, мне подождать тебя у храма?

— Нет, я могу очень долго задержаться.

— Тогда вот что: я буду ночевать у Тути, приходи туда. Тути живет слева от храма, по направлению к Западным воротам. Там все знают садовника Паседи, ты спроси, где его дом, и приходи. Хорошо?

— Да, это, пожалуй, самое лучшее! Ну, а пока прощай, меня ждут.

8. ПИР У ПАУРО

Вечером в тот же день Кари прощается с матерью и Таиси, с Бекенмутом и его матерью и направляется к реке. Ему удается довольно быстро переправиться на западный берег — какие-то торговцы, которые

везут туда к празднику свои товары, разрешили мальчику пристроиться на корме большой грузовой ладьи.

Вот и грандиозные башни Восточных ворот Святилища. Кари проходит на территорию храма и вскоре уже стоит перед домом Тути. Однако здесь его ожидает разочарование – его друга нет. Оказывается, он помогает своему отцу украшать для пира дом начальника Западной части Города Пауро.

Мать Тути, Танеферт, говорит, что мальчик вернется не скоро, но, заметив растерянность Кари и узнав, кто он, предлагает ему зайти в дом и подождать Тути. Кари с радостью соглашается.

Во дворе, усеянном обрывками циновок и лент, увядшими цветами, обломками веток, навстречу им почти бегом проходят два раба с корзинами, наполненными свежими цветами.

– Вот видишь, еще понесли цветы, а сколько их туда уже отправлено! – говорит мать Тути, покачивая головой. – Войди в дом, Кари, я дам тебе пообедать.

– Нет, спасибо, я не голоден, – отказывается Кари. – Я только что обедал у врача Бекенмута на том берегу.

– А почему ты был у врача? У тебя кто-нибудь болен из родных? – заботливо спрашивает Танеферт и с участием выслушивает краткий рассказ Кари о его сестренке.

– Ну, будем надеяться, что Амон поможет врачу исцелить твою сестру! – горячо говорит Танеферт. – Где же ты хочешь подождать моего сына, здесь или, может быть, пройдешь на крышу дома?

Кари выбирает крышу. Мать Тути показывает ему пристроенную снаружи к дому кирпичную лестницу.

– Вот, поднимись туда, сынок. Там тебе будет хорошо... Постой-ка! – Женщина исчезает в доме и через минуту появляется с небольшой корзинкой, полной винограда. – Вот возьми, поешь. – Добрая улыбка

освещает ее лицо. – Не так скучно будет ждать. Бери, бери! Тути мне про тебя много рассказывал, я ведь знаю, что если бы не ты, так он, может быть, совсем бы заблудился в горах. Поднимайся наверх, там можешь лечь на циновки и спать. Когда Тути придет, я пришлю его к тебе.

Кари благодарит, берет корзинку и быстро забирается на крышу. Там он с наслаждением вдыхает посвежевший к вечеру воздух, находит груду циновок и вытягивается на них. Как хорошо отдохнуть, какой вкусный виноград! Интересно, что сейчас делает Тути? Скорей бы он пришел, Кари так много надо ему рассказать!

А Тути в это время становится свидетелем и участником совсем неожиданных событий.

Все началось еще днем, когда он был на берегу и смотрел, как рыбаки ловят рыбу. Только принялись тянуть сеть и Тути с замиранием сердца ждал, что же удалось поймать, как прибежал его младший братишко Меси с известием, что отец требует его к себе. Тути со всех ног бросился к дому и сразу же увидел, что во дворе творится невероятная суматоха. Бегают садовники, свои и чужие рабы и рабыни уносят куда-то корзины с цветами, куски циновок, ленты. На крыльце стоит сам Паседи и отдает распоряжения. Увидев сына, он манит его к себе:

– Вот что, Тути, правитель Пауро устраивает сегодня у себя большой пир, и он приказал немедленно украсить его дом цветами. Пойдешь сейчас же туда с Усерхетом и будешь ему помогать во всем, что он тебе скажет. Я приду потом, сейчас мне надо идти в сады, еще отобрать цветов. Ты там останешься и во время пира – придется все время иметь наготове свежие венки и гирлянды – будешь нам помогать.

Тути едва успевает кивнуть и бежит за помощником отца садовником Усерхетом и рабами, нагруженными корзинами.

Вот и дом Пауро. У него, как и во всех богатых домах, два входа: парадный для хозяев и гостей, и другой, который ведет на большой двор. Сюда-то и входят сейчас Усерхет, Тути и рабы. По сторонам двора устроены кухни, кладовые, помещения для слуг и скота. Тути здесь впервые, и он с любопытством оглядывается вокруг. Ого, какой большой двор и как много людей занято разными делами! Бегут то в дом, то в кладовые, кто-то кричит и бранится.

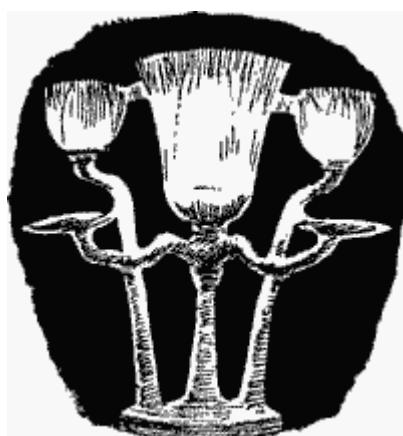
Интересно, откуда это так вкусно пахнет? Ах, это повара жарят гусей. Каждый повар сидит на земле перед небольшой жаровней и держит над ней хорошо ощипанного и выпотрошенного гуся, надетого на вертел-палку. Повар медленно поворачивает эту палку так, чтобы гусь прожаривался равномерно. В другой руке у повара небольшое опахало, которым он то защищает лицо от огня, то пробует отогнать чад.

Немного дальше на длинном столе готовят печенья на меду. Опытный пекарь делает их разной формы, даже в виде лежащего теленка. Но Тути не успевает хорошенько рассмотреть другие печенья, – его сильно толкает высокий мужчина, который несет на коромысле два больших

сосуда. За ним идет целая вереница людей с такой же ношкой. Тути потирает ушибленное плечо, вспоминает, зачем его сюда послали, и бежит в дом.

– Наконец-то! – сердито встречает его Усерхет. – Ты зачем пришел, зевать по сторонам или работать? Бери вот эту пачку циновок и иди за мной.

Тути послушно берет большой сверток и взваливает его на плечо. Они проходят по коридору, потом через две большие комнаты входят в зал, где будет происходить пир.

Здесь все залито ярким светом – расписной потолок и стены, разложенные по полу циновки, суетящиеся люди. Множество светильников стоит на полочках и подставках. Особенно бросается в глаза мальчику один – из желтоватого камня, сделанный в виде трех цветов лотоса. В каждый каменный цветок налито масло, опущена светильня, и язычки пламени не только бросают кругом лучи света, но благодаря им просвечивают жилки ценного камня, видна тонкая резьба на цветах.

– Опять зазевался? Вот так помощник! – раздраженно говорит Усерхет. – Клади сюда циновки, разверни одну на полу и держи, а я буду составлять букет.

Тути старательно держит края циновки, пока садовник возится с укладкой цветов. Букет должен быть огромный, выше человеческого роста, и такие связки цветов ставят по углам комнаты, по сторонам

дверей. Усерхет и Тути ловко справляются с работой. Вот уложены три длинных стебля распустившегося папируса, к ним привязываются лотосы, маки, васильки. Циновка заворачивается вокруг стеблей, и ее перевязывают пестрыми жгутами соломы, поверх которых обвиваются еще гирлянды из лепестков лотоса, гибкие ветки плюща.

Букет готов, и рабы несут его на место, а Усерхет и Тути берутся за другой. Постепенно мальчик осваивается и, не переставая работать, успевает заметить многое из того, что происходит вокруг.

Уже приготовлены места для гостей – для каждого приглашенного поставлен стул или табурет и отдельный столик. Вдоль стен на резных подставках из черного дерева стоят большие сосуды с вином, они глиняные, ярко расписанные; на одном изображена гирлянда цветов, на втором – мчащаяся галопом лошадь, на третьем – заросли папирусов и летящие над ними утки. Около сосудов хлопочут рабыни: они украшают их гирляндами из лепестков лотосов, нанизанных на нитки, прикрепляют к подставкам большие гроздья темно-синего винограда. Через открытую дверь видно, как в соседней комнате приготовляют цветочные гирлянды и венки – ими потом украсят гостей. Здесь разливают в маленькие красивые флакончики душистые масла, чтобы предлагать их пиরующим.

Вот в зал входят музыканты, певицы, танцовщицы. Они устраиваются прямо на циновках у одной из стен и начинают проверять свои инструменты. Тути вспоминает сценку около поселка «слушающих зов» – этот оркестр гораздо больше. Здесь два арфиста, три флейтистки, две девушки с кифарами, две – с лютнями. И танцовщиц не меньше десятка.

Внезапно в комнате наступает тишина, и все низко кланяются входящему из внутренних комнат дома высокому мужчине. Кланяется и Тути. Он догадывается, что это сам Пауро, хозяин этого дома, грозный правитель Западной части Города, начальник всех маджаев царских кладбищ.

Пауро, нахмурив брови, внимательно осматривает зал, что-то негромко, слегка заикаясь, говорит идущему за ним человеку, который все время кивает головой, как будто заранее соглашается со всем, что ему говорит Пауро. При этом он как-то сгибается, не то кланяется, не то просто очень внимательно слушает.

«Довольно противный человек», – думает Тути.

Пауро со своим спутником выходят в соседнюю комнату, и в зале опять начинается прежняя суматоха.

– Ну, Тути, букеты готовы, – говорит Усерхет. – Теперь пойдем, я покажу тебе, где ты будешь работать.

Они выходят из зала и, пройдя через небольшую комнату, оказываются в просторном, вытянутом в длину помещении. Это не то зал, не то веранда – здесь вместо одной стены устроено большое окно. Тути с наслаждением вдыхает свежий воздух.

– Вот садись сюда в угол, чтобы никому не мешать, и начинай готовить гирлянды, – говорит Усерхет и уходит.

Корзина, еще корзина с цветами... Тути не знает, сколько прошло времени, пока он сидит здесь. Наверное, уже очень поздно. За окном давно темно. Зеленоватый свет луны падает в комнату через огромное окно и смешивается с желтым пламенем светильников. За стеной пир, видимо, в полном разгаре. Оттуда доносятся звуки музыки, пение, веселые крики.

Мальчик очень устал, его глаза слипаются, пальцы стали точно деревянные, голова тяжелая-тяжелая. Главное – страшно хочется спать. Вот так лечь бы на циновку и заснуть! Но этого нельзя сделать – то отец, то Усерхет приносят все новые охапки лотосов, и Тути продолжает нанизывать на длинные нитки голубые продолговатые лепестки этих душистых цветов. То же самое делают и две рабыни.

Изредка рабыни уходят с готовыми гирляндами и снова возвращаются. Но вот в дверях появляется еще одна рабыня – нужны цветы, скорее, скорее! Не только гирлянды! Три женщины осторожно собирают все, что могут, кладут в корзинки и уходят.

Тути остается один. Сначала он еще немного продолжает работать, но потом чувствует, что сейчас непременно заснет. Тогда он встает, берет свою корзинку и пробирается с ней за стоящее в углу рядом с окном большое кресло с высокой спинкой. На кресло наброшено покрывало, поэтому позади кресла совсем темно, и никому не придет в голову, что там кто-то спрятался. Тути ложится, свертывается клубочком и немедленно засыпает.

Его будят звуки голосов; в комнате разговаривают двое мужчин. Один из них сидит в кресле, другой, видимо, стоит рядом.

«Вот попался-то!» – в страхе думает мальчик. Теперь ему уже больше не хочется спать, – ему просто страшно.

– Значит, в Городе говорят, что шествие вчера прошло хорошо? Торжественно? – говорит сидящий.

По тому, как он иногда немного заикается, Тути узнает Пауро и пугается еще больше.

– Все было прекрасно, господин, можешь быть спокоен, – отвечает второй человек.

– Это удачно, – говорит Пауро, – пусть Пасер почувствует, что со мной бороться не просто!

– Еще бы! – слышится ответ.

В это время в дверях раздался третий голос:

– Разреши войти, господин!

– Это ты, Амоннахт? Входи.

Слышны шаги, кто-то останавливается недалеко от кресла.

– Что скажешь? – спрашивает Пауро.

– Господин, у меня очень важное известие, – говорит человек, по имени Амоннахт. («Интересно, кто он такой?» – думает Тути.) – Я был сегодня на восточном берегу с двумя ремесленниками, и около храма Птаха мы встретили Пасера и царского писца Несиамона. Пасер был очень зол. Он увидел нас и стал кричать, что мы устроили шествие нарочно, чтобы показать, как мы рады тому, что он оказался неправ, и что мы трое пришли сюда тоже нарочно, чтобы посмеяться над ним. И тут он сказал, что все-таки докажет свою правоту, что у него теперь есть бесспорное доказательство, потому что к нему пришли два писца царского кладбища и рассказали о том, как были ограблены пять больших гробниц фараонов. Пасер добавил, что его писцы записали эти показания и что он немедленно сообщит обо всем прямо фараону! Господин, он десять раз поклялся, что именно так и сделает. Я и решил сразу же тебе обо всем доложить.

Наступает молчание. Тути слышит, как тяжело дышит Пауро. Что он – напуган или разгневан? А может быть, и то и другое? Пасер-то, видимо, не собирается оставлять дела!

– Хорошо сделал, что пришел! – наконец говорит Пауро. – Я прикажу тебя наградить. Теперь пойди… я должен подумать. Так этого оставлять нельзя.

– Слушаю, господин, – говорит Амоннахт и уходит.

Опять молчание. Ох, уж лучше бы они говорили, а еще лучше ушли бы из комнаты.

– Надо узнать, кто эти писцы, – говорит Пауро. – Как они вообще смели идти к Пасеру? Они же должны обо всем, что случается на кладбище, докладывать мне!

– А если ты уже знаешь об этом, господин? Если они тебе уже докладывали? – вкрадчивым голосом спрашивает правителя Запада его собеседник.

– То есть как я уже знаю? Мне эти дни никто из писцов ничего не сообщал!

– А если дело идет о тех гробницах, про которые тебя извещали раньше? Тогда как?

– Раньше? Да ты с ума сошел, Панеб! О чем ты говоришь? – Голос Пауро становится все громче и грознее.

Так вот это кто – Панеб! И как смело он разговаривает с начальником! Тути теперь уже старается не пропустить ни одного слова.

– О тех гробницах, господин, на которых печати найдены целыми, а следовательно, решено, что и сами гробницы не тронуты. Ну, хотя бы о гробницах фараонов Сети-Менмара и Рамсеса-Сетепенра! – В голосе Панеба совсем не слышно страха. Похоже, что этот человек даже усмехается.

– А-а, вот ты о чем... Много себе позволяешь! – Пауро уже не кричит, хотя говорит сердито, отрывисто. – Молчи, я понял! Надо мне немедленно обо всем написать везиру, написать, что Пасер хочет помимо него обращаться к фараону...

– И послать везиру с этим письмом хорошие дары, – тихо говорит Панеб. – Прикажешь принести? Слитки или вещи?

Опять молчание. Пауро постукивает пальцами по ручке кресла.

– Слитки, – коротко приказывает он. – Завтра, к утру. Иди!

– Одно слово, господин! Позволь спросить, список имен грабителей уже подан в суд?

– Завтра будет послан, он готов.

– А Харуди и Нахтмин там?

– Да... Я же тебе обещал! Иди, ну!

Панеб уходит, но через минуту возвращается чуть не бегом.

– Господин, – быстро шепчет он, подойдя почти вплотную к креслу, – под окном стоял какой-то маджай из дежурной стражи...

– Кто такой? Узнать немедленно!

– Будет сделано, господин!

– Стой! Ты думаешь, он мог слышать?

– Может быть...

– Если он слышал, ему конец! – Голос Пауро упал до шепота, но какой это страшный шепот!

Тути кажется, что он цепнеет от ужаса. Он-то ведь все слышал, значит, и ему конец? И ведь никуда не уйти. Только бы не шелохнуться, не двинуть ни ногой, ни рукой.

– Ну, иди же, что ты стоишь? И пришли мне моего писца Себекнахта.

Панеб уходит, и опять наступает молчание. Тути кажется, что оно длится бесконечно долго, но на самом деле Панеб очень быстро выполняет приказание, и через две-три минуты в комнату кто-то входит – очевидно, писец Себекнахт.

– Ты исполнил мое приказание относительно медника Пахара? – спрашивает Пауро.

– Да, господин. Его перевязали, хорошо накормили. Я показал ему то, что он возьмет отсюда потом... после суда. Все в порядке, господин.

– Думаешь, он не подведет?

– Ни в коем случае, господин! Он прекрасно все понимает.

– Хорошо. Кормить его и впредь получше! Утром придешь писать письмо везиру. Все. Можешь идти.

Себекнахт уходит. Пауро еще некоторое время сидит на кресле, потом встает и, тяжело ступая, уходит – вероятно, опять к гостям.

Тути осторожно выглядывает. Никого, комната пуста. Тогда он тихонько вылезает из-за кресла, стараясь не зацепить за него корзиной, и подходит к двери в проходную комнату, через которую его привел сюда Усерхет. Мальчик прислушивается, ставит корзинку на плечо, чтобы не было видно его лица, и, войдя в комнату, быстро ее пересекает. Уже почти при выходе из нее он слышит сзади стремительные шаги, кто-то бежит мимо, толкает его.

– Скорее шевелись, не вертись под ногами! Чуть не свалился из-за тебя! – говорит какой-то раб, выбежавший из пиршественного зала с пустым подносом.

За ним бегут еще рабы, навстречу спешат другие, и Тути, замешавшись среди них, благополучно выбирается во двор. Вот он и на улице. Не веря своей удаче, растерянный, он торопится скорее прочь от этого страшного дома, надеясь успокоиться и забыть все пережитое.

Почти везде уже погашены огни. Узкий серп луны ярко блестит в черном небе. Ветра нет, и флаги на мачтах у ворот храма висят без движения. Мальчик медленно идет, с трудом переставляя ноги. Вот и дом. От ворот отделяется маленькая черная тень.

– Тути, это ты? Наконец-то!

– Кари?! Откуда ты? Почему ты здесь?

– Я зашел к тебе по дороге домой, я был на том берегу. Твоя мать сначала позволила мне подождать тебя, а потом и переночевать. Мне тебя непременно надо было видеть! Идем на крышу, там для нас приготовлен ужин, – говорит Кари и помогает другу снять корзинку. – Да что с тобой? Ты просто устал или заболел? Ты какой-то странный!

– Будешь тут странным, – бормочет Тути. – Я не больной... я даже не знаю, что тебе сказать...

– Ну, идем скорее на крышу, там расскажешь... Ох Тути, Тути, что у нас случилось, такие ужасы!

– Ну, уж верно, не такие, о которых я тебе расскажу! – отвечает Тути.

Кари смотрит на товарища; пожалуй, его поражают не столько слова мальчика, сколько выражение его лица и тон. С Тути, видимо, случилось что-то тяжелое, он так переменился.

Мальчики поднимаются на крышу.

– Дай мне пить! – просит Тути и с наслаждением выпивает кружку воды. Теперь он чувствует себя немного лучше, хотя все еще находится под впечатлением услышанного в доме Пауро. – Ну, рассказывай, что у вас произошло, – говорит он, – а потом уж я расскажу!

И Тути узнает грустные новости. Мальчик внимательно слушает и внезапно начинает мысленно сопоставлять рассказ Кари с тем, что говорили Пауро и Панеб. Нахтмин и Харуди... Почему Панеб спрашивал, включены ли именно эти имена в список грабителей, который послали в суд? Почему Пауро сказал, что он ему «уже это обещал»? Значит, их схватили по просьбе Панеба?!

– Скажи, Кари, почему Панеб не любит Харуди и твоего дядю? – спрашивает Тути.

Кари удивлен:

– Откуда ты знаешь, что он их не любит?

– Ну, неважно, потом скажу, а пока ты ответь мне.

– Панеб не то что их не любит, а просто ненавидит. Они его не боятся и несколько раз выводили его проделки на чистую воду. Панеб заставляет работников поселка работать на него – пасти его скот, тащить хороший камень, привезенный для отделки царских гробниц, в поселок для его собственной гробницы. Он из такого камня поставил там четыре колонны. А дядя Нахтмин и Харуди отказались это делать. Потом еще Панеб украл большую хорошую кирку, которую выдали для работ на царском кладбище, и тоже притащил ее в свою гробницу. А отвечать за нее пришлось отцу Паири, так как она была выдана ему. Панеб хотел вычесть ее стоимость из пайка, который выдают работникам царского кладбища, но Нахтмин пригрозил, что известит об этом везира. Тогда Панеб подбросил кирку за большой камень и сделал вид, что нашел ее. Он заставлял женщин поселка ткать для него ткани, а дядя запретил своей жене это делать. Харуди тоже не позволил матери и сестре работать на Панеба, а за ними и другие. У нас многие боятся Панеба, он способен на очень худые дела... А вот дядя Нахтмин и Харуди говорят ему правду в глаза, и их теперь начинают поддерживать другие.

– А почему же все-таки его так у вас боятся? Что ты хотел сказать, когда упомянул про его худые дела? – допытывается Тути.

– Его нельзя не бояться, – говорит Кари. И он рассказывает, как Панебу удалось стать начальником отряда ремесленников. – Видишь теперь, какой он страшный человек? – добавляет Кари.

– Да, вижу. Вижу и то, что, пожалуй, Нахтмин и Харуди пропали. Потому что Панебу во всем помогает Пауро, а может быть, и везир. Вот послушай-ка, что я тебе расскажу.

Кари слушает своего друга с напряженным вниманием. Да, теперь все становится понятным. Тути, кажется, прав – вокруг отца Паири и молодого Харуди сплетается такая прочная сеть, что освободить их, кажется, уже невозможно. Да еще к тому же и Хеви нет, и неизвестно, когда он вернется.

– Вот что, Тути, – говорит Кари. – Я должен все это рассказать отцу. Сами мы с тобой ничего не сумеем сделать, а он, может быть, что-нибудь все-таки придумает. Давай сейчас спать, а завтра, на заре, я уйду домой.

– Но ты вернешься послезавтра? – с тревогой спрашивает Тути. – Ты хотел поехать с нами встречать священные корабли храма Амона! Я уже говорил с отцом, и он согласен, чтобы ты провел у нас весь праздник.

– Спасибо, Тути. Если я не буду нужен отцу, я непременно постараюсь прийти послезавтра вечером. Хотя, по правде сказать, праздник будет совсем не веселый...

Мальчики ложатся.

– Да, вот что, чуть не забыл. – Кари приподнимается на локте. – Если я почему-нибудь не приду, помни, что вечером в день праздника сюда придет мальчик из великого храма Амона-Ра. Его зовут Рамес, он ученик врача Бекенмута. Он нам может помочь... – И Кари вкратце рассказывает о своей встрече с Рамесом. – Так ты встреть его, все ему расскажи и сам запомни то, что он тебе скажет. Не забудешь?

– Ну, ты тоже скажешь! Разве я могу такое забыть? – Тути даже готов обидеться, но сразу же засыпает, а когда просыпается, солнечные лучи заливают крышу, Кари уже нет.

Кари действительно ушел на заре, как и собирался. Когда он подходит к Западным воротам Святилища, они еще закрыты, и ему приходится ждать. Но, несмотря на ранний час, Кари здесь не один – тут уже стоят ослы с выюками, их погонщики и сопровождающие караван два маджая. Один из них пристально смотрит на Кари и потом манит его к себе. Кари, узнав в предрассветном сумраке маджая Монту, охотно подходит к нему и здоровается.

– Здравствуй. Ну, как здоровье сестренки? Что говорит врач? – спрашивает Монту.

– Спасибо, – отвечает мальчик. – Врач обещает вылечить сестру. Я только что оттуда. – И Кари еще раз горячо благодарит маджая.

– Не стоит, очень уж хорошая у тебя сестренка. Она мне напомнила мою сестру, такая же славная. А у кого же ты ночевал сегодня здесь, в Святилище?

– В доме садовника Паседи, – отвечает Кари. – Его сын Тути – мой друг. Если отец меня отпустит, то я опять вернусь к ним – они звали меня на Праздник Долины.

– А я ведь сейчас иду к вам в поселок, вот вам везут к празднику добавочную выдачу! – Монту показывает на выюки. – Ждем писца из управления. Вот, как он придет да откроют ворота, так и отправимся. А ты, значит, домой? Ну вот и пойдем вместе!

Кари с удивлением замечает, что Монту, которого он всегда видел таким веселым, готовым пошутить, сегодня серьезен и озабочен. Брови сдвинуты, лицо хмурое, сосредоточенное.

«Что это с ним?» – думает Кари.

Но вот приходит писец, вскоре затем открывают ворота. Погонщики выстраивают ослов вереницей и направляются в горы. Монту предлагает другому маджаю идти во главе маленького каравана, а сам замыкает шествие. Писец тоже уходит вперед. Кари остается вместе с Монту.

Через некоторое время мальчик замечает, что маджай постепенно идет все медленнее и медленнее, и постепенно они отстают от последнего проводника. Убедившись, что их не услышат, Монту говорит, понизив голос:

– Слушай, мальчик, я хочу тебе кое-что рассказать. Только смотри никому, кроме своего отца, не говори того, что сейчас услышишь, иначе всем нам конец! Понял?

– Понял, – отвечает Кари, хотя и не может еще представить себе, о чем пойдет речь.

– Так вот, брата твоего отца и Харуди взяли зря, они ни в каких грабежах не участвовали. Подстроил это все Панеб, а ему помог Пауро. На самом же деле Панеб-то и замешан в этих грабежах. Посоветуйся с отцом, как тут быть. Может, что и придумаете.

Кари слушает маджая затаив дыхание. Конечно, ничего нового Монту ему не сказал, мальчик все это уже знает, но его поражает другое – откуда Монту узнал все это и почему он ему решился рассказать? И точно в ответ на последний вопрос Монту говорит:

– Я этого Панеба давно не терплю, он раз попробовал и меня втянуть в свои дела, да я, конечно, не поддался!

– А почему же ты никому не сказал про это? – спрашивает Кари.

– Кому же мне было сказать? Самому Пауро, что ли? И потом, разговор у нас был один на один, значит, свидетелей нет, и Панеб от всего бы отперся!

– А как ты узнал про наших каменотесов? – решается спросить Кари.

– Неважно, как… Главное, узнал!.. – говорит маджай с необычной для него резкостью.

Кари, видимо, задал неуместный вопрос. Больше он не решается спрашивать и молча раздумывает, откуда Монту мог узнать обо всем, что он сейчас рассказал. И внезапно мальчик догадывается – ведь Тути же говорил, что какой-то маджай стоял под окном у Пауро и все слышал. Еще Пауро приказал найти его! Может быть, это и был как раз Монту? Спросить его об этом, конечно, нельзя – пришлось бы выдать Тути и вообще показать, что Кари знает об этом деле гораздо больше самого Монту. Но ведь Пауро обещал убить того маджая… Значит, если под окном стоял Монту, то ему грозит смертельная опасность. А ведь он был так добр к Таиси, и если девочка поправится, то это именно благодаря Монту…

Как бы все-таки узнать, он ли там был? Кари колеблется, придумывая то один вопрос, то другой, и не замечает, как они доходят до поселка. Тогда он наконец говорит:

– Ну, так я все скажу отцу. Спасибо тебе! А отсюда ты пойдешь обратно?

– Да, надо выспаться, – отвечает Монту. – Меня ведь не в очередь послали, я уже всю ночь дежурил.

– Где, на кладбище? – хитрит Кари.

– Нет, при доме Пауро. Ну, прощай, мальчик, да смотри помни!

– Не беспокойся, я не забуду, что болтать об этом нельзя, я ведь понимаю, что если Пауро узнает, что кому-нибудь стало известно обо всем этом, так такому человеку тут же и смерть! – Мальчик выразительно смотрит прямо в глаза маджаю, тот отвечает ему тоже пристальным взглядом, и они расходятся.

Кари бежит домой. Так, все ясно – Монту действительно и был тем маджаем под окном Пауро! Но... раз он на свободе, значит, Пауро и Панеб ничего не узнали. Замечательно. Значит Монту пока ничто не угрожает! И, сообразив это, Кари облегченно вздыхает.

Дома мальчик застает отца в том же тяжелом состоянии. Правда, Онахту оживляется при рассказе сына о том, как хорошо отнеслись в доме Бекенмута к Неши и Таиси. Особенно светлеет лицо столяра, когда Кари говорит, что врач уже начал лечить девочку и что он уверен в удачном исходе лечения.

Но зато новости, которые принес Кари о судьбе каменотесов, не только снова возвращают Онахту к его мрачным думам, но приводят в еще большее уныние. Ему начинает казаться, что никакого выхода уже не найти, и даже прежняя надежда на заступничество Хеви теперь представляется ему несбыточной. Он не говорит об этом сыну, не желая огорчать мальчика, пусть он верит еще хоть немного в возможность счастливого исхода. Еще успеет он нагореваться, когда осудят Нахтмина

и Харуди, да и потом – когда беда придет в их собственный дом! Этого, очевидно, тоже не избежать – вон как Панеб расправляется с неугодными ему людьми, значит, дойдет очередь и до него, Онахту.

Поэтому столяр охотно соглашается на просьбу Кари отпустить его в семью Тути на Праздник Долины. «Пусть развлечется мальчик», – думает отец.

Пообедав, Кари идет к Паири, которого он находит с кувшином в руках около его дома на улице – Паири несет домой воду. Кари молча идет за ним, молча ждет, пока Паири выльет воду в большой сосуд около печи. Ни матери, ни сестер Паири нет – их увела к себе сестра матери, и мальчики одни усаживаются на циновки. Только теперь начинают они разговаривать. Сначала говорит Паири. Не глядя на Кари, внешне спокойно, но с подергивающимися губами он рассказывает, как пробовал пробраться в тюремный двор, как его прогнали и избили стражники... Так ничего он и не узнал.

Кари слушает друга с тяжелым сердцем. Чем он может помочь Паири или хотя бы утешить его? Ведь надежды так мало... Да есть ли она вообще?

Но Кари берет себя в руки и все-таки пытается убедить Паири, что суд, может быть, отложат, что Хеви успеет вернуться и спасти его отца.

– А я завтра опять иду в Святилище и, как только что-нибудь узнаю, сразу же приду, слышишь? – добавляет Кари.

– Да, спасибо, – тихо отвечает Паири.

Они вместе выходят на улицу и тут же расстаются: Паири идет за матерью, Кари – домой.

9. ПРАЗДНИК ДОЛИНЫ

Яркое, солнечное утро. Необычное оживление царит на реке, около пристани храма Амона-Ра. По всему восточному берегу теснятся толпы народа. Празднично одетые люди, украшенные гирляндами цветов, с

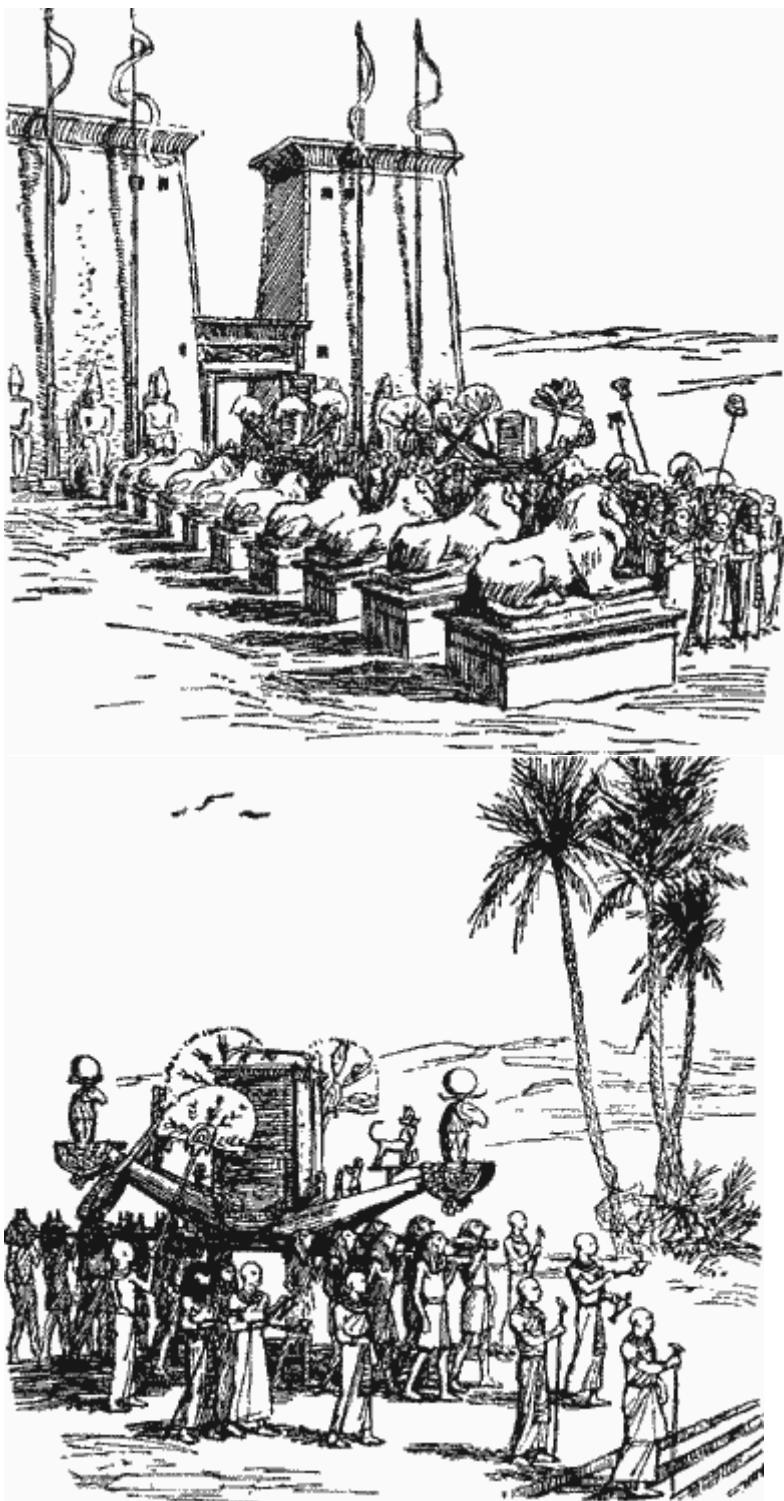
цветами в руках, всё приходят и приходят сюда из разных концов Города. На реке множество лодок, больших и маленьких, тоже украшенных цветами. На одной из них сидят, тесно прижавшись друг к другу, Тути и Кари.

Мальчики с любопытством оглядываются вокруг. Больше всего их внимание привлекают три странных корабля, которые покачиваются у самой пристани. Кажется, они отлиты из золота. Но разве золотой корабль может удержаться на воде? И Тути рассказывает товарищу, что эти три гигантские ладьи сделаны из великолепного дерева, привезенного издалека – со склонов Ливана. А сверкают они потому, что обиты листовым золотом! Солнце блистаает на их бортах, на скульптурных украшениях, прикрепленных к носу и корме, на палубах.

Первым у ступенек пристани стоит самый большой корабль. Это «Усерхет», священная ладья бога Амона-Ра, на которой будет перевезена на западный берег статуя царя богов, хранящаяся в храме Ипет-Сут, главном святилище столицы Египта. Второй корабль, меньших размеров, предназначен для статуи богини Мут, третий – для статуи бога луны, Хонсу.

Каждый из этих трех кораблей привязан крепкими канатами к большим ладьям с гребцами, на самих же кораблях гребцов не видно.

Но вот толпа зашевелилась, все головы поворачиваются к воротам храма Амона-Ра. Оттуда доносится отдаленное пение. Кари и Тути приподнимаются на лодке, чтобы лучше видеть. Сегодня на высоких мачтах храма укреплены новые флаги. Тяжелые бронзовые створки ворот между двумя гигантскими башнями раскрыты настежь, и вот оттуда показывается начало торжественной процессии. Сперва издали заметны только белые одеяния жрецов, сверкание чего-то золотого над ними, клубы дыма от благовонных смол, тлеющих на углях кадильниц.

Шествие медленно движется между двумя рядами сфинксов к пристани. Вот уже видны обитые золотом носилки, на которых стоит золотая ладья со статуей бога Амона-Ра. На носу, на высокой подставке, укреплен золотой сфинкс, над ним большое опахало из великолепных белых и красных страусовых перьев. Вокруг каюты золотые статуэтки божеств. Все ослепительно сверкает в лучах солнца.

– Смотри, смотри! Вон носилки с ладьей царя богов. Их несут духи двух древнейших городов Египта – Нехена и Пе! – возбужденно говорит Тути.

Кари с удивлением видит, что у носильщиков, на плечах которых лежат шесты от носилок, необычайные головы: у одних – соколиные, у других – черные головы шакалов с вытянутыми острыми мордами и настороженно торчащими ушами. Не может быть, чтобы это были сами духи. А если?! Ох!

За первыми носилками видны вторые и третьи. На них тоже ладьи с золотыми статуями богини Мут и бога Хонсу.

Но вот шествие приближается к ступенькам пристани, и Кари невольно хватает Тути за руку.

– А это кто? – шепчет он. – Смотри – один с волчьей головой, другой с бараньей, третий с соколиной. Тоже духи? И кто этот человек между ними?

– Это не духи, это сами боги, – шепчет Тути. – А человек – это Аменхотеп, верховный жрец великого храма Амона-Ра. Смотри, они вошли на ладьи, которые поведут «Усерхет» на буксире!

Действительно, на высоком, богато украшенном помосте головной ладьи появляются четыре фигуры. Впереди становится тот, у кого на плечах голова волка.

– Это Вепуат, бог – открыватель путей! – поясняет Тути.

Вторым встает верховный жрец Аменхотеп, а за ним существа с головами барана и сокола. Тути говорит, что это боги Хнум и Гор. У Кари всё путается в голове. Не верить Тути он не решается, а в то же время совершенно невозможно представить себя так близко от богов!

Между тем Аменхотеп и «боги» берутся за канат, привязанный к кораблю Амона-Ра.

Конечно, канат прочно прикреплен сначала к корме буксирной ладьи, а «боги» и жрец держат только его свободно висящий конец, но

впечатление получается такое, точно это именно они сами повлекут вперед тяжелый корабль «царя богов».

В это время носильщики со статуей Амона-Ра уже поднялись на «Усерхет», поставили принесенную ими золотую ладью на помост посередине палубы корабля. Вот они опускаются на одно колено с двух сторон ладьи – «духи» с головами шакалов слева, «духи» с головами соколов справа – и, подняв кверху одну руку, другой начинают медленно ударять себя в грудь в такт музыке и пению.

Устанавливают носилки и на других кораблях. Вот уже поднимаются длинные, украшенные слоновой костью и золотом весла на передней ладье, и сидящие на ней шестьдесят гребцов дружно опускают их в воду. Торжественное плавание начинается.

Люди на лодках начинают грести изо всех сил, чтобы скорее достичь противоположного берега и встретить процессию. А там, на великолепной пристани Святилища, уже ждут, вдоль всего берега стоит народ, низкими поклонами и молитвами встречающий «царя богов».

Тути и Кари уже совсем ничего не видят. На реке столько лодок, что многие, в том числе и их лодочка, могли причалить только значительно ниже пристани Святилища, и, пока мальчики добегают до его ворот, шествие уже скрывается в них.

– Эх, обидно, опоздали! – говорит с досадой Тути. – Ну, да ничего уж не поделаешь. Зато завтра постараемся прибежать пораньше, чтобы все увидеть с самого начала. А теперь идем к нам. Мать подготовила разные вкусные вещи, мы с тобой будем пировать в саду одни – отец уйдет в гости, а мать и сестры принимают своих гостей на крыше. Правда, здорово?

Мальчики идут к дому садовника Паседи. Всюду полно народа – свои жители, приезжие гости с восточного берега столицы и из других городов заполняют улицы, группами сидят на плоских крышах домов. Все в праздничных одеждах, слышится веселый говор. Мальчики с трудом пробираются сквозь шумную толпу.

Но вот наконец они в саду дома Тути. Под большой сикоморой, в тени, разостланы циновки, и сестры Тути уже принесли и расставили разные кушанья, лепешки, сладости, плоды. Мальчики усаживаются и с удовольствием принимаются за вкусный обед.

– Брат, к тебе еще гость, – неожиданно говорит старшая сестра Тути, подходя к мальчикам. За ней стоит хорошо знакомая Кари фигурка в жреческой одежде и с бритой головой.

– Это Рамес! Здравствуй! – вскакивает Кари. – Знакомьтесь, – вот Тути, помнишь, я тебе о нем рассказывал?

Тути здоровается с Рамесом и с любопытством смотрит на него: еще бы, ведь он из прославленного храма Амона-Ра!

Тути усаживает своего нового гостя и начинает его усиленно угождать. Рамес не отказывается – он очень торопился повидать Кари и не остался обедать с дедом. Некоторое время мальчики молча едят, то и дело бросая вопросительные взгляды на Рамеса.

Понимая, как им хочется поскорее узнать новости, Рамес решает, что надо рассказать все немедленно.

– Так вот, – говорит он. – Третьего дня состоялся суд Города. Решено, что медник Пахар ни в чем не виноват, а жалоба Пасера признана неправильной. Медника тут же освободили.

– А кто были судьи? – перебивает Кари.

– Обычный состав главного суда Города, – отвечает Рамес. – Председателем, как всегда, был везир, а судьями верховный жрец Аменхотеп, потом мой дед, как второй жрец того же храма Амона-Ра, потом другие важные люди, например, царский писец... Знаете, ведь и сам Пасер – один из судей главного суда Города. Представляете, что он чувствовал, пока шло разбирательство! Дед сказал, что никогда еще не видал ни одного человека в таком страшном гневе, в каком Пасер ушел после окончания суда!

– Еще бы! – горячо говорит Кари. – Ну, а как же с другими?

– Их дело отложено. Сказали, что их надо еще допросить. Так вот, вчера их снова допрашивали, а потом вечером привезли в тюрьму нашего храма. Это твой дядя Нахтмин и Харуди. Они очень избиты, потому что до сих пор не сознаются в грабежах.

Мальчики так поражены, что сразу даже ничего не могут сказать.

– Мне удалось переслать им еду и мазь для ран, – говорит Рамес. – И еще я успел обо всем рассказать Бекенмуту.

– Ты их сам видел? – спрашивает Кари.

– Нет, это невозможно, – отвечает Рамес.

– А как же ты передал им все?

– Ну, передал… у меня есть друзья… В общем, это неважно. А мне самому ведь нельзя даже показать, что я интересуюсь этим делом или знаю этих людей.

– А что, дед рассердился бы? – спрашивает Тути.

– Конечно! Но главное не это, а то, что я больше не смог бы ничего для них сделать или даже про них узнавать. И никто другой тоже, потому что за ними стали бы так следить, что ни один человек и близко не подошел бы к ним! Да, все это очень сложно, друзья!

– Еще гораздо сложнее, чем ты думаешь, Рамес, – говорит Кари. – Сейчас Тути тебе расскажет, что ему удалось узнать. Говори, Тути.

И Тути повторяет Рамесу все, что он рассказал Кари вечером после пира у Пауро.

Пока Рамес слушает, у него все сильнее и сильнее хмурятся брови; одной рукой он, сам не замечая того, разрывает на мелкие кусочки край циновки, на которой сидит.

– Так, – говорит он, выслушав Тути. – Теперь не только ясно, что Панеб – прямой участник грабежей, но и то, что через него все нити этого мерзкого дела идут к Пауро!

– Ну и что же, Рамес? Что все-таки можно сделать, чтобы спасти наших людей? Известно ли хотя, когда будет суд над ними? – Голос Кари дрожит, хотя он всеми силами старается сохранить спокойствие.

– Суд будет еще не скоро, дней через десять. А что делать – одна надежда на Хеви. Может, ему удалось бы доказать верховному жрецу, что Нахтмин и Харуди схвачены незаконно. А для этого нужно рассказать Хеви все, что вы знаете о Панебе и Пауро, обо всех их преступлениях. Это очень, очень нужно!

– Что Панеб – негодяй, Хеви и сам хорошо знает, – говорит Кари. – А вот про все, что услышал Тути в доме Пауро, ему надо рассказать подробно.

Мальчики задумываются, а потом Тути говорит:

– Надо не забыть рассказать Хеви, что когда медника Пахара схватили, то до суда он находился в доме у самого Пауро. И ведь недаром Пауро приказывал хорошенъко кормить медника. Это ведь недаром, правда?

– Ну, ясно, – говорит Кари. – Я думаю, что медник грабил вместе с Панебом и что Пауро об этом прекрасно знает! Он его, наверное, и научил, что говорить на суде, а все следы его грабежей приказал уничтожить!

– Да, это все надо передать Хеви, – соглашается Рамес. – Ну, мне скоро надо уходить, дед велел не задерживаться. Надо еще кое-что приготовить к шествию, завтра ведь статую Амона понесут по всем вашим храмам, а потом на кладбище. Вы оба, конечно, придете?

– Непременно, – отвечает Тути и сразу оживляется. – Это будет так интересно, особенно когда пойдут в горы. Знаете, говорят, что во время шествия будет «суд бога»! Амон будет разбирать жалобы некоторых жителей твоего поселка, Кари. Почему ты улыбаешься, Рамес? Ну да,

ведь ты, наверное, так часто бывал на «божьем суде», что тебе непонятно, что тут интересного! Но я-то ведь никогда при этом не был, вот мне и хочется посмотреть, как Амон будет судить!

– Амон? – В тоне Рамеса слышится странный оттенок насмешки.

– Ну конечно, Амон! Он передаст свою волю через свое изображение – золотую статую. Кто же этого не знает? – удивляется Тути. – А особенно ты – ведь тебе-то это должно быть известно лучше, чем, например, нам!

– Да, ты прав, мне все это очень хорошо известно, – теперь уж не с иронией, а с какой-то горечью отвечает Рамес и, словно вспомнив о чем-то, плотнее сжимает губы. Но, заметив, что Тути смотрит на него с недоумением, он быстро говорит: – Да, наше шествие будет очень красивое и торжественное. Тебе все это, конечно, очень понравится, Тути.

– А что ты будешь делать в процессии? Понесешь что-нибудь? Где нам тебя искать? – спрашивает Тути.

Рамес опять улыбается той же странной улыбкой и отвечает:

– Я буду около самой статуи Амона-Ра, совсем-совсем близко к ней! Только вы не старайтесь меня разглядеть, все равно не увидите.

– Ну конечно, где тебя увидишь среди всех взрослых жрецов! – недовольно говорит Тути. – Ну уж зато ты нам потом все подробно расскажешь! Хорошо?

– Хорошо, – отвечает Рамес и встает. – А теперь мне пора идти.

– Тути, я провожу Рамеса и сразу же вернусь, – говорит Кари и тоже встает.

Когда они выходят на улицу, Кари спрашивает:

– Ты действительно думаешь, что Хеви сможет убедить верховного жреца в невиновности дяди Нахтмина и Харуди?

– Да, если доказательства будут основательными. Аменхотеп очень умен и опытен и легко разбирается в самых сложных делах.

– Ох, как было бы замечательно, если бы удалось их освободить! – говорит Кари с надеждой.

Рамес смотрит на него и медленно говорит:

– Убедить Аменхотепа в невиновности людей еще не значит получить от него приказ об их освобождении или даже оправдание на суде.

– Я тебя не понимаю, – растерянно говорит Кари. – Разве Аменхотеп станет их задерживать или обвинять, если он будет убежден в том, что они невиновны?

– Может даже и осудить...

– Как? Почему же?

– А это зависит от многого. Если бы участь этих людей никого не интересовала, Аменхотеп, может быть, и решил бы дело так, как нам с тобой кажется правильно. Но ты знаешь, что обвинение против твоего дяди и Харуди выдвинул Пауро. И я убежден, что их судьба будет решаться только в зависимости от того, чью сторону в распре Пауро с Пасером примет Аменхотеп.

– Не может быть! – в ужасе говорит Кари. – Он же верховный жрец!

Мальчики останавливаются и смотрят друг на друга. Они незаметно прошли по улицам Святилища до ворот, ведущих к реке, и стоят около их северной башни. Кругом никого нет. Рамес тянет Кари за руку в тень, падающую от башни, и говорит:

– Кари, разве ты мало видел и слышал в вашем поселке? Неужели ты считаешь, что жрецы всегда все делают правильно?

– Нет, я не так глуп! – горячо возражает Кари. – Но ведь то – обыкновенные жрецы, а тут самый главный, знающий всю премудрость

священных книг, все тайные обряды! Он же должен быть замечательным человеком. Как же он может лгать и обманывать? Зачем ему это?

– Затем, чтобы удержаться на своем высоком месте! – жестко говорит Рамес. – Слушай, Кари, я это говорю только тебе, потому что я полюбил тебя, как брата, я тебе верю, верю, что ты не способен ни на какую подлость... Я бы этого никому другому не сказал! Так вот знай, что Аменхотеп может решиться на любой поступок, если это поможет ему укрепить его власть или расширить богатство храма или его собственное. И таков не он один. Таков и мой дед, и многие, многие жрецы... Есть, конечно, и среди них исключения, вот Бекенмут или старик Нахт – очень добрый человек... Но ведь зато как им тяжело жить в этом круговом обмане! Все только напоказ... И вообще...

Рамес замолкает. Кари потрясен и тоже молчит. Потом Рамес говорит снова. Очевидно, у него так накипело, что он не может молчать.

– Недавно у нас судили жреца, который нарушил одно из основных наших правил – вошел в молельню бога, не совершив всех предварительных обрядов, постов, очищений и так далее. Оказалось, как он сам признался, что ему было просто лень все это проделывать...

– Как же он не побоялся, что бог его накажет? Ведь если он надеялся, что никто из людей не узнает этого, то ведь бог-то всегда знает? – перебивает Кари.

– А ты думаешь, что он тоже верил в это, вот как ты? Я в этом очень сомневаюсь! Думаю, что нет.

– Как – нет?!

– А так! Ты, кажется, никогда ни о чем всерьез не думал, Кари! Почему, например, Панеб до сих пор зрячий, если Владычица Западной Вершины ослепляет людей за грехи? А?

Рамес в упор смотрит на Кари. Тот молчит. Тогда Рамес говорит с усмешкой:

– Ведь если богиня справедлива, то Панеба давным-давно следовало бы ослепить, правда? Ну, а разве богиня может быть несправедливой? И заметь еще, Кари, что никто из умерших царей, гробницы которых грабил Панеб, тоже его не наказал! И вообще, чем это объяснить, что грабители забираются в гробницы, а ни духи умерших, ни бог – покровитель этих духов, Анубис, ни богиня – хранительница царских кладбищ, Мерит-сегер, вот эта самая Владычица Западной Вершины, – никто не останавливает воров, не убивает их тут же какой-нибудь молнией или просто камнем? Молчишь?

Кари действительно молчит. У него даже кружится голова от вопросов Рамеса и от тех ответов, которые напрашиваются на них.

– Ну, ты подумай, а я теперь ухожу, будь здоров! – Рамес кладет Кари руку на плечо, сильно его сжимает и поворачивается, чтобы идти.

Но Кари схватывает его за руку:

– Постой! Мне все это никогда не приходило в голову! Я еще ничего не могу сообразить! Ты как будто хочешь сказать, что боги не всё знают... или что они несправедливы... Что духи умерших... или...

– Думай, думай сам, Кари! Надо до всего доходить самому.

– Да, я буду думать, буду... Постой, еще только один вопрос! Кто они, эти носильщики с головами шакалов и соколов?

– Как всегда, жрецы в масках.

– Жрецы?

– А неужели ты думал, что это действительно духи Нехена и Пе?

– Нет... я не знал... А на передней ладье, с канатами, – тоже жрецы в масках?

– Ну конечно! Кари, Кари, да разве ты никогда не видел на похоронах жреца в маске в виде головы шакала, который изображает бога Анубиса во время погребального обряда? Или ты считал, что проводить умершего человека в его гробницу приходит действительно бог Анубис? Ох, мне теперь уже надо бегом бежать! Ну, Кари, до завтра! Думай и молчи!

10. «СУД БОГА»

– А, это ты, – говорит дед Рамесу. – Ты пришел вовремя. Бери все, что нужно для письма, ты пойдешь со мной на совет «божьего суда».

Рамес молча кивает головой и берет письменный прибор, чистые свитки папируса. Он знает, что сейчас дед и третий жрец их храма будут знакомиться с теми делами, которые завтра во время шествия должны всенародно разбираться перед статуей бога Амона-Ра и решение по которым даст сам бог.

То есть так будут думать все, кроме нескольких жрецов и Рамеса, потому что в действительности это именно Рамес, спрятанный под покрывалом на носилках за статуей бога, будет, по условному сигналу, тянуть ремень, привязанный к правой руке статуи бога, и тогда эта рука поднимется и тронет положенный на колени статуи черепок с написанным на нем вопросом или решением. Рамес знает, что для каждого дела заранее приготовляют два черепка, на которых пишут два

разных решения: например, если разбирается дело о краже, то на одном черепке пишут «виновен», а на другом «невиновен» и кладут по очереди эти черепки перед статуей. К которому из них прикоснется рука статуи, тот и считается решением «божьего суда». Иногда запись делается в форме вопроса. Тогда если статуя тронет черепок – то ответ положительный, а если статуя остается неподвижной – ответ признается отрицательным.

Но жрецам надо приготовиться к «божьему суду», ведь необходимо заранее знать, какие дела должен будет решать бог в этот день.

Вот сейчас и будет происходить такая подготовка дел. Надо торопиться, дед уже взял посох и направляется к двери. Рамес, собрав все, что ему было сказано, идет за ним. Они входят в комнату, которую отвели деду, – это приемная.

Там уже находится приехавший с ними третий жрец их храма со своим писцом Чараи и писец царского кладбища Амоннахт. Все встают при появлении деда, который молча проходит к приготовленному для него креслу, усаживается в него и дает знак третьему жрецу начинать. Рамес бесшумно становится за креслом деда.

– Так какие же дела передаются завтра на суд бога от вашего поселка «слушающих зов»? – спрашивает третий жрец писца Амоннахт.

Тот раскрывает принесенный им с собой деревянный ларчик и вынимает свиток папируса.

– Первое дело – это обвинение ремесленником Пауахом ремесленника Ипуи в краже циновки. Ипуи отпирается, но все утверждают, что, кроме него, этого сделать было некому. К тому же его не раз уже ловили на мелком воровстве.

– Ну что ж, бог Амон осудит его, – спокойно говорит третий жрец.

Дед Рамеса молчит, закрыв глаза, – то ли думает, то ли соглашается с тем, что сказал третий жрец. Видно, что ему глубоко безразлично, будет ли признан вором Ипуи или нет. Писец Амоннахт делает какую-то пометку на папирусе, писец третьего жреца Чараи тоже что-то записывает.

– Второе дело. Старуха Хенут, вдова ремесленника, желает знать, будет ли ее сын Хай жрецом храма фараона Сети-Менмара.

– Ммм... А что говорит об этом главный жрец этого храма? – спрашивает третий жрец.

– Он не возражает... Хай учился в их храме... К тому же брат Хай, живописец Яхмес, расписал для главного жреца гробницу и сделал это очень хорошо, – отвечает Амоннахт.

– Ах, так! Ну, тогда бог Амон пообещает вдове Хенут, что ее сын Хай будет жрецом в храме фараона Сети-Менмара.

Оба писца опять делают записи на своих свитках.

– Еще что? – спрашивает третий жрец.

– Следующее дело очень сложное, господин, – говорит Амоннахт. – Один из ремесленников царского кладбища обвиняется в краже золота, которое ему было выдано для работы.

– Кто этот ремесленник? – задает вопрос третий жрец.

– Это столяр Онахту. Он хороший мастер, но вредный человек – часто противоречит распоряжениям начальника отряда Панеба, который не раз уже жаловался на него правителю Западной части Города Пауро.

Рамес чувствует, как у него начинает биться сердце. Столяр Онахту? Отец Кари и Таиси? Опять Панеб? Почему же Кари ничего об этом не сказал? Он, значит, еще ничего не знает.

А третий жрец в это время задумчиво спрашивает:

– Он из отряда Панеба… Ты говоришь, что и Пауро им недоволен? Вот что! Ммм… А почему же дело не пошло в суд поселка?

– Потому что его надо решать немедленно, откладывать нельзя, а теперь праздники, когда еще соберется суд поселка!

– Кто подал жалобу? Столяр отрицает все?

– Это обвинение вчера подал помощник Панеба Хати, который выдает золото ремесленникам для работы. Он говорит, что выдал золото столяру, а тот утверждает, что этого не было и что он ничего не получал. Пауро очень торопит с этим делом и приказал сегодня же ночью арестовать столяра, – добавляет Амоннахт и смотрит прямо в глаза третьему жрецу.

– Значит, дело идет на суд бога по жалобе Хати, помощника Панеба? – медленно говорит жрец, тоже глядя прямо в глаза Амоннахта. – Так, так… Ну что же, он, несомненно, виновен, и бог осудит его.

– Это было бы хорошо, господин, он вполне заслуживает этого, но его очень любят и уважают в поселке, так как бы не произошло... – Амоннахт умолкает.

Но третий жрец резко спрашивает:

– Чего?

– Недовольства, господин!

– Чем же? Решением бога? Этого не может быть и не будет! Что у тебя еще там?

Писец смотрит в свои записи и начинает что-то говорить, но Рамес не слушает его. Отца Кари и Таиси обвиняют в краже золота! Это значит, что ему могут отрезать нос и уши и отправить навсегда в Нубию, в страшные рудники, где люди гибнут от непосильной работы. Что же это такое? Ведь он же, конечно, невиновен, это просто Панеб расправляется с ним так же, как он справился с Харуди и Наутмином. Что же делать?

Может, взять и рассказать вот тут, сейчас, все, что он знает про этих людей? Нет, нет, этим он никому не поможет, а только испортит все дело. Надо молчать, а уже потом подумать о том, как тут быть.

Мальчик всеми силами старается не выдать своего волнения, ничем не обратить на себя внимание... К тому же он спохватывается, что надо слушать дальше. Может быть, он все-таки чем-нибудь сумеет помочь?

А писец уже докладывает о том, что ремесленник Мини подал жалобу на маджая Караи: Мини занял денег у маджая и, по его словам, вовремя уплатил долг, а маджай отрицает это и требует уплаты снова.

– Я думаю, что бог признает правым ремесленника, – говорит третий жрец. – Что говорят по этому поводу у вас в поселке?

– Да, народ считает, что Мини прав, многие видели, что он понес долг маджаю, – отвечает писец.

– Ну видишь, значит, так и будет. Вообще, если мы хотим, чтобы дело со столяром прошло спокойно, надо решать все остальное так, чтобы не раздражать людей. Еще есть что-нибудь?

– Две женщины спрашивают, дадут ли ремесленникам ту часть их пайка за прошлый месяц, которую им все еще не дали, хотя они получили уже паек за этот месяц.

– Очень хорошо! – оживляется жрец. – Конечно, им выдадут то, что они не получили за прошлый месяц. Скажи Пауро, чтобы завтра же, тут же, сразу после решения бога, появились бы ослы с грузом из Святилища! Представляете, какое будет впечатление? Тут уж ни до какого столяра никому не будет дела! Все обрадуются пайку и будут прославлять Амона-Ра за справедливый и скорый суд! Всё, больше нет дел? Тогда кончили!

Все поднимаются. Писцы складывают свои записи и приборы и склоняются перед жрецами. Дед Рамеса уходит; мальчик, поклонившись всем, тоже направляется вслед за ним, но третий жрец останавливает его и велит остаться. Остается и писец Чараи. Третий жрец молча ждет, когда уйдет писец Амоннахт, и тогда говорит:

– Завтра, как обычно, Рамес будет под покрывалом на носилках, а ты, Чараи, пойдешь рядом и в нужные минуты будешь касаться жезлом плеча Рамеса. Помни, что это надо делать незаметно! Не забудь хорошенько заучить, какими должны быть решения бога. А теперь идите в храм и проверьте, все ли в порядке со статуей. Вот моя печать, возьми ее, Чараи, покажи жрецам, они пропустят вас в молельню, где стоит статуя. Когда будете уходить, ты опять запечатаешь дверь молельни и принесешь мне печать. Идите!

Чараи и Рамес молча кланяются и уходят. Проверка механизма статуи не занимает у них много времени. Все оказывается в полном порядке – когда Рамес натягивает ремень, то рука статуи легко и бесшумно поднимается. Чараи запечатывает дверь молельни и выходит вместе с Рамесом.

Мальчик медленно бредет к главному выходу из храма. Охваченный тяжелой тревогой, он мучительно старается придумать какой-нибудь способ спасти Онахту от обвинения на «божьем суде». Он так отчетливо представляет себе ужасную участь, ожидающую столяра, отчаяние его близких!

Все еще ничего не придумав, Рамес выходит через Восточные ворота Святилища, еще более грандиозные, чем Западные, и направляется на пристань, туда, где вчера причаливали ладьи со статуями богов из Ипет-Сута. Мальчик облокачивается на каменные перила и смотрит вдаль, на спокойные воды реки и далекие здания восточного берега. Что же все-таки делать?

И неожиданно ему приходит в голову, что выход есть, очень простой и безошибочный. Ведь завтра все, в сущности, зависит от него, Рамеса, и если у него хватит мужества ослушаться решения жрецов, то Онахту будет спасен! Щеки Рамеса начинают гореть. Решится ли он на такой отчаянный поступок? А если решится, то что с ним будет потом? Убьют его? Ну что ж, ведь он сирота, один, дед так мало им интересуется, что, наверное, и не пожалеет о нем. А там, у Онахту, сколько будет несчастных, если Рамес струсит! Нет, он не струсит, он непременно сделает то, что задумал! Будь что будет, другого выхода нет.

Мальчик отходит от перил и идет обратно. Дома он тихо проходит в отведенную ему маленькую комнатку. Сегодня он не хочет видеть никого из своих друзей. Голова точно полна каким-то туманом, есть совсем не хочется. Рамес выпивает кружку холодной воды, ложится на кровать и засыпает тяжелым, не приносящим облегчения сном.

Он просыпается оттого, что его трясет за плечо раб деда. Утро! Мальчик быстро моется и одевается. Есть опять не хочется, и он с трудом проглатывает несколько фиников. Пора идти.

Храм уже наполнен жрецами из разных святилищ. Старые и молодые, в белых одеждах, некоторые с наброшенными на плечи шкурами пантер, они заняты приготовлениями к торжественному шествию. Зажигаются

светильники, несут благовония, опахала, букеты цветов. Слышно, как музыканты где-то настраивают свои инструменты.

Рамес подходит к молельне, в которой находится статуя бога Амона-Ра. Здесь уже стоят наготове жрецы в масках соколов и шакалов, которые понесут носилки со статуей, – рослые, сильные мужчины, хорошо подобранные по росту. Рамес встает у самой двери в молельню. А вот идет верховный жрец их храма, Аменхотеп, за ним дед Рамеса, третий жрец со своим неизменным спутником, писцом Чараи, и верховный жрец Святилища; дальше идут везир и начальники обеих частей столицы, ненавидящие друг друга – Пасер и Пауро, за ними – высшие чины их свиты.

Раздаются торжественные звуки приветственного гимна Амону-Ра. Рамес не видит, кто из жрецов снимает печать с молельни. Он чувствует на своем плече чью-то руку – это писец Чараи слегка подталкивает мальчика вперед за жрецами, и они оба вместе с третьим жрецом входят в молельню, которую немедленно бесшумно закрывают за ними.

Третий жрец подходит к носилкам и жестом приказывает Рамесу взобраться на ладью. Мальчик повинуется и садится позади статуи, взяв в руки ремень, которым приводится в действие ее правая рука. Рамеса

покрывают большим покрывалом, укрепленным так, что оно охватывает статую бога не только со спины, но частично и с боков. Чараи становится слева около ладьи, как раз рядом с Рамесом, и кладет себе на плечо небольшой жезл, которым он будет прикасаться к плечу мальчика каждый раз, когда тот должен натягивать ремень и приводить в действие руку статуи.

Рамес точно сквозь сон слышит, как распахивают двери молельни, как жрецы начинают праздничный обряд. Их протяжные возгласы чередуются с пением хора. Вот к ладье с двух сторон подходят жрецы-носильщики, вот они дружно, сразу поднимают на плечи тяжелые носилки, на которых стоит ладья со статуей Амона и спрятанным Рамесом, и направляются к выходу.

Медленно проходят они по залам храма. Сквозь покрывало Рамес видит колеблющиеся отблески бесчисленных светильников, горящих во всех помещениях, по которым проносят ладью. Внезапно становится гораздо светлее, и Рамес понимает, что шествие вышло из здания храма наружу. Теперь оно должно повернуть налево, пройти вдоль полей всех царских заупокойных святилищ, задерживаясь около каждого из них.

Носилки ровно покачиваются, и Рамеса начинает клонить ко сну. Он слегка приоткрывает складки покрывала – так, чтобы видеть, что делается кругом, а самому оставаться незамеченным. Теперь, когда перед ним западный берег, ему уже не хочется спать. Шествие минует множество величественных зданий – заупокойных храмов умерших владык, откуда навстречу выносят статуи этих царей. Колеблются большие опахала из ярко окрашенных страусовых перьев, курится дымок благовоний, несетя пение гимнов, звенящие трели систров, звуки арф и кифар.

Но вот Амон-Ра повстречался уже со статуями из всех царских храмов, и ему предстоит посетить гробницы. Шествие поворачивает к горам. Носилки не смогут подойти вплотную к гробницам, они лишь пройдут по наиболее доступным путям.

Сейчас шествие движется по направлению к перекрестку, откуда расходятся дороги к разным кладбищам. И вот Рамес видит спускающуюся к ним навстречу еще одну процессию, на этот раз без носилок. Идут мужчины, женщины, дети, старики. На всех надеты самые лучшие одежды, парадные парики, блестят украшения, развеваются ленты пестрых повязок и венков. Это население поселка «слушающих зов» встречает Амона-Ра. Женщины играют на разных музыкальных инструментах, громко ударяют в бубны, звенят систрами, поют и пляшут. Разлетаются тонкие косички париков, широкие складки отороченных бахромой платьев.

Слава тебе, Амон-Ра,
Владыка Ипет-Сут, царь богов!.. —

поет хор.

Встречающие подходят к носилкам, поворачивают обратно и, став, таким образом, во главе шествия, ведут его за собой, продолжая петь и плясать.

Вот и перекресток. Остановка. Кто-то из жрецов провозглашает молитвы, ему отвечают другие жрецы, и опять звучит пение. Но вот Рамес замечает в толпе какое-то движение, музыка прекращается. Все стараются пробраться поближе к носилкам, и тут Рамес чувствует легкое прикосновение жезла к своему плечу – это условный знак. Приближается момент «божьего суда», Рамес должен приготовиться.

Вперед выходит третий жрец и, став лицом к статуе, зажигает новое благовоние. К нему подходит писец царских кладбищ Амоннахт, становится рядом и открывает свой ларчик. В это время из толпы пробираются вперед старая женщина и четверо мужчин, но их обгоняет, расталкивая всех локтями, пожилой мужчина с сердитым лицом, покрытым резкими морщинами. Он тащит за руку упирающегося юношу лет шестнадцати, который явно пытается вырваться и убежать. Но окружающие, охотно пропускавшие мужчину и юношу к статуе, смыкаются за ними плотной стеной. На юношу со всех сторон смотрят

неприязненные лица, и, поняв, что убежать ему не удастся, он перестает вырываться.

Писец Амоннахт протягивает третьему жрецу два черепка. Тот берет их в руки и громко спрашивает:

– Ремесленник Пауах здесь?

– Здесь я, господин! – кричит мужчина с сердитым лицом. – И этот вор Ипуи тоже здесь, вот он!

– Подожди называть его вором, пока бог не решил, так ли это, – строго и спокойно отвечает ему третий жрец.

По толпе проносится шепот. Пауах растерянно смотрит на жреца, а тот берет один черепок и громко читает:

– Он ли украл циновку?

Жрец подходит к статуе, кладет перед ней черепок и громко говорит:

– О великий бог, рассуди этих людей!

Рамес чувствует прикосновение жезла Чараи и натягивает ремень. Легкий скрип шарнира и громкий крик множества людей показывают Рамесу, что рука статуи поднялась и коснулась черепка. Стража хватает и уводит юношу.

Крики еще продолжаются, но жрец делает знак, и народ затихает. Писец протягивает два других черепка.

– Здесь ли вдова Хенут? – спрашивает жрец.

– Да, да, господин, я здесь, – бормочет старая женщина, низко кланяясь жрецу, статуе, Амоннахту. Ее осторожно поддерживает молодая девушка.

– «Будет ли сын вдовы Хенут принят в храм фараона Сети-Менмара?» – читает жрец, обращаясь к статуе, и кладет перед ней черепок.

Рамес снова чувствует жезл Чараи на плече и натягивает ремень. Радостный крик женщины, общее ликование ее соседей по поселку долго звучат вокруг носилок.

– Здесь ли маджай Караи и ремесленник Мини? – спрашивает жрец.

Да, они оба здесь – сильный рослый маджай с наглым лицом и маленький сухонький старичок.

– Маджай Караи, уплатил ли тебе ремесленник Мини свой долг? – спрашивает жрец.

– Нет, и не подумал даже, господин! – усмехаясь, отвечает маджай.

Мини пытается что-то сказать, но писец Амоннахт уже передал очередные черепки жрецу, и тот читает надпись на первом из них:

– «Правдивы ли эти слова?»

Рамес помнит, что сейчас сигнала не должно быть. Действительно, Чараи не трогает его. Наступает напряженное молчание. Кажется, слышно дыхание людей, впившихся глазами в руку статуи. Рамес тихонько отодвигает край покрывала. Ого, каким удивленным и встревоженным стало лицо маджая! Видно, ему пообещали другое! Ах, с какой внезапной надеждой смотрит теперь на статую Амона маленький старичок!

Но вот жрец берет второй черепок.

– Лживы ли эти слова? – раздается второй вопрос. Жрец забирает первый черепок и кладет перед статуей второй.

Рамес так уверен в сигнале, что начинает тянуть ремень на секунду раньше, чем Чараи касается его жезлом. Опять звучат радостные крики, кто-то обнимает старого ремесленника, несколько голосов запевают гимн, за ними подхватывают другие, и вот уже поют все. К маджаю тянутся угрожающие руки, но он успевает исчезнуть. И в это время Рамес слышит, как жрец говорит:

– Помощник начальника отряда ремесленников Хати и столяр Онахту здесь?

Вот оно! Закусив губу, мальчик смотрит из своего убежища. К жрецу подходит довольно высокий человек, хорошо одетый, в туго завитом парике. Очевидно, это и есть Хати. Лица его Рамесу не видно из-за писца, который заслоняет его. Зато мальчик может хорошо рассмотреть столяра Онахту, которого грубо выталкивают вперед четверо маджаев. У него связаны руки... И тут Рамес слышит отчаянный крик:

– Отец?! Отец!..

Кари! У Рамеса сжимается сердце. А вот и сам Кари – он отчаянно проталкивается к отцу, за ним пробует пробиться и Тути, но его оттирает толпа... А Кари упорно пробирается вперед. Ох, как он кричит:

– Отец, что с тобой?! Пустите меня! Отец!

Добрался! Нет, стражники его отталкивают, один из них ударяет Кари по голове, другой сильно бьет по руке дубинкой. Кари чуть не падает, но его подхватывают какие-то мужчины и помогают устоять. На лице мальчика столько горя, что Рамес не может этого вынести и переводит

взгляд на столяра. Тот смотрит на статую бога. Какое отчаяние в его глазах! А там, дальше, – какие напряженные, взволнованные лица.

А жрец уже читает:

– «Украл ли золото столяр Онахту?»

Жезл касается плеча Рамеса, но мальчик крепко сплетает пальцы рук и не берет ремень. Статуя бездействует. Ох, как жезл нажимает на плечо, он даже царапает кожу. Чараи, кажется, забыл о всякой осторожности. Что там думают сейчас Аменхотеп и третий жрец? Что с ним будет? Все равно, пусть хоть убьют, но он не сделает такой подлости. Онахту невиновен, и пусть суд его и признает таким. И если сейчас его оправдает «божий суд», то потом они уже ничего не посмеют сделать со столяром!

Рамес не смотрит в щелку, он закрывает глаза и все крепче сжимает руки. А вокруг носилок постепенно поднимается гул:

– Бог его оправдывает!

– Пусть читают второй черепок!

– Онахту невиновен!

– Слава Амону!

Жрец продолжает стоять перед статуей, не понимая, что могло случиться. Он ждет – ведь Онахту должен быть обвинен. Однако углом глаза он видит, как волнуется народ. Крики становятся все громче, в них начинают звучать угрозы.

– Пусть читают второй черепок! – уже громко кричат люди, все теснее окружая носилки.

И жрец чувствует, что больше ждать нельзя. Он поднимает глаза на верховного жреца Аменхотепа. Тот осматривается кругом и, видимо оценив положение, говорит:

– Читай другой вопрос!

Третий жрец берет второй черепок от писца и высоко поднимает его над головой, показывая этим, что всеобщее желание выполняется.

– «Невиновен ли столяр Онахту?» – отчетливо слышится голос жреца.

Черепок положен перед статуей, и Рамес, рассчитав время, сильно натягивает ремень. Оглушительные, ликующие крики, точно буря, проносятся над долиной. Рамес сжимается в комочек. Он не смотрит в щелку и не видит, как сияет лицо Онахту, которому тут же развязывают руки, как повисает на шее отца Кари, как обнимают столяра друзья. Не видит Рамес и искаженное злобой лицо Хати, не видит, с каким внешним спокойствием жрец объявляет о том, что бог Амон-Ра признает столяра Онахту невиновным в краже золота, которое, очевидно, похитил кто-то другой, о чем и надлежит произвести расследование.

Мальчик немного приходит в себя только в ту минуту, когда жрец читает просьбу женщин поселка:

– О, наш благой владыка, отдадут ли нам наши пайки?

Рамес чувствует резкий толчок жезла и немедленно тянет ремень. Новое ликование охватывает народ – бог обещал, что им отдадут удержаный паек! Слава Амону-Ра, слава царю богов! Хор женских голосов запевает гимн, но в этот момент раздается чей-то крик:

– Смотрите, смотрите, паек уже везут! Бог сказал правду, смотрите!

Действительно, со стороны Святилища показывается вереница ослов, нагруженных мешками и сосудами. Радость народа неописуема. Женщины снова запевают гимн, который теперь подхватывают все:

Восхвалим Амона-Ра,
Прославим царя богов!
Воздадим хвалы ему до неба
И во всю широту земли!
Расскажем о нем сыну и дочери,

Поколениям и поколениям!
Расскажем о силе его рыбам в воде
И о моши его птицам в небе!
Ты, Амон, защитник молчаливого,
Ты приходишь на зов бедняка!
Я зову тебя, когда я в печали,
И ты спасаешь меня от оков!
Прославим же царя богов,
Восславим Амона-Ра!

Верховный жрец Аменхотеп стоит неподвижно, хотя в нем все сильнее и сильнее нарастает гнев. Что могло случиться с этим мальчишкой? Так напутать! А тут еще выдумка третьего жреца с возвращением пайка! Ослы с продуктами выглядят какой-то насмешкой над ним. Аменхотеп встречается глазами с третьим жрецом. Тот и рассержен и растерян. Взгляд Аменхотепа призывает его к спокойствию, хотя и не обещает ничего доброго. Жрец понимает, что ему еще предстоит немало неприятностей от Аменхотепа. Но сейчас нельзя показать даже тени тревоги или недовольства. И вообще пора кончать всю эту историю. Повидимому, то же самое думает и Аменхотеп. Он подает знак рукой и, когда постепенно наступает тишина, подходит к носилкам и, подняв руки к небу, громко провозглашает:

– Слава тебе, великий бог, царь богов, за твой суд, правый и скорый!

В ответ звучит громкий хор жрецов. Носилки трогаются, и Рамес чувствует, что они поворачиваются. Значит, шествие направляется обратно в Святилище. Значит, скоро его призовут для разбора небывалого еще случая. Кто же будет его допрашивать? Вернее всего, сам Аменхотеп.

У мальчика стучит в висках, сильно бьется сердце. Все равно он ни о чем не жалеет, и, если бы надо было все начинать сначала, он еще раз сделал бы то же самое. В волнении он не замечает, что шествие уже вошло в Святилище, Рамес больше не откидывает покрывала, хотя ему становится нестерпимо душно, все начинает плыть в каком-то тумане.

Вот кто-то резким движением откидывает покрывало. Рамес с трудом приоткрывает глаза, хочет встать и не может. Он понимает, что ладья уже снова стоит в молельне, что, кроме него, здесь находятся только Аменхотеп, третий жрец и писец Чараи. Дверь молельни плотно закрыта. Аменхотеп смотрит на мальчика в упор. Взгляд его жесткий, суровый.

– Что с тобой? – резко спрашивает он.

Мальчик не отвечает и закрывает глаза. Третий жрец берет его за плечи и встряхивает, но тут же отпускает:

– Да он совсем горячий! Он просто болен! Теперь все понятно, – говорит он, обернувшись к Аменхотепу.

– Снимите его, – приказывает тот.

Чараи берет Рамеса на руки и ставит на пол, но мальчик тут же чуть не падает, – Чараи успевает подхватить его.

– Да, кажется, он действительно заболел, – медленно говорит Аменхотеп, все еще пристально глядя на Рамеса. – Тогда это еще ничего... Его надо отнести к врачу Минхау. Чараи, пойди приведи кого-нибудь в помощь и скажи Минхау, чтобы он не удивлялся, если мальчик будет говорить разный вздор, – у него может быть бред. Впрочем, Минхау умный и опытный человек, он и сам поймет и не будет никому ничего рассказывать о том, что может наболтать мальчишка.

Чараи выходит и возвращается с высоким молодым жрецом, который берет Рамеса на руки. Писец набрасывает на мальчика свой плащ, и они уходят.

Глаза Рамеса опять закрываются, и он перестает замечать окружающих. Когда он опять поднимает веки, первое, что он видит, – это лицо Бекенмута. Врач склонился над ним и дает ему понюхать небольшой флакон, содержимое которого сильно и раздражающе пахнет. Мальчик чихает и окончательно приходит в себя.

– Это ты, господин? Почему ты здесь? Где мы? – шепчет Рамес.

– Наконец-то ты очнулся! – говорит Бекенмут.

Он кладет флакон на столик рядом с кроватью, на которой лежит Рамес, берет чашу с питьем и заставляет мальчика выпить ее до дна. Напиток, кисловатый и холодный, замечательно освежает и точно придает силы. Приятно и ощущение холодной влажной повязки на голове. Рамес с тревогой вопросительно смотрит в лицо врача, и Бекенмут понимает, что для спокойствия мальчика ему необходимо объяснить, где он и что с ним происходит.

– Ты лежишь у главного врача Святилища Минхау; тебя сюда принесли по приказанию Аменхотепа, потому что тебе стало дурно во время шествия. Аменхотеп велел, чтобы тебя здесь лечили, а потом отвезли домой, к деду. Так что ты ни о чем не беспокойся и лежи смирно. А я приехал сюда на Праздник Долины и, как всегда, остановился у Минхау. Видишь, все очень просто. Сейчас тебе нельзя много говорить, скажи мне только – когда ты ел последний раз?

– Вчера утром, кажется. Потом мне ничего не хотелось, – отвечает Рамес.

– Так, в общем, все понятно. Сейчас я тебе принесу еды, а потом изволь спать. Говорить мы будем завтра.

Бекенмут приносит разные вкусные вещи, и Рамес с удовольствием ест. Врач дает ему выпить хорошего легкого вина, и мальчик немедленно засыпает, успокоенный тем, что все, по-видимому, пройдет благополучно, раз жрецы приписали его «ошибку» болезни.

11. ЗАГОВОР

Вечереет. С криком носятся птицы, тянет прохладой с реки. Тути и Кари стоят на берегу и машут вслед уходящей ладье, а с нее им тоже машет Рамес.

Сразу же после своего оправдания на «суде бога» столяр Онахту вместе с Кари отправились на восточный берег. Онахту боялся, чтобы известие о случившемся не дошло до жены и дочери и не испугало бы

их. Он решил сам рассказать обо всем Неши и убедить ее ничего не говорить девочке.

На обратном пути в Святилище Кари упросил отца разрешить ему еще раз повидаться с Рамесом. Так как у Кари разболелась правая рука, которую ударили маджай во время «божьего суда», мальчик все равно не мог работать, и отец позволил ему еще погостить у Тути. Это оказалось очень кстати, потому что Кари узнал о болезни Рамеса. Бекенмут изредка позволял мальчику посидеть у больного друга.

Прошло несколько дней, прежде чем Рамес настолько окреп, что смог отправиться домой. Уже уехали обратно в Ипет-Сут парадные ладьи богов с их статуями, а Бекенмут все еще не разрешал мальчику выходить на улицу. Теперь наконец он здоров, только похудел и как будто вырос. Вместе со своим маленьким учеником уезжает и Бекенмут.

Все дальше и дальше уходит ладья, все меньше становится знакомая фигурка на ее корме. Тути перестает махать и оборачивается к Кари:

– Ну, с твоим отцом кончилось все прекрасно, слава Амону, – говорит он, – а вот что будет с твоим дядей и с Харуди? Хоть бы их тоже судили «божьим судом», тогда можно было бы не бояться за них! Вон как Амон правильно все рассудил!

Кари молчит и смотрит на реку. Вот уже два дня, как он не может забыть того, что услышал от Рамеса. Они были одни и разговаривали как раз о том же – об участии двух каменотесов. И Кари высказал такое же пожелание, которое сейчас выразил Тути. Ох, как посмотрел на него Рамес, как он усмехнулся, странно и горько, и вдруг сказал:

– Не стоит. Не всегда ведь можно направить руку царя богов так, как это соответствует истине.

А когда Кари пристал к нему с расспросами, Рамес, взяв с него клятву хранить молчание, рассказал ему всю правду о «божьем суде».

– Но ведь это подлость, именем бога осудить невиновного! – вскричал тогда Кари.

– У них так много подлости и лжи, что одной больше, одной меньше, – не все ли им равно! – сказал на это Рамес.

Кто-то вошел, и Кари не успел ответить, а потом им уже не удалось остаться вдвоем. А теперь Рамес уехал, а у Кари столько вопросов к нему, он никому больше не может их задать.

– Что же ты молчишь? – говорит Тути. – Разве ты не согласен со мной?

– Зачем говорить о том, чего все равно не может быть? Давай лучше подумаем, как бы доказать их невиновность, – отвечает Кари. – Не поехать ли мне завтра опять в Ипет-Сут и узнать, вернулся учитель или нет. Здесь все равно делать нечего. Идем-ка к тебе, уже поздно.

Мальчики идут к дому Тути. Войдя во двор, они с удивлением замечают, что на скамеечке сидит маджай Монту. При виде Кари он вскакивает и возбужденно говорит:

– Ну наконец-то ты пришел. Ты мне очень нужен!

– А как ты догадался, что я приду сюда? – удивляется Кари.

– Ты же сам мне сказал, что проведешь Праздник Долины у садовника Паседи, помнишь? Ну, мне некогда... Где бы я мог поговорить с тобой так, чтобы нас никто не слышал, а лучше даже, чтоб и не видел? Этот мальчик – твой друг Тути? Это его я видел с тобой в поселке?

Тути тоже узнает маджая.

– Идите в кладовую семян, – предлагает Тути. – Туда сейчас никто не придет, да она к тому же около ворот, вот здесь!

Действительно, кладовая находится совсем близко. Тути слегка приоткрывает дверь в нее иходит. Кари и Монту идут за ним, но сразу же останавливаются, не решаясь двигаться дальше в полной темноте. Окон здесь нет, кругом ничего не видно, и они молча стоят, вдыхая пряные запахи разных сушеных растений.

– Я сейчас принесу светильник, – говорит Тути.

Он убегает и сразу же возвращается с небольшим глиняным светильником.

– Закрой дверь, Кари, – говорит он. – Ну вот, садитесь здесь на мешки и разговаривайте, только не громко. – И Тути уходит, прикрыв за собой дверь.

– Случилось такое, что не знаю, как и рассказывать-то, – говорит Монту. – Сегодня утром я возвращался с дежурства на посту в горах вместе с Карай (меня теперь всегда почему-то назначают дежурить с ним). Идем, и вот я вижу, стоят помощник Панеба Хати и медник Пахар и так это живо о чем-то разговаривают. Ну, думаю, вот так приятели собрались, а тут еще Карай отстал и тоже к ним подошел. Странно! Ну, я иду дальше и вот догоняет меня Карай и говорит, что у него есть ко мне дело и при этом выгодное. «Ну, говорю ему, выкладывай!» И что бы ты думал, он мне предлагает? Сначала спрашивает, знаю ли я сына каменотеса Нахтмина, по имени Паири? «Ты, говорит, ходишь с разными мальчишками, может, и его встречал?» Видишь, как выследили! «Ну, говорю, встречал!» Так вот, оказывается, скоро будут судить тех каменотесов, которых забрали по обвинению в грабежах царских гробниц, так вот Панеб боится, что нет достаточных улик для обвинения Нахтмина и Харуди, от которых ему непременно надо избавиться, и он придумал вот что. Я должен пойти и сказать Паири, что завтра ночью настоящие воры собираются снова на грабеж и что он может их выследить и узнать, кто они. А если будет установлено, кто истинный виновник преступлений, в которых обвиняют отца Паири и Харуди, им будет легко оправдаться. Паири, конечно, поверит и пойдет в горы, а там в темноте к нему подкрадется Карай, стукнет его по голове так, что он потеряет сознание, сунет ему в руку какое-нибудь золотое украшение и позовет других стражников. Паири окажется пойманым с краденым золотом, а это послужит уликой против его отца, ведь тогда все поверят, что Нахтмин и сам грабил и сына научил тому же.

– Ох, негодяи, вот негодяи! – вырывается у Кари. – Ну и что же дальше, Монту?

– А дальше я сделал глупость! Мне бы надо схитрить и притвориться, что я согласен, а потом мы бы уж что-нибудь придумали такое, чтобы они сами попались в свою же ловушку! А я вместо этого так разозлился, что пихнул его хорошенько и сказал, что я не тот подлец, который ему нужен! Да еще прибавил, чтобы он шел и жаловался своему приятелю Панебу или уж прямо начальнику Пауро.

– Что ты? Как ты мог? – в ужасе говорит Кари.

– Это я уже сообразил после того, как он мне крикнул: «Ну, смотри пожалеешь, да поздно будет!» А вечером вызывают меня срочно к Пауро. Встречает он меня ласково, не кричит, как обычно. Дает мне запечатанный свиток и говорит, чтобы я около полуночи отнес его к начальнику тюрьмы и что в этом свитке содержится важный секретный приказ, так надо с ним обращаться осторожно, не потерять и никому не показывать. Ну, я взял свиток, поклонился и пошел. К начальнику тюрьмы идти было еще рано, и я стал ждать и заодно раздумывать, что бы все это значило. И вот почему-то мне кажется, что все это неспроста. Не рассказал ли уже Караи про мои слова Пауро? Не затевают ли теперь что-то и против меня? И вот я решил найти верного грамотного человека, чтобы прочесть, что ж такое написано в этом проклятом свитке. И вот тут-то я и вспомнил о тебе. Прочитай мне, пожалуйста!

– То есть как это прочесть то, что написано в свитке? А печать Пауро? Ведь ее придется сломать! Как же ты потом отдашь свиток начальнику тюрьмы? – взволнованно спрашивает Кари.

Монту машет рукой и говорит, встряхнув головой:

– Э, что тут думать, ведь если там что-то плохое, так я и совсем не понесу письма, а если ничего особенного, ну, тогда что-нибудь придумаю! Бери свиток, снимай печать и читай!

Кари еще колеблется, но Монту так решительно сует ему свиток в руки, что мальчик берет его и молча, очень осторожно выдергивает тонкие концы шнура, которыми он завязан, из-под маленького расплющенного оттиском печати комочка глины, развертывает свиток и впивается глазами в неровные, видимо наспех написанные строчки, покрывающие папирус.

Внезапно глаза мальчика расширяются так, точно сейчас выпрыгнут из орбит. Кари закусывает губу, с трудом удерживая крик.

– Ох, негодяи! – тихо говорит наконец Кари. – Да, счастье твое, что ты нашел меня и что мы решились это прочитать! Вот, слушай, что здесь написано: «Начальник Запада Города – начальнику тюрьмы Пашунебу, Подтвердилось все, что я тебе говорил относительно этого маджая. Посылаю его к тебе, а также двух свидетелей, которые скажут, что этот маджай действительно слышал те слова. И когда ты уверишься в преступлении этого маджая, посади его в корзину и брось его ночью в воду. Пусть ни один человек во всей стране не знает об этом».

– Это здорово! – говорит Монту. – Значит, в корзину и в воду? Ну нет, я на это не согласен!

– Как ты можешь еще смеяться! – в ужасе говорит Кари. – Ведь тебе угрожает смерть!

– Ну, раз я узнал, что она мне угрожает, я еще попробую избавиться от нее. Меня не так-то просто напугать! А интересно, какие это еще два свидетеля должны прийти туда? Не иначе, как Панеб и Караи.

– Вероятно, именно они, – соглашается Кари и спрашивает: – А вот что еще важно: значит ли все это, что и начальник тюрьмы заодно с Пауро?

– Не знаю, – говорит Монту, – может, и заодно, может, и нет. Ведь неизвестно, что ему про меня наговорил Пауро. Он мог придумать разное. Но сейчас надо решать, что мне делать? Что необходимо бежать, это ясно, а вот куда?

– Конечно, на тот берег, – быстро говорит Кари. – Ведь здесь Пауро полный хозяин, в его руках вся стража, да и начальник тюрьмы и жрецы Святилища сделают все, что он захочет. А тебе надо бежать на тот берег и прямо к Пасеру. Расскажи ему все и, главное, покажи это письмо. Только не потеряй его – в нем твое спасенье, потому что оно доказывает, что ты говоришь правду, и потом, это такое важное оружие для Пасера в его борьбе с Пауро, ради которого он тебя укроет так, что никакие ищечки Пауро не разыщут! Торопись иди осторожно, чтобы тебя не выследили! Кого из лодочников ты знаешь? Надо такого, который бы тебя не выдал!

– Такой есть. Ты совершенно прав, мальчик, мне надо немедленно бежать к Пасеру!

– Подожди, – говорит Кари, – я дойду до угла, не заметил ли кто-нибудь, как мы зашли сюда, и не следит ли за этим домом.

Монту соглашается, что это разумно. Кари тушит светильник и выходит на улицу. Вскоре он возвращается – никого нет, путь свободен. Маджай хочет прощаться, но мальчик решительно говорит, что он его проводит. Предупредив Тути, что он должен уйти, но скоро вернется, Кари уходит вперед, проверять дорогу, а за ним на некотором расстоянии идет маджай. В полном молчании они доходят до берега. Монту отправляется искать лодочника, а Кари садится около одной из вытащенных на сушу лодок так, чтобы тень загораживала его от лунного света.

Слышны быстрые шаги – бежит Монту.

– Все в порядке, Кари, – говорит он. – Лодочник уже в лодке, прощай! Спасибо тебе, будь здоров!

И маджай уходит, точно растаяв в темноте.

Кари все-таки еще некоторое время стоит на берегу. Все тихо, слышны только крики ночных птиц, тихий шелест воды, далекий вой шакалов в горах. Но вот доносится слабый всплеск весел, еще, еще...

– Отчалили! – радостно шепчет Кари.

Когда утром Тути открывает глаза, первое, что он видит, – это задумчивое лицо Кари. Мальчик сидит, охватив колени руками, и смотрит вдаль.

– Ты давно проснулся? – спрашивает, приподнимаясь, Тути.

– А я как-то совсем не мог сегодня заснуть, – отвечает Кари, – лежал и думал, а потом встал, смотрел, как солнце взошло...

– О чем же ты думал?

– О разном... О том, какие гадкие люди есть на свете! Слушай, Тути, поклянись, что никому не скажешь о том, что сейчас услышишь.

У Тути сразу пропадает сон. Он смотрит на друга широко раскрытыми глазами и быстро отвечает:

– Клянусь жизнью фараона!

– Так вот... Знаешь, зачем вчера приходил Монту?.. – И Кари рассказывает о страшной части, которая грозила маджаю.

Тути поражен так, что даже не может говорить.

– И вот я все думаю теперь: ну хорошо, Монту спасся, но ведь Панеб будет снова пробовать поймать Паири в ловушку? И тогда Паири тоже попадет в тюрьму, как дядя Нахтмин. И вот как я подумаю об этом, да

еще о том, что там с дядей и Харуди делается и что еще будет... Ну, не могу я тут жить спокойно!

Кари неожиданно со всего размаха ударяет кулаком по циновке. Тути еще никогда не видел таким возбужденным своего обычно сдержанного друга.

– Помнишь, Рамес нам говорил, что надо искать точных доказательств в невиновности дяди Нахтмина и Харуди? И еще – доказательства участия в грабежах Панеба и Пауро? Вот я и думаю, что важнее всего было бы выследить настоящих грабителей, потому что если даже среди воров не окажется Панеба, то все равно через них можно до него добраться, потому что они с ним связаны, это ведь нам известно, правда?

– Правда!

– Вот мне и кажется, что теперь мне незачем возвращаться на тот берег и ждать Хеви – ему ведь обо всем расскажут Бекенмут или Рамес. Гораздо важнее установить здесь слежку за царскими гробницами и поймать преступников при попытке их ограбить!

– Хорошо, я согласен, что это важно, только я не понимаю, как ты думаешь их ловить? Ну, предположим, удастся их выследить, а как задержать? Ведь раз в этих делах участвуют Панеб и Пауро, то в ту ночь, когда воры пойдут к царским гробницам, наверное, уж и стражи поблизости не будет или будут дежурить маджай вроде того же Карай, которые с ним заодно! Кто же поможет задержать грабителей? Ведь нам-то с ними не справиться!

– Я это и сам знаю, что не справиться и что на стражу нельзя надеяться. Сделать это могут только мужчины из нашего поселка, вот кто! Беда в том, что мы не будем знать, когда это случится, и не сможем их заранее предупредить. Поэтому мы должны сделать вот как: надо ходить каждую ночь к дороге, которая ведет к царским гробницам и ждать; ходить надо вдвоем, мне и Паири, и когда мы увидим, что воры идут, один из нас пойдет следом за ними, а другой побежит за нашими

мужчинами и приведет их, понимаешь? Их много, у них топоры и кирки! Задержат! И Пауро тоже не отвертится – мы сразу же дадим об этом знать по всему Святилищу! Представляешь себе, что будет, если все наши жители выбегут навстречу и увидят, как наши ведут грабителей?

– Ох, вот было бы здорово! Как ты только придумал это, Кари? А меня ты разве туда не возьмешь? – В голосе Тути явно звучит тревога и обида.

– Не обижайся, Тути, но, по-моему, тебе не стоит идти с нами, – отвечает Кари и дружески кладет руку на плечо друга. – Подумай сам, ты ведь там не бывал, дорогу не найдешь. Лучше не ходи.

Тути нехотя соглашается, и мальчики еще некоторое время обдумывают свой план, после чего Кари уходит в поселок.

Там он застает обычную картину: мужчины отсутствуют, женщины заняты работой по хозяйству, водовозы привезли воду, разносят ее по домам и наполняют сосуды на улицах.

Кари идет прямо к Паири, который радостно встречает двоюродного брата. Мальчики забираются на кровать Паири, и Кари рассказывает все новости – и про болезнь и отъезд Рамеса, и про бегство маджая. О той роли, которую Рамес сыграл в спасении Онахту, Кари, конечно, умалчивает – ведь он дал клятву Рамесу никогда никому об этом не говорить.

Потом Кари делится с Паири своими планами – попытаться поймать настоящих грабителей и установить виновность Панеба, а может быть, и самого Пауро. Паири с восхищением слушает и соглашается со всеми планами Кари. Они решают начать наблюдение за дорогой в Долину царских гробниц с этой же ночи, условившись ничего не говорить об этом ни Онахту, ни матери Паири.

И мальчики принимаются выполнять свое решение. Целую ночь дежурят они на перекрестке, где сходятся два пути в Долину царских гробниц – с юга, из поселка, и с севера, с берега реки. Здесь они

устраиваются за большим камнем, который стоит так, что, сидя за ним, можно видеть обе дороги.

Однако первая ночь проходит спокойно – никто не появляется ни на дороге, ни среди скал, и мальчики, усталые и сонные, на заре уходят домой.

Днем братья отсыпаются, а вечером снова идут к перекрестку. Мальчики в пути не обмениваются ни одним словом, они стараются ступать бесшумно и идти в тени скал так, чтобы их не освещала луна. Они благополучно добираются до своего камня и усаживаются за ним.

Тишина. Наверху черное небо с бесчисленными яркими звездами, крупными и мелкими. Луна заливает своим светом таинственную Вершину Запада и серебрит отдельные выступы скал. Изредка слышно, как срывается камень под лапой шакала да раздается вой этих животных, и опять тишина.

И тем неожиданней для мальчиков звучит над их головой громкий насмешливый голос:

– Вот вы где! А нам-то вас и надо.

Прежде чем Кари успевает вскочить на ноги, что-то тяжелое ударяет его по голове, и мальчик теряет сознание. Паири чувствует острую боль в плече, кто-то хватает его за руку, но мальчик изо всех сил впивается зубами в руку своего неожиданного врага и, воспользовавшись мгновением, когда тот с криком выпускает его, выскаивает из-за камня и хочет бежать, но тут же скользит, падает и катится куда-то вниз, тщетно стараясь удержаться за камни.

Когда ему это наконец удается, кажется, что он лежит где-то глубоко-глубоко. Страшно болит нога – так, что он даже забывает о раненом плече. Только бы не закричать, только бы они его не нашли! Мальчик закусывает губу и прижимается к скале. А наверху слышны шаги и голоса.

– Ты поймал второго? – спрашивает мужской голос.

– Нет, он укусил меня и сбежал! – отвечает другой. Это голос маджая Караи.

– Плохо, надо его искать! – говорит первый.

– Ищи там, а я посмотрю здесь!

– А что мне делать с этим мальчишкой, которого ты стукнул по голове? – спрашивает третий голос.

– Он жив?

– Дышит, только не в себе, глаза закрыты!

– Так неси его к начальнику, а мы тебя догоним. Да, возьми-ка этот браслет царевны, пусть запишут, что он был у него в руке! Ну, иди!

Кто-то уходит. Значит, он уносит Кари! А Паири лежит здесь и ничего не может сделать! И при каждом движении нестерпимая боль в ноге.

Те двое еще некоторое время остаются на месте, потом Караи кричит:

– Эй, пошли! Мальчишка, видимо, удрал. Надо торопиться, а то он еще приведет кого-нибудь!

Шаги. Они уходят, уходят! Он спасен! Скорее, скорее бежать в поселок, звать всех на помощь Кари! Только как он отсюда выберется? Болит нога, но теперь Паири ощущает боль в раненом плече и вообще во всем теле. Он, видимо, сильно оцарапался о камни, пока катился вниз. А из плеча даже течет кровь – его, значит, ударили чем-то острым. Хорошо еще, что он отшатнулся или тот человек бил наудачу в темноте, нож (или что это там было, кинжал?) только скользнул по плечу.

Паири пробует встать на ноги, держась за скалу, но сразу же падает от боли. Однако мысли о Кари придают мальчику силы, и он повторяет попытку. Закусив губу, чтобы не стонать, он снова пробует подняться, и на этот раз ему удается удержаться на ногах. Прислоняясь спиной к скале, он переводит дыхание, потом ощупывает ногу. Больно, но надо идти.

Паири оглядывается и при свете луны намечает путь наверх. Сначала надо перелезть через этот камень, так... Теперь туда – левее, теперь самое трудное – подняться на тот выступ!

Ох, как ноет плечо! Ну да ничего, надо думать о Кари, тогда сразу находятся силы. Еще немного. Неужели он действительно уже лежит на дороге?

Встать, встать скорее, вот так, а теперь идти, только куда? В Долине царей работает лишь несколько живописцев, каменотесы уже все кончили. А живописцев так мало, что, пожалуй, им не справиться со стражей. Почти все мужчины поселка заняты сейчас в Долине цариц, их-то и надо известить в первую очередь. Но ведь обо всем, что случилось с Кари, надо сообщить и его отцу, и на восточный берег – может быть, Хеви уже там?

Куда же идти прежде всего? А сил так мало, кровь из плеча все еще течет... И Паири решает как можно скорее добраться до поселка – рассказать обо всем Онахту. А он уж сам решит, что лучше делать.

Пошатываясь и хромая, мальчик едва бредет по знакомой тропинке...

12. ХУДОЖНИК ХЕВИ И ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ АМЕНХОТЕП

– Великие милосердные боги! За что вы посыаете на мою голову еще и это несчастье! Сын мой, сын мой! Что с тобой будет?

Художник Хеви открывает глаза, потому что за дверью раздается отчаянное женское рыдание.

Вчера, когда Хеви, приехав наконец в столицу, пошел доложить о поездке второму жрецу храма Амона, его встретил при выходе из ворот храма мальчик в жреческой одежде и передал просьбу врача Бекенмута немедленно прийти к нему. Мальчик проводил Хеви к дому врача.

Бекенмут рассказал художнику все, что случилось в поселке за время его отсутствия. Их разговор затянулся далеко за полночь, и Хеви остался ночевать у врача.

Услышав рыдания, Хеви вскакивает, накидывает одежду и распахивает дверь.

– Беда, господин, новая беда! – вся заливаясь слезами, бросается к нему Неши. – Сколько горя в нашей семье, сколько горя! Сначала схватили Нахтмина, потом чуть не осудили мужа, а теперь они утащили моего сына, моего Кари, в тюрьму и мы даже не знаем, жив ли он!.. Вот муж прислал своего ученика сказать мне об этом!

Около Неши стоят высокий юноша и мальчик, которые кланяются Хеви.

Новость как громом поражает художника.

– Как это случилось? – только и может он сказать.

Юноша рассказывает все, что ему известно. Во время его рассказа входит Бекенмут и тоже слушает.

Выслушав юношу и немного успокоив Неши обещанием немедленно пойти к верховному жрецу, Хеви снова уходит в спальню и зовет с собой ученика столяра.

– Можно и мне, господин? Мне тоже надо тебе много рассказать, – робко говорит мальчик.

– А кто ты, дружок? – спрашивает Хеви.

– Я Тути, друг Кари… – Тути хочет еще что-то сказать.

Молодой столяр перебивает его:

– Отец Кари велел мне найти этого мальчика в Святилище и отвезти сюда, чтобы он рассказал все, что знает, врачу Бекенмуту и тебе, если ты уже вернулся.

– Тогда идем, мальчик!

Хеви сначала выслушивает молодого столяра и отпускает его, а потом долго беседует с Тути.

В это время Бекенмут всячески успокаивает Неши и уговаривает ее собраться с силами и не говорить о тяжелом событии Таиси, иначе лечение девочки будет нарушено таким потрясением. Мать врача уводит к себе Неши, а ученик Онахту уходит обратно в поселок. Бекенмут терпеливо ждет конца беседы Хеви и Тути.

Наконец дверь спальни открывается и художник выходит в сопровождении мальчика. Хеви уже совершенно готов для посещения верховного жреца. Он отказывается от еды, которую ему предлагает Бекенмут, и торопливо уходит, попросив разрешения у Бекенмута оставить Тути в его доме до своего возвращения. Художник глубоко потрясен и тем, что ему передал столяр со слов Паири, и рассказом Тути. Мальчик подробно сообщил Хеви обо всем, что он услыхал в доме Пауро, а также историю с маджаэм Монту, которую ему рассказал Кари. Сопоставив все это вместе, Хеви смог ясно представить себе настоящее положение дела.

Гнев до такой степени переполняет художника, что порой ему становится трудно дышать и приходится останавливаться, хотя он стремится дойти как можно скорее. Через пальмовую рощу храма Амона-Ра Хеви выходит к жилищам жрецов.

Вот и дом Аменхотепа. Появление Хеви не удивляет ни привратника, ни сидящего в первой комнате писца, который обычно докладывает о приходящих верховному жрецу, – художник не раз бывал здесь по вызову Аменхотепа. Хеви просит узнать, может ли он видеть верховного жреца по очень важному и срочному делу. Писец уходит и, вернувшись, молча указывает рукой на дверь в приемную верховного жреца Аменхотепа.

Хеви входит. Он бывал уже в этой просторной комнате, посередине которой на постаменте из прекрасно отполированного темного гранита стоит тончайшей работы резной деревянный футляр, покрытый листовым золотом. В этом футляре помещается великолепная золотая статуэтка бога Амона-Ра. Сейчас дверцы футляра открыты, и статуэтка поблескивает в свете горящего перед ней золотого же светильника. Здесь всегда сравнительно прохладно – выстланный каменными плитами пол, высокий потолок, окна, выходящие на север и запад, постоянный легкий сквозняк – все это смягчает жар палящего дня. В комнате приятно пахнет благовониями, тлеющими на углях жертвенника перед статуэткой Амона-Ра, и цветами, большие букеты которых стоят возле нее. Мебели здесь немного – четыре кресла черного дерева с вставками из слоновой кости и золота, такие же скамеечки, которые ставятся под ноги, и столики, тоже из ценных пород дерева и тоже украшенные резьбой или вставками из кости, самоцветов, золота.

Аменхотеп сидит на своем обычном месте – в глубине комнаты справа. Хеви приветствует его поклоном еще с порога, а подойдя, кланяется еще раз.

– Здравствуй, Хеви! – говорит Аменхотеп. – Ты хотел меня видеть?

– Да, господин!

– Что же тебе нужно?

– Сегодня ночью в горах западного берега совершено нападение на моего ученика Кари. Его избили так, что он потерял сознание, и заключили в тюрьму в Святилище. Я пришел просить тебя распорядиться о срочном расследовании этого дела, об освобождении мальчика и строгом наказании виновных! – твердо говорит Хеви.

Верховный жрец Аменхотеп слегка приподнимает брови.

– Ты уверен, что тебе сообщили правду об этом происшествии? – спрашивает он. – Мне известно совсем другое. Этот мальчишка был схвачен с украденным им золотым браслетом царевны Меритамон.

– Этот браслет ему подбросил маджай Караи, господин, который сделал это по приказанию начальника отряда ремесленников царских кладбищ Панеба. Только он ошибся, – ему было велено поймать не Кари, а Паири, сына того каменотеса Нахтмина, который совершенно незаконно захвачен по обвинению в грабежах.

– Как это у тебя все странно получается, Хеви, – с легкой усмешкой говорит Аменхотеп. – И мальчик и каменотес – оба схвачены незаконно и оба невиновны! Откуда у тебя эти сведения? На чем они основаны? – В голосе верховного жреца звучит угроза.

Но Хеви отвечает ему прямым бесстрашным взглядом и по-прежнему твердо говорит:

– Мне известно, господин, что Караи предлагал другому маджаю проделать все это, но тот отказался.

– Где же этот «другой» маджай? И зачем надо Панебу обвинить в краже мальчишку, который, как ты утверждаешь, ни в чем не виноват?

– Об этом маджае ты скоро услышишь, господин, такие вещи, которые тебя убедят лучше моих слов. А Панебу нужно обвинить Паири для того, чтобы тем самым подтвердить виновность его отца в грабежах!

– А это ему зачем понадобилось? – Аменхотеп уже не сдерживает раздражения.

– Потому что Нахтмин и Харуди мешают ему делать те преступления, которые он безнаказанно творит в поселке и в Долине царских гробниц.

– О каких преступлениях ты говоришь, Хеви? Почему же о них никто не знает – ни Пауро, ни везир, ни я наконец? Как это может быть? – Аменхотеп сдвигает брови, но это не производит на Хеви никакого впечатления.

Он смотрит в упор на верховного жреца и отвечает:

– Пауро об этом знает и покрывает Панеба... Не может не знать хотя бы о некоторых вещах и везир... Почему он молчит – спроси его сам, господин! А ты, господин... Разве ты не помнишь, как по моей же просьбе ты в прошлом году освободил от преследований Панеба двух ремесленников? Ты еще обещал тогда вообще расследовать все дела Панеба, но, видимо, не успел...

Аменхотеп сжимает губы, в его глазах загорается недобрый огонек... Он вспоминает эту историю с ремесленниками. Да, действительно он тогда обещал Хеви заняться Панебом, а потом забыл. Но как все-таки решается этот художник напоминать ему об этом? А художник смело продолжает:

– Я прошу тебя, господин, вмешайся в эти дела хоть теперь! Нельзя больше терпеть! И лучше, если это сделаешь ты сам, чем другие...

– Кто это другие?! – гневно перебивает жрец.

– О всех действиях Панеба и Пауро уже сообщено везиру Севера, господин, а это значит, что об этом немедленно узнает и фараон...

Аменхотеп встает и выпрямляется во весь рост.

– Это ты написал везиру Севера? – грозно спрашивает он.

– Нет, господин, не я, но я теперь очень жалею, что сам не сделал этого!

Они стоят друг против друга – прославленный художник и верховный жрец, их взгляды встречаются, и ни один, ни другой не отводят глаз. Напряженное молчание нарушает Хеви:

– Освободи мальчика, господин, прошу тебя! Клянусь фараоном, он не виновен ни в чем! Это самый талантливый из моих учеников, моя надежда и гордость. Он будет замечательным художником. Освободи его!

– Я не верю в его невиновность! – резко отвечает Аменхотеп.

Его речь теперь утратила обычное величавое спокойствие, он говорит быстро, запальчиво и, пожалуй, сам не верит в то, что утверждает.

– Будет суд, суд и разберет, а до этого я не дам приказа об его освобождении!

Хеви отступает на шаг назад:

– Ты мне не веришь, господин? Ты не хочешь освободить мальчика? Но ведь он ранен, он может погибнуть в тюрьме!

– Ничего, не умрет! – жестко говорит Аменхотеп. – А если и умрет – одним щенком меньше, только и всего. Талантливый художник! Ха-ха! Кто это может знать? Чего только не придумают люди, чтобы добиться своего!

Хеви сжимает кулаки. Кажется, он готов броситься на жреца, но, сдержав свой порыв, он говорит, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Я ухожу, господин... Я иду к себе в поселок, но имей в виду, что, пока Кари и оба каменотеса не будут освобождены, я не дотронусь до кисти!

Хеви склоняется в легком поклоне и поворачивается, чтобы уйти.

– Стой! – гневно вскрикивает Аменхотеп, теряя наконец самообладание. – Что это – ты мне смеешь угрожать?!

Хеви останавливается.

– Нет, господин, я предупреждаю! – говорит он и уходит.

Аменхотеп с минуту стоит неподвижно, пораженный смелостью художника, потом начинает быстро ходить большими шагами взад и вперед по комнате. Его брови сдвинуты, руки заложены за спину; белое широкое одеяние обвивается вокруг ног при резких поворотах.

«Мальчишка несомненно невиновен, иначе Хеви не стал бы так себя держать. Не дотронется до кисти! И ведь действительно не дотронется, хоть убей его! А работа будет стоять, росписи гробниц самого фараона, потом царицы и старшей царевны – эти росписи никому нельзя доверить. А они должны быть готовы к приезду фараона. И что это он еще говорил о каком-то письме везиру Севера насчет Панеба? И еще о маджае, которому известны проделки Панеба и даже самого Пауро? Необходимо немедленно выяснить, кто писал это письмо везиру и где этот маджай? И как он мог забыть про этого негодяя Панеба, ведь обещал же он тогда разобраться во всем, художник прав – действительно обещал! А те ремесленники, которых он в прошлом году освободил по просьбе Хеви, ведь они таки оказались невиновными. Что, если и теперь Хеви прав? Неужели уступить и освободить мальчишку? Нет, он не уступит, надо придумать что-то другое...»

В это мгновение в дверях показывается писец.

– Что тебе? – раздраженно спрашивает Аменхотеп.

– К тебе идет начальник Города, господин, – докладывает писец с поклоном.

– Пасер?

– Да, господин.

– Хорошо, я жду его, пусть войдет!

Писец бесшумно исчезает.

«Этот еще зачем пришел?» – думает Аменхотеп.

Пасер входит быстрыми шагами. Это высокий плотный мужчина, энергичный и крепкий, с порывистыми движениями и суровым выражением небольших черных глаз. Верховный жрец и градоначальник столицы обмениваются обычными приветствиями, и Аменхотеп предлагает гостю кресло. Оба садятся.

Аменхотеп ждет, чтобы Пасер первым начал разговор. Жрец не расположен вести праздную беседу и предпочел бы сразу узнать, что привело к нему этого неожиданного посетителя. Пасер понимает это, да он и сам стремится поскорее кончить переговоры и поэтому говорит:

– Я пришел сообщить тебе следующее: теперь я могу доказать, что решение суда по моей жалобе на действия Пауро было неправильным, как я, впрочем, тогда же тебе и сказал. Но в тот день у меня еще не было достаточных доказательств. Теперь наконец они у меня в руках.

– Именно? Какие же это доказательства? – медленно произносит Аменхотеп.

– Еще в день суда над медником, после того как решение уже было вынесено, ко мне пришли два писца царского кладбища и рассказали о том, что гробницы действительно были ограблены. Я записал их показания, но решил подождать, пока у меня не будет какого-нибудь неопровергимого доказательства, и только тогда потребовать пересмотра дела.

А вот на днях ночью ко мне явился маджай из стражи Пауро и предъявил мне его письмо к начальнику тюрьмы Святилища, в котором Пауро пишет, что так как этот маджай слышал что-то лишнее, то он приказывает его утопить. Письмо написано рукой Пауро и было запечатано его печатью.

– А что слышал этот маджай?

– Разговор Пауро с Панебом, из которого совершенно ясно, что Панеб причастен к грабежам царских гробниц, что Пауро это знает, но все обычно сваливается на мелких грабителей, либо просто на невиновных, причем заодно избавляются от нежелательных людей. Могу передать тебе все подробно.

И Пасер рассказывает то, что ему стало известно от Монту. Аменхотеп молча выслушивает все – и о чем говорили Пауро с Панебом, и о том, что медник Пахар содержался не в тюрьме, а в доме Пауро, и о попытке маджая Караи уговорить Монту подстроить ложное обвинение Паири, и перечень преступлений Панеба, и подозрения, которые вызывает у Пасера поведение не только Пауро, но и везира.

– Вот копия письма Пауро к начальнику тюрьмы, а вот копии показаний маджая и писцов, – говорит в заключение Пасер и протягивает жрецу три свитка.

Аменхотеп молча берет их и медленно читает один за другим. Впрочем, он не столько читает, сколько пользуется возможностью продумать все услышанное и принять нужное решение. Он сразу же понимает, что сведения Пасера соответствуют действительности и что отвратительные преступления, о которых он сейчас услышал, были совершены на самом деле. Слишком многое совпадает с тем, что ему только что говорил Хеви.

Аменхотеп видит, что если ему не удастся уговорить Пасера не требовать немедленного пересмотра решения суда, то неизбежна широкая огласка всех этих грязных дел. А это покажет, что в столице Египта царит полный беспорядок и безнаказанность и что он, Аменхотеп, либо не умеет держать всех в руках, либо сам замешан в этих же преступлениях. А тут еще отказ главного художника продолжать работу в гробницах фараона и царицы!

Дело не в том, что он боится фараона. Царь слабохарактерен, а он, верховный жрец Амона-Ра, в сущности, играет не меньшую роль особенно здесь, на Юге Египта, и еще неизвестно, кто из них двоих, он или царь, оказался бы победителем в случае какого-нибудь столкновения. Но эти события могут положить такое пятно на его имя, что ему уже не удастся сохранить уважение, которым он окружен. А этим, несомненно, воспользуются его враги, в первую очередь – жрецы Мемфиса, второго главного города страны, ее древней столицы. Да и здесь, в Фивах, у него достаточно недоброжелателей, завидующих его званию, власти, богатству. Ему известно, что и фараон его не любит и втайне боится его огромного влияния.

Кто знает, как все может повернуться, если эти преступления станут известны. Да, надо непременно привлечь на свою сторону Пасера, непременно, ценой любых уступок, как бы это ни было неприятно.

Верховный жрец возвращает документы Пасеру.

– Ты прав, я в этом убедился, – говорит он.

Пасер торжествующе поднимает голову и удовлетворенно усмехается.

– Значит, решение суда будет пересмотрено? – спрашивает он.

– Безусловно, – отвечает Аменхотеп. – Только я прошу тебя немножко подождать с подачей новой жалобы. Ты сам видишь, сколько людей замешано в этих преступлениях. И каких людей! Мне необходимо принять меры для того, чтобы, во-первых, собрать все улики, в чем я рассчитываю на твою помощь, а во-вторых, чтобы никто из виновных, узнав о готовящемся пересмотре дела, не успел бы скрыться. Согласен?

Пасер смотрит в упор на Аменхотепа.

Можно ли ему верить? Он так умен и хитер! Но в то же время его доводы вполне убедительны, да и как может небольшая отсрочка ослабить его обвинения, если доказательства настолько неопровергимы, что сам Аменхотеп признал его правоту.

– Хорошо, согласен, – говорит он.

– Я дам тебе завтра же знать о моих намерениях и, вероятно, попрошу тебя еще раз прийти ко мне, – говорит Аменхотеп, поднимаясь с кресла.

Пасер тоже встает, и они прощаются. После ухода градоначальника верховный жрец снова опускается в кресло и погружается в глубокое раздумье.

13. ПЧЕЛЫ ПРОГОНЯЮТ ГИЕНУ

Выйдя от Аменхотепа, Хеви направляется прямо в дом Бекенмута, где его ждут с таким нетерпением. Неши, Рамес и Тути сидят в саду около пруда, стараясь говорить как можно тише, чтобы не разбудить Таиси, которая дремлет в беседке.

Завидев Хеви, Рамес и Тути стремительно бросаются к нему. Неши встает и молча ждет, прижав руки к груди. Однако выражение гнева и горя на лице художника показывает, что его разговор с верховным

жрецом ни к чему хорошему не привел. И первые слова Хеви подтверждают это.

– Он отказался выпустить даже Кари, – говорит художник.

– Как, совсем отказался? И ты не смог убедить его, господин? – упавшим голосом говорит Рамес.

– Нет, он не хочет.

– Значит, Кари пропал!

– Нет, Кари еще не пропал и, надеюсь, не пропадет, как и его дядя Нахтмин и Харуди! – Голос Хеви звучит так твердо, в нем слышится такая решительность, что дети поднимают опустившиеся было головы. – Я сказал Аменхотепу, что не дотронусь до кисти, пока Кари, Нахтмин и Харуди не будут на свободе, и я это сделаю! Никто меня не заставит расписывать гробницы фараона и царицы, прежде чем они вернут мне моего ученика! Я иду в поселок, пусть там все бросают работу и требуют освобождения невиновных. Чего я не мог добиться один, мы сумеем добиться вместе! Посмотрим, что сделают Аменхотеп, Пауро и везир без нас – работа должна быть сдана в срок, а заменить нас всех сразу невозможно.

Взволнованная уверенность Хеви передается всем, и они уже с надеждой смотрят на художника.

– Бекенмут дома? – спрашивает Хеви и, получив отрицательный ответ, говорит Рамесу: – Передай твоему учителю все, что слышал. Ну, будьте здоровы, друзья, я ухожу! Ты идешь тоже, Тути?

– Нет, господин! Мне разрешили остаться здесь до вечера, – отвечает Тути, кланяясь.

И Хеви уходит один.

Ему удается найти хорошего лодочника, который быстро перевозит его на западный берег. Художник решает не заходить в Святилище и идти прямо в поселок.

Вот и родные, с детства знакомые скалы. Скорее, скорее! Накипающий в груди гнев все сильнее охватывает Хеви. Сознание своего бессилия перед произволом жрецов и знати никогда еще не наполняло его таким глубоким возмущением.

Хеви вырос в суровой обстановке и с детства привык видеть несправедливость. Ему всегда казалось, иначе и быть не может: так боги создали мир, изменить ничего нельзя. Годы шли, он учился, работал, бывал с поручениями в разных местах и встречал столько зла... Иногда он сам, пользуясь славой известного мастера, добивался «милости» от фараона или везира для какого-нибудь человека, попавшего в беду. Он понимал, что сломить тяжесть власти царя и знати невозможно, если не поднимется весь народ, как это было когда-то давно, во время грозного восстания земледельцев, ремесленников и рабов. Хотя и это восстание было в конце концов подавлено, но память о нем жива.

Сегодня во время разговора с Аменхотепом Хеви вспомнил рассказы своего отца о том, как жители их поселка отказывались работать, когда им задерживали выдачу положенного пайка, и если они действовали дружно, то добивались своего. Так надо поступить и на этот раз.

Думы Хеви прерываются – навстречу ему спешит человек с испуганным лицом. Он почти бежит, и Хеви едва успевает заметить, что это помощник Панеба, Хати. Куда это он? А, не все ли равно – вот уже виден поселок. Хеви останавливается, чтобы перевести дыхание, и с удивлением слышит непривычный гул, доносящийся из поселка. Что это? Там полно народу, слышны даже отдельные выкрики. Ага, это значит, что мужчин известили о случившемся и они прибежали домой!

Хеви видит, что постепенно весь народ выходит из поселка и собирается около гробниц, видит, что какой-то человек встает на большой камень и начинает говорить, возбужденно взмахивая руками. Художник бросается вперед. Еще издали он узнает в говорящем человеке отца Кари, столяра Онахту.

– Братья и сестры, до каких же пор мы будем терпеть все эти преступления? – далеко несется громкий голос Онахту. – Неужели мало

мы уже видели горя от Панеба? Он не начальник отряда, а палач и предатель!

– Правильно! Хватит! Долой Панеба! – звучат возбужденные голоса.

– Он убил старшего сына прежнего начальника, чтобы захватить его место! – с новой силой продолжает Онахту. – Сколько раз он избивал нас, сколько раз заставлял работать на себя! Это по его проискам посажены в тюрьму мой брат Нахтмин и Харуди, которых он обвинил так же лживо, как пытались обвинить и меня! Но ему все мало, сегодня ночью они пробовали устроить ловушку для сына Нахтмина, а попался мой сын Кари! Он тоже в тюрьме, мы даже не знаем, жив он или нет! Панеб добрался уже до наших детей! Довольно злодеяний, вон Панеба! Бросайте работу, идем к Святилищу требовать свободу невинным!

– Идем, все идем! – кричат одни.

– А если начальник пошлет против нас стражников, – раздается чей-то голос, – как мы отобъемся?

– Не посмеет он этого сделать! – кричит Онахту.

И неожиданно рядом с ним появляется старый арфист. Ему помогают взобраться на камень, и все замолкают, ожидая, что скажет стариk.

Слепец твердо стоит рядом с Онахту, опираясь одной рукой на плечо столяра. Солнце освещает множество морщинок на пожелтевшем лице, дряблую шею. Он протягивает вперед руку и говорит сильным певучим голосом, так несоответствующим всему его облику:

– Дети мои, не бойтесь, никто не решится послать против вас стражу. Наши отцы и деды не раз покидали эти стены и шли туда, на дорогу, к храму, требовать то, что они заработали. С ними шли их жены и дети, и никто не уходил, пока им не выдавали того, что им следовало получить... И стража не трогала их, и ни везир, ни верховный жрец не могли с ними справиться, если они шли все вместе. Или вы все трусы, недостойные называться детьми своих отцов и внуками своих дедов?! Или так запугал

вас Панеб, что вы и шагу ступить боитесь?! Идемте, дети мои, идемте дружно! Дай мне руку, Онахту, я пойду с тобой впереди всех!

Слова старого арфиста встречаются громким одобрением. Гнев людей вспыхивает теперь с новой силой. Поднимаются сжатые в кулаки руки, раздаются угрозы.

И снова одинокий голос задает вопрос:

– А что, если попробовать сначала обратиться с просьбой к верховному жрецу Аменхотепу? Может быть, он не знает обо всем этом, а когда ему станет все известно, то он поможет нам?

Но в ответ раздается взрыв негодования, и тогда на камень поднимается Хеви и становится по другую сторону старого слепца. Его встречают бурей приветствий. Художника любят и уважают в поселке, и то, что он пришел сюда в этот трудный час, вызывает всеобщий восторг.

– Здесь кто-то сказал, что следует обратиться к верховному жрецу Аменхотепу и просить его освободить наших людей, – громко говорит Хеви. – Это бесполезно, я сегодня утром уже был у него, и он наотрез отказался освободить даже Кари!

Крик возмущения вырывается у всех. Кольцо народа, окружающего камень, становится еще плотнее.

– Онахту и Неферхотеп правы, братья! Нам остается только прекратить работу! Я уже сказал верховному жрецу, что не возьму кисти в руки, пока справедливость не будет восстановлена! Идемте, братья и сестры, идемте!

– Да здравствует Хеви, да здравствует наш славный художник! Идемте все, идемте! – звучит в ответ. Порыв снова растет, лица становятся суровыми и решительными, в руках появляются кирки и топоры; женщины наспех захватывают еду и фляги с водой и, окруженные детьми, идут вместе с мужьями, братьями и отцами.

Хеви и Онахту помогают Нефертотепу сойти с камня и ведут его под руки. И так же, втроем, как стояли перед народом, они идут теперь впереди всех – рослый столяр, слепой арфист и знаменитый художник, родившиеся и выросшие в этом поселке, кровно связанные со всем его населением и равно готовые разделить с ним общую участь. За ними идет весь остальной народ – мужчины, и женщины, и старики, и дети. Идут каменотесы и живописцы, скульпторы и водовозы, зодчие и столяры, певицы и музыкантши. Идет мать Харуди и жена Нахтмина с дочерьми, идет даже начальник второго отряда ремесленников, старик Инхерхаа.

Молча пропускает их стража у поста, и грозное шествие начинает спускаться в долину.

Но еще раньше, чем работники царских кладбищ выходят из поселка, весть о том, что они собираются это сделать, достигает Святилища.

Первым ее приносит туда помощник Панеба Хати. Уход всех людей с работы, возмущение и гнев ремесленников, встреча с Хеви – все это Хати с тревогой и страхом передает Пауро и бывшему у него в это время Панебу. Новость ошеломляет и Пауро и Панеба. Давно уже ничего подобного не случалось в поселке, поэтому грозный начальник западного берега и его сообщник приходят в замешательство и не знают, на что решиться. Их растерянность еще увеличивается, когда приходит начальник стражи и докладывает, что все население поселка идет к Святилищу и что он уже послал гонца с этим известием на восточный берег, к верховному жрецу Аменхотепу.

– Как, они вышли все? – спрашивает Пауро с удивлением.

– Все, господин! И женщины, и слепец Неферхотеп, и сам начальник второго отряда Инхерхаа!

На лице Пауро явно отражается страх.

– Я пойду поговорю с ними, – решает Пауро и уходит с начальником стражи.

Когда он возвращается обратно, то по его лицу Панеб и Хати сразу же понимают, что этот разговор Пауро ни к чему не привел.

– Где они, господин? – спрашивает Панеб.

– Как и в старину, сели на дороге около стены храма, кричат и не уходят.

– А чего они требуют?

– Убрать тебя, и это в первую очередь! – со злостью говорит Пауро. – И, конечно, освободить тех двух каменотесов и мальчишку! – И услышав, что кто-то входит в комнату, резко поворачивается к двери. – Кто посмел... – начинает он и осекается – перед ним стоит третий жрец из храма Амона-Ра в Ипет-Сут и смотрит на него пристальным холодным взглядом, не предвещающим ничего доброго.

– Верховный жрец Аменхотеп приказывает тебе немедленно явиться к нему и взять с собой начальника отряда работников царских кладбищ Панеба, его помощника Хати, а также захваченного сегодня ночью в горах ученика художника Хеви и тех людей, которые его взяли. Распорядись доставить их сюда, и едем – ладья ждет у пристани.

Жрец садится и не обращает больше внимания ни на кого из присутствующих. Пауро с недоумением смотрит на него. Что означает этот приказ верховного жреца? Кто ему успел обо всем сообщить и что именно? В душе Пауро тревога все растет. Но противиться сейчас невозможно, и он отдает требуемый приказ. Через несколько минут приходят маджай Караи и медник Пахар, недавно освобожденный на городском суде; приводят и Кари. Мальчик с трудом держится на ногах, его голова обвязана какой-то тряпкой, все тело покрыто синяками и ссадинами. Жрец внимательно смотрит на него и говорит, обращаясь к Караи:

– Возьми мальчика на руки! А теперь, – он поворачивается к Пауро, – идем!

Все молча выходят. Также молча совершается и переезд. Кари так плохо, что он не вполне отдает себе отчет в том, что происходит на ладье. Однако постепенно он приходит в себя и с удивлением видит, что его везут на восточный берег. Что это – тут же третий жрец, Пауро, Панеб, медник Пахар, маджай Караи? Значит, все кончено, и его везут в тюрьму храма Амона, как Нахтмина и Харуди?

Ну что же, надо держаться!.. И когда, высадившись на берег, Каи опять хочет взять мальчика на руки, тот отталкивает его и идет сам. Вот они входят в какой-то дом, распахивают двери, и Каи видит, что перед ним сидит в кресле верховный жрец Аменхотеп. Мальчик оглядывается – все те люди, которые были в ладье, тоже стоят тут.

Аменхотеп пристально смотрит на Каи и спрашивает его:

– Как твое имя?

– Каи, господин, – тихо отвечает мальчик.

– Кто твой учитель?

– Художник Хеви, господин.

– Так, хорошо. – Аменхотеп поворачивает голову к своему писцу. – Отправь немедленно Каи, ученика художника Хеви, к врачу Бекенмуту. Мальчик свободен. Пусть врач займется его лечением. И прикажи войти отряду стражи храма.

Писец помогает Каи выйти из комнаты верховного жреца в первую приемную и, дав знак уже стоящему здесь отряду стражи войти к

Аменхотепу, передает мальчика слуге, повторив ему приказание верховного жреца.

А в это время мимо них выходит обратно отряд стражи, посередине которого, опустив головы, идут Панеб, Хати, Кааи и медник Пахар. Позади всех выходит третий жрец и плотно затворяет за собой дверь.

А за дверью Аменхотеп говорит Пауро своим жестким, холодным, привыкшим повелевать голосом:

– Слушай внимательно, правитель Запада, и постарайся понять. На этот раз ты проиграл игру, и дело может коснуться твоей собственной головы. Маджай, которого ты велел утопить, находится у Пасера, и твое письмо к начальнику тюрьмы тоже у него. Пасер сам мне все это рассказал и дал прочесть копию с твоего письма. Знай еще, что кем-то (я не знаю, кем) послана жалоба везиру Севера с перечислением преступлений Панеба. А теперь еще из-за него прекратились работы на царских кладбищах! Я уже обо всем говорил сегодня с везиром, и он полностью согласен с тем, что я собираюсь сделать. Я думаю, что и ты сам не захотел бы слушать на суде показания Панеба, а пытка может заставить его сказать все.

Аменхотеп встает и начинает ходить по комнате.

– Так вот, поскольку Панеб и все эти люди, которых сейчас увела стража, находятся на службе храмов, значит, они могут подлежать храмовому суду. Сейчас этот суд собирается, и я иду туда. Они все будут осуждены и отправлены немедленно же в рудники. Одновременно суд освободит двух каменотесов, которых ты включил в список грабителей... включил по просьбе Панеба, вероятно, ошибочно, не так ли?

Аменхотеп на минуту замолкает, потом снова садится в свое кресло и продолжает:

– В общем, когда Пасер сегодня придет ко мне, со всем уже будет кончено, и ни Панеб, ни его сообщники не смогут ничего показывать при Пасере – они будут уже по дороге к рудникам. Пасер должен будет удовлетвориться решением нашего суда... А если приедет везир Севера

или его посланный разбирать жалобу на Панеба, им будет сказано, что мы сами обо всем узнали и уже наказали виновных. Работы в царских гробницах возобновятся завтра же, потому что сегодня оба каменотеса вернутся в поселок, а мальчик уже свободен.

Аменхотеп снова встает, подходит совсем близко к Пауро и говорит, глядя на него в упор:

– Теперь хочу дать тебе два совета: во-первых, назначь на место Панеба того человека, которому оно принадлежит по праву, а во-вторых, мне кажется, что ты очень плохо выглядишь, вероятно, эти дела тебя расстроили, так что тебе надо полечиться, и подольше. Обратись к врачу своего храма, а еще лучше – поезжай помолиться божеству какого-нибудь далекого святилища! Учи, что когда человек болен, то его не позовут давать показания ни в суде, ни везиру Севера!

Пауро слушает в полном смятении. Ему, любящему власть и привыкшему к ней, нелегко признать свое поражение, торжество Пасера, потерю сообщников. Для него ясно, что Аменхотеп о многом умалчивает. Конечно, верховный жрец знает, что Пауро сам получал часть добычи от грабежей, и ему тяжело сознавать унизительность своего положения. Он понимает, что верховный жрец мог бы погубить его окончательно – он ясно дал это понять. Вероятно, он не делает этого только потому, что союзник, обязанный ему жизнью, может пригодиться.

Но другого выхода нет, жрец прав. Игра проиграна, надо расплачиваться. Могло быть и хуже. Пауро заставляет себя поклониться жрецу, выразить полное согласие с его решением, поблагодарить за советы, которыми он, конечно, воспользуется. Еще поклон, и Пауро уходит.

Аменхотеп облегченно вздыхает и, встав с кресла, расправляет плечи. Кажется, все кончается благополучно. Он пришел к этим решениям не сразу; еще утром, после ухода Хеви, он колебался в поисках выхода, не хотел уступать. Но известие о восстании ремесленников царских кладбищ заставило его немедленно разрубить узел, грозивший теперь затянуться мертвый петлей. Он был слишком умен, чтобы рисковать

всем из-за мелких уколов его самолюбию. Пусть получат свободу два каменотеса и мальчишка-художник, зато он спасет свое высокое положение и власть, которую оно дает.

Ну, а теперь на суд – и кончать все как можно скорее, пока не явился Пасер и не перешли границ там, на дороге около Святилища!

14. РАССВЕТ

Пока в одном из отдаленных помещений храма заседает суд, в доме врача Бекенмута горе и печаль сменяются сначала надеждой при облетевшем весь город известии о восстании в поселке, а потом и радостью. Первой появление Кари замечает стоящая у ворот Неши.

– Кари, Кари! Сын мой!.. Господин, там кто-то несет сюда Кари!

Мать бросается к сыну. На ее крик выбегают Бекенмут, его мать и Тути.

Слуга верховного жреца, опустив Кари на землю, вместе с Неши поддерживает его – такого исхудавшего, жалкого и тем не менее уже радостно улыбающегося.

– Ты врач Бекенмут, господин? – спрашивает слуга.

– Да, я, – отвечает Бекенмут.

– Верховный жрец приказал тебе принять этого мальчика Кари, ученика живописца Хеви, и лечить его. Мне велено также сказать тебе, что мальчик свободен.

Слуга кланяется и уходит, а Бекенмут горячо обнимает Кари. Пошатываясь от слабости, но сияя от счастья, мальчик переходит из одних объятий в другие. Его ведут в дом, усаживают, приносят вина и еды, и, утоляя голод и жажду, Кари тут же коротко сообщает обо всем, что произошло. Известие об аресте Панеба с сообщниками поражает всех присутствующих. То, что дела работников царских кладбищ принимают хороший оборот, первым понимает Бекенмут.

– Ну, я думаю, что Нахтмин и Харуди тоже освободятся сегодня же, – говорит врач. – Восстание в поселке спасло вас всех.

– Какое восстание?

– Ах да, ты еще ничего не знаешь! Сейчас я тебе все расскажу, только сначала мне нужно тебя осмотреть.

Бекенмут берет Кари на руки и уносит его в дом. Он внимательно осматривает мальчика, потом тщательно моет его, накладывает на голову пропитанную чем-то повязку, мажет какой-то мазью ссадины и царапины. При этом он рассказывает ему обо всем, что сегодня случилось.

Кари слушает внимательно, то негодяя, то радуясь. Какое счастье, что Паири уцелел! Какой же он молодец – раненый, добрался до поселка. Ведь без него там никто бы ни о чем не узнал. Возможно, и восстание не произошло бы так скоро, а значит, и Кари еще сидел бы в тюрьме!

– Теперь лежи спокойно, и ты скоро поправишься, – говорит Бекенмут, уложив Кари в небольшой комнате с выходом в сад. – Я уверен, что ты скоро увидишь своего учителя!

Кари блаженно улыбается, и в это время в комнату вбегает Рамес. Лицо мальчика, обычно такого сдержанного и молчаливого, сейчас сияет

откровенной радостью. Он бросается к Кари, крепко обнимает его и счастливо смеется.

– Осторожнее, Рамес, не сделай ему больно! – останавливает его Бекенмут.

– Ох, господин, прости, я тебя не заметил! – говорит, вскакивая, Рамес. – Я так обрадовался, когда узнал, что Кари здесь! И еще большая радость, господин! Сейчас был суд в храме, и там признали Нахтмина и Харуди невиновными, и их сразу же освободили и велели немедленно идти в поселок!

– Ах, значит, сегодня же был суд в храме? – переспрашивает Бекенмут.

– Да, господин, мне сказал дед, он сейчас вернулся оттуда. И еще новость: Панеба, Хати, Караи и медника Пахара осудили и направили в рудники...

– Не может быть! – вскрикивает Кари и даже пытается сесть, но Бекенмут тут же укладывает его обратно.

Врач сам тоже не скрывает удивления. Ну, значит, у верховного жреца другого выхода не было. И Бекенмут вспоминает свой разговор с Онахту и совет, который он тогда дал столяру. Да, пчелы прогнали гиену, да еще и не одну!

Бекенмут подходит к двери и широко ее распахивает. Волна света и аромата цветов наполняет комнату. Рамес подходит к врачу и становится рядом с ним. На лице мальчика все то же счастливое выражение, исчезла свойственная взгляду Рамеса сосредоточенность, принимавшая иногда оттенок какой-то горечи.

– А у меня есть еще одна хорошая новость, господин, – говорит он, – дед посыпает меня учиться в Санс! Верховный жрец сегодня сам об этом с ним заговорил, он ведь знал, что я просил деда отправить меня учиться, чтобы стать врачом, но раньше все не позволял, а сегодня сказал деду, что я больше не гожусь для участия в «божьем суде» – вдруг мне опять станет плохо!

Рамес хитро улыбается, но у Бекенмута мелькает мысль, не подозревает ли чего-нибудь Аменхотеп? Самому врачу Рамес давно рассказал, как было дело. Но Бекенмут тут же решает, что никаких доказательств сознательного неповиновения Рамеса у верховного жреца нет, а поэтому если он и подозревает мальчика, то это еще не беда. Главное, что он разрешил ему уехать учиться! Рамес будет прекрасным врачом, а здесь мальчик просто зачахнет от тоски. Правда, Бекенмуту будет очень недоставать его любимого ученика, но зато он потом вернется и станет его верным помощником! Бекенмут крепко обнимает Рамеса и горячо поздравляет его. Кари тоже рад за своего друга, хотя и ему будет его недоставать.

Входит мать Бекенмута и зовет всех обедать. Кари говорит, что он не хочет есть – его ведь только что накормили, он лучше подремлет, а потом пусть непременно снова все придут и пусть принесут Таиси, он очень хочет видеть сестру.

Мальчику обещают выполнить его просьбу, и все уходят. Кари едва успевает поудобнее пристроить голову на подголовнике, как уже засыпает крепким сном.

Он просыпается часа через два, отдохнувший и посвежевший. Откуда-то доносятся голоса, и, хотя говорящие явно стараются не шуметь, Кари все же различает то и дело прорывающийся смех Тути. И он кричит:

– Тути, это ты? Рамес, идите сюда скорее!

Голоса внезапно замолкают, потом слышно, как кто-то вскакивает, шлепают босые ноги... Дверь распахивается – вот они, его верные друзья – Тути, Рамес! Ах, вот даже учитель Хеви входит! Кари садится на кровати и протягивает им руки.

Он потом никогда не мог вспомнить, кто из них что говорил в эти первые минуты встречи. Запомнилась только бесконечная радость оттого, что он их снова видит, что он свободен, что кончился кошмар этой ночи, что исчезло горе прошлых дней.

Позже, когда все немного успокоились, Кари узнает новости. Сначала Хеви рассказывает о той радости, которая охватила всех работников царских кладбищ при виде Нахтмина и Харуди, шедших к ним в сопровождении писца верховного жреца, о всеобщем ликовании при известии об освобождении Кари и ссылке Панеба и Хати. Никогда еще не было в горах такого веселого шествия, как теперь, когда ремесленники возвращались в свой поселок!

Кари слушает все это с огромным интересом. Он даже не замечает, что Бекенмут выходит из комнаты и возвращается, держа на руках Таиси. Только радостный крик девочки привлекает к ней внимание Кари.

– Таиси! Как я рад тебя видеть! Как ты пополнела! Господин, принеси, пожалуйста, ее ко мне, сюда, – просит он врача. Но, к удивлению Кари, тот отрицательно качает головой.

– Нет, я больше не хочу ее носить, – говорит он и неожиданно опускает Таиси на пол.

Что это – девочка стоит! Все затаив дыхание смотрят на нее. А она медленно и осторожно делает шаг, потом второй, еще... и вот она уже дошла до кровати Кари и весело, счастливо смеется.

– Таиси поправилась! Ты ее вылечил, господин! – говорит Кари, и в его голосе Бекенмут слышит столько уважения и благодарности, что он подходит к мальчику и гладит его по голове.

– Таиси еще только начала поправляться, Кари, – говорит Бекенмут. – Ей еще предстоит долго лечиться, но она такая терпеливая, что я совершенно уверен в том, что она будет совсем здорова.

Теперь очередь рассказывать за Таиси. Хеви и Бекенмут уходят в сад, и дети весело болтают около часа, после чего врач возвращается и говорит, что Кари больше волноваться нельзя, да и всем уже пора спать.

Тути устраивают на крыше, Хеви – в комнате для гостей. Кари выпивает какое-то лекарство, Бекенмут меняет ему повязку на голове и тоже уходит. Мальчик засыпает. Он спит спокойно, без всяких снов, но просыпается рано, когда небо только что начинает слегка светлеть. Как сейчас, должно быть, хорошо на реке! Кари тихо встает с кровати и набрасывает на себя лежащую рядом одежду. Никакой боли он не чувствует, если не считать того, что больно трогать затылок. Но ведь его можно и не трогать.

Кари открывает дверь и выходит в сад. Луны уже нет, а звезды бледнеют и пропадают прямо на глазах. Он выходит из сада и идет по улице на запад – наверное, где-нибудь тут можно выйти к реке. Улица упирается в поле, и, осторожно пробираясь по насыпи вдоль канала, Кари действительно доходит до реки и садится на берегу.

Вон видны его родные горы! Их уже начинает заливать золотом рассвета, особенно Вершину Запада, хотя солнца еще не видно. Но совсем быстро светлеет, небо становится голубым, и волны яркого света льются через голову мальчика из-за восточных гор, зажигая верхушки обелисков на обоих берегах. Сколько замечательных памятников создано в течение веков на этих берегах, сколько гениальных мастеров работало здесь из поколения в поколение! Хеви обещал приводить его сюда, показывать все это... А потом Кари будет учиться в том же Доме жизни, где учился сам Хеви, чтобы стать настоящим художником. Кари

всегда мечтал об этом, но не смел надеяться, что это будет. А вчера Хеви сказал, что уже никто этому не помешает. Будет это? Будет!

Да, он знает, что ему придется много работать, – ничего, он любит свое дело. Он знает и то, что в будущем предстоят не только радости, но и тяжелые дни. Могут встретиться на его пути такие же люди, как Панеб или Пауро, но он узнал и другое – силу дружбы, верности...

Никогда еще ему не было так хорошо. Свежесть утреннего воздуха, рассвет нового дня, рассвет его юности!..

